

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕЗИДИУМА, РЕШЕНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДЕБНЫХ КОЛЛЕГИЙ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Индексация присужденных судом денежных сумм в порядке ст. 208 ГПК РФ не производится, если решение суда об обращении взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации исполнено в течение установленного п. 6 ст. 242 Бюджетного кодекса РФ срока, который начинается течь после предъявления взыскателем исполнительного документа к исполнению

*Определение Судебной коллегии
по гражданским делам Верховного Суда РФ
от 14 марта 2016 г. № 78-КГ15-47*

(Извлечение)

Т. обратился в суд с иском к региональному отделению Фонда социального страхования РФ по Республике Башкортостан (далее — региональное отделение ФСС РФ по Республике Башкортостан, региональное отделение) об индексации страхового возмещения, взыскании пени.

Судом было установлено, что Т. с 1 сентября 2012 г. на основании приказов заместителя управляющего региональным отделением ФСС РФ по Республике Башкортостан была назначена и выплачивалась ежемесячная страховая сумма в возмещение вреда здоровью.

Апелляционным определением областного суда от 24 октября 2013 г. отменено решение районного суда от 22 июля 2013 г. и частично удовлетворены исковые требования, заявленные Т. к региональному отделению ФСС РФ по Республике Башкортостан, о перерасчете назначенных ежемесячных страховых выплат, об обязанности произвести ежемесячные страховые выплаты, о взыскании расходов на медицинскую реабилита-

цию. По делу вынесено новое решение, которым с регионального отделения ФСС РФ по Республике Башкортостан в пользу Т. взыскана задолженность по ежемесячным страховым выплатам. На региональное отделение возложена обязанность выплачивать Т. ежемесячные страховые выплаты с последующей индексацией.

6 марта 2014 г. в пользу Т. региональным отделением ФСС РФ по Республике Башкортостан была перечислена задолженность по ежемесячным страховым выплатам.

Разрешая спор и частично удовлетворяя исковые требования Т. об индексации страхового возмещения и взыскании неустойки, суд первой инстанции исходил из того, что апелляционное определение областного суда, которым было подтверждено наличие у истца права на получение ежемесячной страховой выплаты, рассчитанной в ином размере, чем выплачивал ответчик, вступило в законную силу 24 октября 2013 г., в связи с чем, по мнению суда первой инстанции, именно с этой даты у регионального отделения возникла обязанность выплатить истцу сумму задолженности, а также назначить ежемесячные страховые выплаты в установленном решением суда размере.

Поскольку данная обязанность региональным отделением исполнена не была, суд пришел к выводу о взыскании с ответчика пени за просрочку исполнения обязательства по производству страховой выплаты за период с момента вступления в законную силу судебного постановления, подтверждающего наличие у истца права на получение ежемесячной страховой выплаты в определенном размере (24 октября 2013 г.), до фактического ее осуществления ответчиком (6 марта 2014 г.).

Кроме того, полагая, что установлен факт задержки исполнения судебного постановления в части взыскания ежемесячных страховых выплат в размере, определенном судом апелляционной инстанции, суд со ссылкой на положения ч. 1 ст. 208 ГПК РФ удовлетворил требования Т. об индексации взысканных в его пользу за период с 24 октября 2013 г. по 6 марта 2014 г. денежных сумм с применением индексов потребительских цен в г. Санкт-Петербурге.

С данными выводами суда первой инстанции и их правовым обоснованием согласился суд апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ 14 марта 2016 г. не согласилась с приведенными выводами судов первой и апелляционной инстанций как основанными на неправильном толковании и применении норм материального права в связи со следующим.

В ст. 10 Бюджетного кодекса РФ (далее — БК РФ) предусмотрено, что к бюджетам бюджетной системы Российской Федерации относятся в том числе бюджеты государственных внебюджетных фондов Российской Федерации.

Бюджет Фонда социального страхования РФ является одним из бюджетов государственных внебюджетных фондов РФ (ст. 144 БК РФ).

Порядок и срок исполнения судебных актов по обращению взыскания на средства бюджетов бюджетной системы РФ регулируется главой 24¹ БК РФ.

В силу пп. 1, 2 ст. 242¹ БК РФ исполнение судебных актов по обращению взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации производится в соответствии с этим Кодексом на основании исполнительных документов (исполнительный лист, судебный приказ) с указанием сумм, подлежащих взысканию в валюте Российской Федерации, а также в соответствии с установленными законодательством Российской Федерации требованиями, предъявляемыми к исполнительным документам, сроком предъявления исполнительных документов, перерыву срока предъявления исполнительных документов, восстановлению пропущенного срока предъявления исполнительных документов.

К исполнительному документу (за исключением судебного приказа), направляемому для исполнения судом по просьбе взыскателя или самим взыскателем, должны быть приложены копия судебного акта, на основании которого он выдан, а также заявление взыскателя с указанием реквизитов банковского счета взыскателя (реквизитов банковского счета взыскателя при предъявлении исполнительного документа в порядке, установленном ст. 242² указанного Кодекса), на который должны быть перечислены средства, подлежащие взысканию. Заявление подписывается взыскателем либо его представителем с приложением доверенности или нотариально удостоверенной копии доверенности или иного документа, удостоверяющего полномочия представителя.

Из приведенных правовых норм следует, что Кодекс не предусматривает добровольное исполнение вступивших в законную силу судебных постановлений по обращению взыскания на средства бюджетов бюджетной системы до подачи соответствующего заявления взыскателем в соответствии со ст. 242¹ БК РФ.

Как было установлено судом, исполнение апелляционного определения от 24 октября 2013 г. было произведено региональным отделением ФСС РФ по Республике Башкортостан 6 и 12 марта 2014 г., когда платежными поручениями истцу были перечислены суммы задолженности и назначены ежемесячные страховые выплаты в установленном судом размере.

Следовательно, выводы судов первой и апелляционной инстанций о том, что имел место факт задержки исполнения судебного постановления от 24 октября 2013 г., не основаны на подлежащих применению к спорным отношениям нормах Кодекса.

Таким образом, исходя из положений ст. 242² БК РФ региональным отделением суммы страхового возмещения, подлежавшие выплате Т. на основании судебного решения, были назначены и перечислены взыскателю в семидневный срок, указанный в постановлении о возбуждении исполнительного производства, возможность исполнения судебного постановления, которым за Т. было признано право на получение ежемесячных страховых выплат, ранее у ответчика отсутствовала, поскольку истец своевременно не представил в региональное отделение ФСС РФ заверенный надлежащим образом исполнительный документ, в связи с чем у судебных инстанций не имелось законных оснований для удовлетворения исковых требований Т. о взыскании с регионального отделения ФСС РФ по Республике Башкортостан пени за просрочку исполнения обязательства по производству страховой выплаты за период с момента вступления в законную силу апелляционного определения от 24 октября 2013 г. до момента фактического исполнения ответчиком указанного судебного постановления 6 марта 2014 г.

Судами первой и апелляционной инстанций при рассмотрении дела были допущены нарушения и других норм права.

Удовлетворяя искивые требования Т. об индексации подлежащих выплате сумм страхового возмещения, судебные инстанции исходили из положений ст. 208 ГПК РФ, в соответствии с которыми по заявлению взыскателя или должника суд, рассмотревший дело, может произвести индексацию взысканных судом денежных сумм на день исполнения решения суда.

Между тем согласно п. 6 ст. 242² БК РФ исполнение судебных актов по обращению взыскания на средства бюджетов бюджетной системы РФ производится в течение трех месяцев со дня поступления исполнительных документов на исполнение.

Статья 242² БК РФ, устанавливающая особенности исполнения судебных актов по обращению взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, в том числе закреп-

ляющая сроки для исполнения судебных актов, направлена на защиту интересов взыскателя. Положения данной статьи не препятствуют исполнению судебных решений, они предполагают совершение взыскателем активных действий, направленных на получение взыскиваемых денежных средств, а именно направление в финансовый орган соответствующих документов: исполнительного листа (судебного приказа), копии судебного акта, заявления с указанием реквизитов банковского счета, на который должны быть перечислены денежные средства (Определение Конституционного Суда РФ от 11 мая 2012 г. № 804-О).

Таким образом, процедура исполнения судебного решения, предусматривающая расходование бюджетных средств, не может быть начата без непосредственного волеизъявления лица, в чью пользу взыскиваются денежные средства.

Ввиду изложенного индексация взысканных судом денежных сумм на день исполнения решения суда, предусмотренная ст. 208 ГПК РФ, до истечения трехмесячного срока со дня поступления в региональное отделение ФСС РФ судебного постановления, которым признано право Т. на получение ежемесячной страховой выплаты, недопустима, как нарушающая положения пп. 1, 2 ст. 242¹, п. 6 ст. 242² БК РФ.

Кроме того, механизм индексации ежемесячной страховой выплаты устанавлен п. 11 ст. 12 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ “Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний”, согласно которому размер ежемесячной страховой выплаты индексируется с учетом уровня инфляции в пределах средств, предусмотренных на эти цели в бюджете ФСС РФ на соответствующий финансовый год. Коэффициент индексации и ее периодичность определяются Правительством РФ.

В связи с этим Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ указала, что являлся неправильным и не основанным на законе вывод судов первой и апелляционной инстанций об удовлетворении исковых требований Т. об индексации взысканных с регионального отделения в его пользу ежемесячных страховых выплат за период с ноября 2013 г. по март 2014 г. с применением индекса потребительских цен по г. Санкт-Петербургу, поскольку в рамках исполнения судебного постановления от 24 октября 2013 г. отсутствовал факт задержки выплаты Т. присужденных ему денежных сумм.

У суда апелляционной инстанции не имелось оснований ссылаться на разъяснения, данные в п. 27 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 марта 2011 г. № 2 “О применении судами законодательства об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний”, так как согласно указанным разъяснениям суд вправе удовлетворить требование истца об индексации назначенных страховых сумм с учетом индекса роста потребительских цен Российской Федерации в субъекте Российской Федерации по месту проживания истца, в случае, если задержка

их выплаты в связи с инфляцией причиняет имущественный вред истцу.

В данном случае такие обстоятельства отсутствовали.

С учетом изложенного Судебная коллегия отменила вынесенные по делу судебные постановления и, не передавая дело на новое рассмотрение, приняла новое решение об отказе в удовлетворении заявленных требований.

ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

1. При расчете неустойки, подлежащей взысканию с заказчика по государственному (муниципальному) контракту, заключенному в целях удовлетворения государственных (муниципальных) нужд в энергоснабжении, необходимо руководствоваться положениями специальных законодательных актов о снабжении энергетическими ресурсами

*Определение Судебной коллегии
по экономическим спорам Верховного Суда РФ
от 30 января 2017 г. № 304-ЭС16-17144*

(Извлечение)

Между обществом (теплоснабжающая организация) и учреждением (потребитель) заключен государственный контракт (далее — контракт), по условиям которого теплоснабжающая организация обязалась поставить потребителю через присоединенную сеть тепловую энергию, а потребитель — оплатить принятую энергию.

Отсутствие оплаты учреждением энергоресурса послужило основанием для обращения общества в арбитражный суд с иском к учреждению о взыскании суммы основного долга и неустойки за период с 11 февраля по 29 декабря 2015 г.

Решением суда первой инстанции принят отказ от иска в части взыскания основного долга, производство по делу в этой части прекращено. В остальной части исковые требования удовлетворены. При проверке расчета неустойки за период с 11 февраля по 4 декабря 2015 г. суд исходил из одной трехсотой ставки рефинансирования Банка России, согласованной сторонами в п. 9.2 контракта, а за период с 5 декабря по 29 декабря 2015 г. — из одной стотридцатой ставки рефинансирования Банка России, установленной ч. 9¹ ст. 15 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 190-ФЗ “О теплоснабжении” и введенной в действие Федеральным законом от 3 ноября 2015 г. № 307-ФЗ “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с укреплением платежной дисциплины потребителей энергетических ресурсов” (далее — Закон № 307-ФЗ).

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, решение суда первой инстанции изменено и отказано в части удовлетворения исковых требований о взыскании неустойки. Суды исходили из неприменения к спорным правоотношениям ч. 9¹ ст. 15 Феде-

рального закона “О теплоснабжении”, поскольку с учетом правового статуса сторон государственного контракта именно нормы Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ “О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд” (далее — Закон о контрактной системе) являются специальными по отношению к Федеральному закону “О теплоснабжении” и Закону № 307-ФЗ. Суды применили одну трехсотую ставки рефинансирования Банка России от неуплаченной в срок суммы.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ 30 января 2017 г. отменила постановления суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

В силу ч. 5 ст. 34 Закона о контрактной системе в случае просрочки исполнения заказчиком обязательств, предусмотренных контрактом, с него могут быть взысканы пени за каждый день просрочки в размере одной трехсотой действующей на дату уплаты пеней ставки рефинансирования Банка России от не уплаченной в срок суммы.

5 декабря 2015 г. вступил в силу Закон № 307-ФЗ, в соответствии с которым в Федеральный закон от 31 марта 1999 г. № 69-ФЗ “О газоснабжении в Российской Федерации”, в Федеральный закон от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ “Об электроэнергетике”, в Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 416-ФЗ “О водоснабжении и водоотведении” и Федеральный закон “О теплоснабжении” внесены изменения в части установления законной неустойки за просрочку исполнения потребителем обязательства по оплате потребленной энергии в размере одной сотрицатой ставки рефинансирования Банка России, действующей на дату уплаты пеней, от не выплаченной в срок суммы. Действие положений Федерального закона “О теплоснабжении” в редакции Закона № 307-ФЗ распространяется на отношения, возникшие из заключенных до дня вступления в силу настоящего Федерального закона договоров теплоснабжения (ст. 8 Закона № 307-ФЗ). Исключение по размеру неустойки Законом № 307-ФЗ установлено лишь для отдельных групп потребителей (товариществ собственников жилья, жилищных, жилищно-строительных и иных специализированных кооперативов, созданных в целях удовлетворения потребностей граждан в жилье, управляющих организаций, приобретающих энергию для целей предоставления коммунальных услуг), с которых неустойка может быть взыскана в более низком размере — в размере одной трехсотой ставки рефинансирования Банка России от не уплаченной в срок суммы.

Положения Федерального закона “О газоснабжении в Российской Федерации”, Федерального закона “Об электроэнергетике”, Федерального закона “О водоснабжении и водоотведении” и Федерального закона “О теплоснабжении” в редакции Закона № 307-ФЗ носят специ-

альный характер по отношению к Закону о контрактной системе, поскольку последний устанавливает общие особенности участия органов государственной власти и местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений и предприятий в гражданско-правовых отношениях именно в целях повышения эффективности осуществления закупок, обеспечения гласности и прозрачности размещения заказов, добросовестной конкуренции, предотвращения коррупции и других злоупотреблений. Однако нормами Закона о контрактной системе специфика отношений в сфере энергоснабжения и конкретные особенности исполнения договоров в данной сфере не учитываются.

2. Основанием для отказа в выдаче разрешения на установку рекламной конструкции является несоответствие заявленного места установки рекламной конструкции официально утвержденной схеме размещения рекламных конструкций

Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 27 января 2017 г. № 309-КГ16-12636

(Извлечение)

Общество обратилось в уполномоченный орган местного самоуправления (далее — управление) с заявлением о выдаче разрешения на установку и эксплуатацию рекламных конструкций в виде отдельно стоящих щитовых установок.

Решением управления обществу отказано в выдаче разрешения на основании п. 2 ч. 15 ст. 19 Федерального закона от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ “О рекламе”, поскольку заявленные места установки рекламных конструкций не соответствовали утвержденной схеме размещения рекламных конструкций.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании незаконным указанного решения управления.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении заявленного требования отказано. Суды исходили из положений ст. 4 Федерального закона от 7 мая 2013 г. № 98-ФЗ “О внесении изменений в Федеральный закон “О рекламе” и отдельные законодательные акты Российской Федерации” (далее — Закон № 98-ФЗ), в соответствии с которыми установка рекламных конструкций возможна только в местах, указанных в схеме размещения рекламных конструкций. Кроме того, суды учли, что общество не представило доказательств в подтверждение намерения установить рекламные конструкции на сооружении, принадлежащем ему на праве собственности, и пришли к выводу о правомерности отказа управления в выдаче обществу разрешения на установку рекламной конструкции.

Постановлением арбитражного суда округа решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции отменены, заяв-

ленные требования удовлетворены. Суд указал, что отказ в выдаче разрешения на основании п. 2 ч. 15 ст. 19 Федерального закона “О рекламе” возможен только в случае, если место установки рекламной конструкции в соответствии с ч. 5⁸ ст. 19 названного Закона определяется схемой размещения рекламных конструкций. Места установки заявителем рекламных конструкций не требуют включения их в схему размещения рекламных конструкций, поскольку установка предполагается на принадлежащем обществу сооружении, что исключает возможность применения данной нормы права. Согласно п. 2 ст. 209 ГК РФ общество вправе по своему усмотрению использовать принадлежащее ему на праве собственности имущество, в том числе и для размещения рекламных конструкций в целях дальнейшего получения прибыли.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ 27 января 2017 г. отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Законом № 98-ФЗ в Федеральный закон “О рекламе” внесены изменения, которыми установлены новые правила размещения и эксплуатации рекламных конструкций. При этом согласно ст. 4 Закона № 98-ФЗ со дня вступления в силу этого Закона и до 1 января 2014 г. органы местного самоуправления (органы государственной власти субъектов Российской Федерации — городов федерального значения Москвы и Санкт-Петербурга) обязаны утвердить схемы размещения рекламных конструкций в порядке, установленном ч. 5⁸ ст. 19 Федерального закона “О рекламе”.

Частью 5⁸ ст. 19 Федерального закона “О рекламе” установлено, что органы местного самоуправления обязаны утвердить схему размещения рекламных конструкций на земельных участках независимо от форм собственности, а также на зданиях или ином недвижимом имуществе, находящихся в собственности субъектов Российской Федерации или муниципальной собственности. Схема размещения рекламных конструкций является документом, определяющим места размещения рекламных конструкций, типы и виды рекламных конструкций, установка которых допускается на данных местах; подлежит предварительному согласованию с уполномоченным органом исполнительной власти соответствующего субъекта Российской Федерации в порядке, установленном высшим исполнительным органом государственной власти данного субъекта Российской Федерации и опубликованию (обнародованию) в порядке, установленном для официального опубликования (обнародования) муниципальных правовых актов, и размещению на официальном сайте органа местного самоуправления муниципального района или органа местного самоуправления городского округа в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет”.

В силу чч. 4 и 5 ст. 4 Закона № 98-ФЗ до утверждения схем размещения рекламных конструк-

ций должен применяться ранее действовавший порядок размещения рекламных конструкций. После утверждения схем размещения рекламных конструкций разрешения на установку и эксплуатацию рекламных конструкций должны выдаваться только на места, указанные в схемах.

Согласно п. 2 ч. 15 ст. 19 Федерального закона “О рекламе” основанием для отказа в выдаче разрешения на установку рекламной конструкции является несоответствие установки рекламной конструкции в заявленном месте схеме размещения рекламных конструкций.

Суды первой и апелляционной инстанций установили, что постановлением администрации муниципального образования утверждена схема размещения рекламных конструкций на территории муниципального образования. При этом места установки рекламных конструкций, указанные обществом в заявлении, в утвержденной схеме отсутствуют.

ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

1. Приложение № 1 к Правилам противопожарного режима в Российской Федерации, утвержденным постановлением Правительства РФ от 25 апреля 2012 г. № 390, в части, не допускающей оснащение объектов с классом пожара “Е” воздушно-эмульсионными огнетушителями, признано недействующим со дня вступления в законную силу решения суда

*Решение Верховного Суда РФ
от 17 октября 2016 г. № АКПИ16-607,
вступившее в законную силу*

(Извлечение)

Приложением № 1 к Правилам противопожарного режима в Российской Федерации, утвержденным постановлением Правительства РФ от 25 апреля 2012 г. № 390 “О противопожарном режиме”, установлены нормы обеспечения объектов ручными огнетушителями (за исключением автозаправочных станций).

Общество с ограниченной ответственностью “СОВА” обратилось в Верховный Суд РФ с административным иском о признании частично недействующим приложения № 1 к Правилам противопожарного режима в Российской Федерации, ссылаясь на то, что оспариваемые положения нормативного правового акта не соответствуют Федеральному закону от 22 июля 2008 г. № 123-ФЗ “Технический регламент о требованиях пожарной безопасности”, Федеральному закону от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ “О техническом регулировании”, Техническому регламенту Таможенного союза “О безопасности оборудования для работы во взрывоопасных средах” (ТР ТС 012/2011), утвержденному решением Комиссии Таможенного союза от 18 октября 2011 г. № 825, и нарушают права административного истца на свободное осуществление предпринимательской деятельности.

Верховный Суд РФ 17 октября 2016 г. административное исковое заявление удовлетворил по следующим основаниям.

Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ “О пожарной безопасности” в ст. 16 предусматривает право Правительства РФ принимать нормативный правовой акт, устанавливающий противопожарный режим.

Во исполнение полномочий, предоставленных федеральным законодателем, Правительство РФ постановлением от 25 апреля 2012 г. № 390 утвердило Правила противопожарного режима в Российской Федерации (далее — Правила). Нормативный правовой акт опубликован в Собрании законодательства Российской Федерации 7 мая 2012 г. № 19.

Правила содержат требования пожарной безопасности, устанавливающие правила поведения людей, порядок организации производства и (или) содержания территорий, зданий, сооружений, помещений организаций и других объектов.

Приложение № 1 к Правилам устанавливает нормы обеспечения объектов ручными огнетушителями (за исключением автозаправочных станций), которые не допускают оснащение объектов с классом пожара “Е” воздушно-эмульсионными огнетушителями.

Руководитель организации в соответствии с п. 70 Правил обеспечивает объект огнетушителями по нормам согласно приложениям № 1 и 2, а также соблюдение сроков их перезарядки, обслуживания и своевременной замены, указанных в паспорте огнетушителя.

В соответствии со ст. 8 Федерального закона “Технический регламент о требованиях пожарной безопасности” пожары классифицируются по виду горючего материала и подразделяются на классы: пожары твердых горючих веществ и материалов (А); пожары горючих жидкостей или плавящихся твердых веществ и материалов (В); пожары газов (С); пожары металлов (D); пожары горючих веществ и материалов электроустановок, находящихся под напряжением (Е); пожары ядерных материалов, радиоактивных отходов и радиоактивных веществ (F).

Согласно ст. 7 Закона классификация пожаров по виду горючего материала используется для обозначения области применения средств пожаротушения.

К первичным средствам пожаротушения относятся переносные и передвижные огнетушители, предназначенные для использования работниками организаций, личным составом подразделений пожарной охраны и иными лицами в целях борьбы с пожарами (ст. 43 указанного Федерального закона).

В силу ст. 63 Закона номенклатура, количество и места размещения первичных средств пожаротушения устанавливаются в зависимости от вида горючего материала, объемно-планировочных решений здания, сооружения, параметров окружающей среды и мест размещения обслуживающего персонала.

Определяя основные положения технического регулирования в области пожарной безопасно-

сти, Федеральный закон “Технический регламент о требованиях пожарной безопасности” в ст. 4 к нормативным документам по пожарной безопасности относит национальные стандарты, своды правил, содержащие требования пожарной безопасности, а также иные документы, содержащие требования пожарной безопасности, применение которых на добровольной основе обеспечивает соблюдение требований данного Федерального закона.

Доводы представителей административного ответчика о том, что в связи с принятием постановления Правительства РФ от 20 сентября 2016 г. № 947 “О внесении изменений в Правила противопожарного режима в Российской Федерации” приложение № 1 к указанным Правилам изложено в новой редакции и права административного истца не нарушаются, не могут служить основанием для отказа в удовлетворении заявленных требований, поскольку на момент рассмотрения дела данные изменения не вступили в силу.

В соответствии со ст. 16¹ Федерального закона “О техническом регулировании” приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 16 апреля 2014 г. № 474 утвержден Перечень документов в области стандартизации, в результате применения которых на добровольной основе обеспечивается соблюдение требований Федерального закона “Технический регламент о требованиях пожарной безопасности”. В указанный Перечень включены ГОСТ Р 51057-2001 “Техника пожарная. Огнетушители переносные. Общие технические требования. Методы испытаний”, СП 9.13130.2009 “Техника пожарная. Огнетушители. Требования к эксплуатации”. Согласно приложению А Свода правил СП 9.13130.2009 разрешено применение воздушно-эмульсионных огнетушителей для тушения пожара класса “Е” при условии соблюдения требований по электробезопасности ГОСТ Р 51017 или ГОСТ Р 51057. Между тем действующая редакция Правил противопожарного режима не допускает оснащение объектов с классом пожара “Е” воздушно-эмульсионными огнетушителями, что вызывает неоднозначное толкование и не соответствует общеправовому принципу правовой определенности.

В соответствии с разъяснениями, содержащимися в п. 25 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2007 г. № 48 “О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части”, суд, проверяя оспариваемый акт, должен выяснить, являются ли его предписания определенными. Если оспариваемый акт или его часть вызывает неоднозначное толкование, суд не вправе устранять эту неопределенность путем обяания в решении органа или должностного лица внести в акт изменения или дополнения, поскольку такие действия суда будут являться нарушением компетенции органа или должностного лица, принявших данный нормативный правовой акт. В этом случае оспариваемый акт в такой редак-

ции признается недействующим полностью или в части с указанием мотивов принятого решения.

На основании вышеизложенного Верховный Суд РФ административное исковое заявление общества с ограниченной ответственностью "СОВА" удовлетворил: признал недействующими со дня вступления в законную силу решения суда оспариваемые нормативные предписания Правил в части, не допускающей оснащение объектов с классом пожара "Е" воздушно-эмульсионными огнетушителями.

2. Строка с кодом (числовым обозначением) вида разрешенного использования земельного участка 2.1 классификатора видов разрешенного использования земельных участков, утвержденного приказом Минэкономразвития России от 1 сентября 2014 г. № 540, в части определения вида разрешенного использования земельных участков для индивидуального жилищного строительства признана не противоречащей федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 12 января 2017 г. № АКПИ16-1160, вступившее в законную силу

3. Приказ Федеральной службы по тарифам от 24 июня 2015 г. № 244-э/2 "Об утверждении тарифов на услуги по транспортировке газа по газораспределительным сетям ОАО "ГТС" на территории Новосибирской области" признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 24 ноября 2016 г. № АКПИ16-968, вступившее в законную силу

4. Пункт 4 Положения о порядке оформления и выдачи удостоверений гражданам, подвергшимся воздействию радиации вследствие аварии в 1957 году на производственном объединении "Маяк" и сбросов радиоактивных отходов в реку Теча, утвержденного приказом МЧС России от 24 апреля 2000 г. № 229, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 10 октября 2016 г. № АКПИ16-879, вступившее в законную силу

5. Пункт 3.4 Инструкции об организации проведения служебной проверки в Федеральной налоговой службе, утвержденной приказом ФНС России от 22 августа 2011 г. № ММВ-7-4/507@, в той части, в которой в нем не определены порядок обжалования и сроки реализации прав, предоставленных государственному гражданскому служащему, в отношении которого проводится служебная проверка, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 22 декабря 2016 г. № АКПИ16-1104, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 11 апреля 2017 г. № АПЛ17-48

6. Пункт 2 приказа Федеральной таможенной службы от 18 июня 2013 г. № 1111 "Об утверждении Порядка формирования и работы комиссий по рассмотрению вопросов предоставления сотрудникам таможенных органов Российской Федерации и в случаях, установленных законодательством Российской Федерации, членам их семей и гражданам Российской Федерации, уволенным со службы в таможенных органах Российской Федерации, единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения" и п. 1 утвержденного им Порядка в части, не предусматривающей принятия на учет лиц для получения единовременной социальной выплаты, проходящих службу в представительствах ФТС России в иностранных государствах, и создание комиссий в этих представительствах, признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 27 октября 2016 г. № АКПИ16-828, вступившее в законную силу

7. Пункт 13 Порядка временного отстранения сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации от выполнения служебных обязанностей, утвержденного приказом МВД России от 25 июня 2012 г. № 630, в части, возлагающей на сотрудника, в отношении которого принято решение о временном отстранении от исполнения служебных обязанностей без привлечения к выполнению обязанностей по иной должности в органах внутренних дел или к выполнению отдельных служебных поручений, обязанность находиться по месту службы, а также в части, включающей в служебное время сотрудника период временного отстранения от выполнения должностных обязанностей без привлечения к выполнению обязанностей по иной должности в органах внутренних дел или к выполнению отдельных служебных поручений, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 17 ноября 2016 г. № АКПИ16-909, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 21 февраля 2017 г. № АПЛ17-28

8. Пункт 4 Правил определения размера штрафа, начисляемого в случае ненадлежащего исполнения заказчиком, поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательств, предусмотренных контрактом (за исключением просрочки исполнения обязательств заказчиком, поставщиком (подрядчиком, исполнителем)), и размера пени, начисляемой за каждый день просрочки исполнения поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательства, предусмотренного контрактом, утвержденных постановлением Правительства РФ от 25 ноября 2013 г. № 1063, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 19 октября 2016 г. № АКПИ16-831, вступившее в законную силу

ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Установив наличие смягчающих наказание обстоятельств, суд кассационной инстанции ошибочно смягчил наказание по совокупности преступлений, вместо того, чтобы смягчить наказание за каждое совершенное преступление и назначить окончательное наказание по совокупности преступлений

*Определение Судебной коллегии
по уголовным делам Верховного Суда РФ
от 21 февраля 2017 г. № 5-УД17-9*

(Извлечение)

По приговору Тушинского районного суда г. Москвы от 12 мая 2009 г. И. (ранее судимый) осужден: по ч. 1 ст. 115 УК РФ — к шести месяцам исправительных работ с удержанием 10% заработной платы в доход государства; по пп. “б”, “в” ч. 2 ст. 131 УК РФ — к пяти годам лишения свободы; по пп. “б”, “в” ч. 2 ст. 132 УК РФ — к пяти годам лишения свободы. На основании ч. 3 ст. 69 и п. “в” ч. 1 ст. 71 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний И. окончательно назначено семь лет лишения свободы.

Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 12 августа 2009 г. приговор в отношении И. оставлен без изменения.

Президиум Московского городского суда 24 июля 2015 г. приговор в отношении И. изменил: в качестве обстоятельства, смягчающего наказание осужденного, признав наличие у И. малолетнего ребенка (2009 года рождения). Наказание, назначенное И. по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 115, пп. “б”, “в” ч. 2 ст. 131 и пп. “б”, “в” ч. 2 ст. 132 УК РФ, снижено до шести лет одиннадцати месяцев лишения свободы.

Осужденный И. в кассационной жалобе просил изменить постановление президиума, указывая на то, что, признав в качестве смягчающего обстоятельства наличие у него малолетнего ребенка, суд надзорной инстанции необоснованно снизил назначенное ему наказание лишь по совокупности преступлений, оставив наказание, назначенное за каждое преступление, прежним.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 21 февраля 2017 г. изменила приговор и последующие судебные решения по следующим основаниям.

Из материалов уголовного дела усматривается, что президиум Московского городского суда при пересмотре приговора признал наличие у И. на иждивении малолетнего ребенка в качестве обстоятельства, смягчающего наказание, и снизил назначенное ему наказание по совокупности преступлений. При этом суд надзорной инстанции указал в описательно-мотивировочной части постановления, что не усматривается оснований для смягчения наказания, назначенного за каждое из совершенных И. преступлений, которое

определено с соблюдением положений Общей части Уголовного кодекса РФ.

Вместе с тем, принимая решение о смягчении И. лишь окончательного наказания, назначенного по совокупности преступлений, президиум не учел, что в соответствии со ст. 17 и ч. 1 ст. 69 УК РФ при совершении двух или более преступлений, ни за одно из которых лицо не было осуждено, наказание назначается отдельно за каждое совершенное преступление, а затем по их совокупности. При этом наказание за каждое из преступлений, входящих в совокупность, определяется по правилам, предусмотренным иными статьями Общей части Уголовного кодекса РФ, с учетом не только характера, но и степени общественной опасности составляющих эту совокупность деяний.

Таким образом, судом допущено существенное нарушение (неправильное применение) уголовного закона, повлиявшее на исход дела.

С учетом изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ изменила приговор и последующие судебные решения в отношении И. и смягчила назначенное ему наказание по ч. 1 ст. 115 УК РФ до пяти месяцев исправительных работ с удержанием из заработной платы осужденного 10% в доход государства, по пп. “б”, “в” ч. 2 ст. 131 УК РФ до четырех лет одиннадцати месяцев лишения свободы, по пп. “б”, “в” ч. 2 ст. 132 УК РФ до четырех лет одиннадцати месяцев лишения свободы.

На основании ч. 3 ст. 69, п. “в” ч. 1 ст. 71 УК РФ по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 115, пп. “б”, “в” ч. 2 ст. 131, пп. “б”, “в” ч. 2 ст. 132 УК РФ, путем частичного сложения наказаний окончательно назначено И. наказание в виде лишения свободы сроком на шесть лет десять месяцев.

ПО ДЕЛАМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

1. Факт прекращения уголовного дела по нереабилитирующему основанию не свидетельствует о необходимости оценивать эти действия военнослужащего как дисциплинарный проступок

*Определение Судебной коллегии
по делам военнослужащих Верховного Суда РФ
от 23 июня 2016 г. № 212-КГ16-3*

(Извлечение)

Решением Калининградского гарнизонного военного суда от 8 сентября 2015 г., оставленным без изменения апелляционным определением Балтийского флотского военного суда от 10 ноября 2015 г., удовлетворено заявление Т., в котором он просил признать незаконными действия командования, связанные с досрочным увольнением с военной службы в связи с невыполнением условий контракта, на воинское должностное лицо возложена обязанность изменить основание увольнения Т. с военной службы на подп. “б” п. 1 ст. 51 Федерального закона от 28 марта 1998 г.

№ 53-ФЗ “О воинской обязанности и военной службе” (истечение срока контракта).

Рассмотрев материалы дела по кассационной жалобе воинского должностного лица, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ 23 июня 2016 г. отменила обжалуемые судебные акты и приняла по делу новое решение — об отказе Т. в удовлетворении заявления, приведя в обоснование следующие доводы.

Из материалов дела усматривается, что в отношении Т., проходившего военную службу по контракту, было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 291 УК РФ.

19 декабря 2014 г. данное уголовное дело прекращено на основании ч. 2 ст. 28 УПК РФ и приращения к ст. 291 УК РФ — в связи с деятельным раскаянием.

28 февраля 2015 г. аттестационной комиссией воинской части, с учетом характера совершенного Т. уголовно наказуемого деяния, содержащего признаки преступления, порочащего честь и достоинство военнослужащего, специфики его служебно-боевой деятельности, несовместимости данного деяния с дальнейшим прохождением военной службы, а также в связи с тем, что Т. перестал удовлетворять требованиям, предъявляемым к военнослужащему, проходящему военную службу по контракту, принято решение ходатайствовать о досрочном увольнении заявителя с военной службы в связи с невыполнением военнослужащим условий контракта.

Приказом воинского должностного лица Т. досрочно уволен с военной службы в запас по указанному выше основанию.

Признавая незаконным приказ об увольнении Т. с военной службы, суды исходили из того, что заявитель в установленном законом порядке не признавался виновным в совершении преступления и судимости не имел, поэтому воинские должностные лица в соответствии с п. 2² ст. 51 Федерального закона “О воинской обязанности и военной службе” и п. 8 ст. 28² Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ “О статусе военнослужащих” по истечении года с момента совершения Т. противоправного деяния не вправе были учитывать данное обстоятельство. Кроме того, на момент представления к увольнению с военной службы Т. неснятых дисциплинарных взысканий не имел.

Однако данные выводы судов основаны на неправильном толковании норм материального права и противоречат материалам дела.

В соответствии с подп. “в” п. 2 ст. 51 Федерального закона “О воинской обязанности и военной службе” военнослужащий может быть досрочно уволен с военной службы в связи с невыполнением им условий контракта о прохождении военной службы.

Приведенная норма Закона допускает возможность досрочного увольнения военнослужащего с военной службы в связи с невыполнением им условий контракта о прохождении военной службы при подтверждении аттестационной комиссией в установленном порядке аттестации во-

еннослужащих, что данный военнослужащий при совершении уголовно наказуемого деяния или административного правонарушения, наличия неснятых дисциплинарных взысканий и иных юридически значимых обстоятельств, а также специфики служебной деятельности этого военнослужащего перестал соответствовать требованиям законодательства о воинской обязанности и военной службе, предъявляемым к военнослужащим, проходящим военную службу по контракту.

Решение по этому вопросу должно приниматься в рамках процедуры аттестации военнослужащих, проходящих военную службу по контракту.

Как усматривается из материалов дела, о совершении Т. преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 291 УК РФ, и прекращении в отношении него уголовного дела командованию части стало известно 16 января 2015 г., когда в часть поступило постановление гарнизонного военного суда о прекращении в отношении него уголовного дела.

28 февраля 2015 г. на заседании аттестационной комиссии рассматривался вопрос о дальнейшем прохождении службы Т. В ходе заседания комиссии также было установлено, что уровень профессиональной подготовки заявителя оценен на “удовлетворительно”, общевоинские уставы, руководящие документы по организации продовольственного обеспечения Т. знает слабо, к выполнению своих должностных обязанностей относится недобросовестно, выполняет их неэффективно, имеет одно неснятое дисциплинарное взыскание.

Из изложенного следует, что процедура аттестации в отношении Т. была начата не в связи с наличием у него судимости, административного наказания либо неснятых дисциплинарных взысканий, а ввиду того, что он перестал соответствовать требованиям законодательства, предъявляемым к военнослужащим, проходящим службу по контракту.

Утверждение судов о превышении командованием временного ограничения, предусмотренного п. 8 ст. 28² Федерального закона “О статусе военнослужащих”, и исчисление данного срока с момента совершения Т. преступного деяния основано на ошибочном толковании норм материального права, поскольку заявителем было совершено именно уголовно наказуемое деяние, содержащее признаки преступления, отнесенного уголовным законом к категории тяжких преступлений, а не дисциплинарный проступок, и факт прекращения уголовного дела по реабилитирующему основанию сам по себе не свидетельствует о необходимости оценивать эти действия административного истца как дисциплинарный проступок, в связи с чем норма, которой руководствовались суды, в случае с Т. применению не подлежала, поскольку он увольнялся не в порядке исполнения дисциплинарного взыскания, а в порядке аттестации.

Такой вывод согласуется и с содержащимися в п. 30 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 “О судебной практике

по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях” разъяснениями о том, что освобождение от уголовной ответственности взяткодателя, который активно способствовал раскрытию и (или) расследованию преступления и в отношении которого имело место вымогательство взятки, не означает отсутствия в его действиях состава преступления.

По итогам заседания аттестационная комиссия, приняв во внимание факт совершения Т. противоправного деяния, имеющего признаки преступления, наличие неснятого дисциплинарного взыскания, ненадлежащее отношение к исполнению своих обязанностей, пришла к правильному выводу о том, что он перестал отвечать требованиям законодательства, предъявляемым к военнослужащим, проходящим службу по контракту, и рекомендовала командиру воинской части ходатайствовать о досрочном увольнении административного истца с военной службы в связи с невыполнением условий контракта, что и было реализовано командованием до истечения срока контракта заявителя.

В соответствии с п. 3 ст. 32 Федерального закона “О воинской обязанности и военной службе” условия контракта о прохождении военной службы включают в себя обязанность военнослужащего добросовестно исполнять все общие, должностные и специальные обязанности, установленные законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Поскольку факты совершения Т. уголовно наказуемого деяния и ненадлежащего исполнения им общих и должностных обязанностей военнослужащего нашли свое подтверждение в ходе аттестации, аттестационная комиссия сделала обоснованное заключение о невыполнении им условий контракта.

Принимая во внимание, что о факте совершения Т. уголовно наказуемого деяния командование стало известно только 16 января 2015 г., а 31 января того же года в отношении него уже была инициирована процедура аттестации, Судебная коллегия пришла к выводу, что решение вопроса перспектив дальнейшего служебного использования заявителя командованием было осуществлено в разумные сроки.

2. Оставление судом без внимания положений закона о том, что право представителя истца на уменьшение размера исковых требований должно быть специально оговорено в доверенности, выданной представляемым лицом, повлекло отмену судебных решений

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 7 июля 2016 г. № 201-КГ16-21

(Извлечение)

Решением Владимирского гарнизонного военного суда от 20 апреля 2015 г., оставленным без изменения апелляционным определением Московского окружного военного суда от 24 сентября

2015 г., удовлетворено уточненное исковое заявление врио военного прокурора Владимирского гарнизона о взыскании с Ф. в пользу Минобороны России 60 200 руб.

В кассационной жалобе представитель Минобороны России просил судебные постановления отменить, направить дело на новое рассмотрение в гарнизонный военный суд, указав в обоснование, что Ф., в силу закона, подлежит привлечению к полной материальной ответственности как лицо, в действиях которого содержатся признаки состава преступления, в связи с чем не имелось оснований для уменьшения исковых требований, которые к тому же судом приняты без учета позиции материального истца — Минобороны России и (или) его уполномоченного представителя.

Рассмотрев материалы дела и обсудив доводы кассационной жалобы, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ 7 июля 2016 г. отменила судебные акты, а дело направила на новое рассмотрение во Владимирский гарнизонный военный суд по следующим основаниям.

Из материалов дела следует, что органами предварительного следствия Ф. обвинялся в том, что, будучи командиром воинской части, подписал в период с 1 января по 31 декабря 2012 г. план военного городка вверенной ему воинской части с завышенным объемом площади прилегающих территорий и акты сдачи-приемки оказанных услуг по санитарному содержанию прилегающих территорий, не проверяя достоверность информации об объемах фактически выполненных работ, что повлекло причинение Минобороны России ущерба на сумму 18 216 307 руб., т.е. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 293 УК РФ (халатность, повлекшая причинение крупного ущерба).

Постановлением Владимирского гарнизонного военного суда от 16 февраля 2015 г. уголовное дело в отношении Ф. прекращено в связи с истечением сроков давности уголовного преследования.

После этого 3 марта 2015 г. врио военного прокурора Владимирского гарнизона обратился в суд с иском к Ф. о взыскании с него в пользу Минобороны России 18 216 307 руб. в счет возмещения причиненного им материального ущерба.

Впоследствии (6 апреля 2015 г.) заместитель военного прокурора Владимирского гарнизона уточнил исковые требования, попросив взыскать с Ф. 60 200 руб.

Удовлетворяя заявление, суд первой инстанции исходил из того, что Ф. признал уточненный размер исковых требований и его признание не противоречит закону и не нарушает права и законные интересы каких-либо лиц.

Соглашаясь с решением, суд апелляционной инстанции дополнительно указал, что представитель Минобороны России после ознакомления с измененным военным прокурором иском его поддержал и возражений относительно изменения его основания и уменьшения размера исковых требований не имел.

Между тем такие выводы не соответствуют обстоятельствам дела.

Как усматривается из искового заявления военного прокурора, он обратился в защиту интересов Российской Федерации в лице Минобороны России.

Согласно ч. 2 ст. 38 ГПК РФ лицо, в интересах которого дело начато по заявлению лиц, обращающихся в суд за защитой прав, свобод и законных интересов других лиц, извещается судом о возникшем процессе и участвует в нем в качестве истца.

Следовательно, Минобороны России участвует в данном деле в качестве истца. Представление своих интересов Министерство поручило представителю Б., который в соответствии с доверенностью был уполномочен на предъявление искового заявления, на заявление о принятии мер по обеспечению иска, получение, предъявление исполнительного документа, требований принудительного исполнения судебного акта, обжалование действий судебного пристава-исполнителя.

Другими полномочиями, в том числе по отказу от иска и изменению размера исковых требований, Б. наделен не был.

Это обстоятельство имеет существенное значение для дела.

Согласно ч. 1 ст. 39 ГПК РФ истец вправе изменить основание или предмет иска, увеличить

или уменьшить размер исковых требований либо отказаться от иска.

Вместе с тем в силу ст.ст. 48, 54 ГПК РФ представитель истца вправе совершать от имени представляемого все процессуальные действия, однако право представителя на полный или частичный отказ от исковых требований, уменьшения их размера, признание иска, изменение предмета или основания иска должно быть специально оговорено в доверенности, выданной представляемым лицом.

При таких данных согласие представителя Минобороны России Б. с уточненным исковым заявлением прокурора, в отсутствие у него полномочий на уменьшение размера исковых требований, правового значения не имело.

Суду следовало выяснить позицию Минобороны России или представителя, обладающего полномочиями по отказу от иска и изменению размера исковых требований, в отношении отказа прокурора от первоначально поданного иска в размере 18 216 307 руб. и уменьшения размера исковых требований до 60 200 руб. Однако этого сделано не было.

Нарушение судом норм процессуального права и недоказанность установленных судом обстоятельств, имеющих значение для дела, привели к тому, что остались невыясненными юридически значимые обстоятельства.

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕЗИДИУМА, РЕШЕНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДЕБНЫХ КОЛЛЕГИЙ СУДОВ РЕСПУБЛИК, КРАЕВЫХ И ОБЛАСТНЫХ СУДОВ

1. За нарушение гражданином установленных сроков продления (перерегистрации) разрешений на хранение и ношение оружия предусматривается административная, а не уголовная ответственность

*Постановление президиума
Челябинского областного суда
от 20 июля 2016 г.*

(Извлечение)

По приговору Варненского районного суда Челябинской области от 13 августа 2015 г. Б. осужден по ч. 1 ст. 222 УК РФ к ограничению свободы сроком на один год.

Приговор постановлен в особом порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ.

Б. признан виновным в незаконном хранении огнестрельного оружия и боеприпасов.

В кассационном представлении прокурор просил приговор отменить, поскольку выводы суда о наличии в действиях Б. состава преступления, предусмотренного ст. 222 УК РФ, не основаны на законе.

Президиум Челябинского областного суда 20 июля 2016 г. отменил приговор в связи с суще-

ственным нарушением судом уголовного закона, повлиявшим на исход дела, указав следующее.

Обязательным условием для наступления уголовной ответственности за предусмотренные диспозицией ч. 1 ст. 222 УК РФ действия, в том числе за хранение огнестрельного оружия и боеприпасов, является их незаконность, что следует из указанной нормы уголовного закона.

При рассмотрении дел, связанных с оружием и боеприпасами, следует исходить из положений Федерального закона от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ “Об оружии”, устанавливающего основные правила регулирования отношений, возникающих в процессе оборота оружия и боеприпасов к нему, права и обязанности участников этих отношений.

Как усматривается из материалов уголовного дела, Б. являлся членом общества охотников и рыболовов Варненского района Челябинской области с 1994 года. Карабин и патроны к нему были приобретены им в соответствии с правилами приобретения и хранения огнестрельного оружия. В 2000 году ему было выдано разрешение на право хранения и ношения огнестрельного оружия с нарезным стволом сроком до 21 октября 2005 г.

Следовательно, до указанной даты хранение карабина и патронов осуществлялось Б. в соответствии с законом.

Вместе с тем Б. нарушил требования п. 67 Инструкции по организации работы органов внутренних дел по контролю за оборотом гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации, утвержденной приказом МВД России от 12 апреля 1999 г. № 288, поскольку не представил в органы внутренних дел по месту учета оружия заявление и документы, необходимые для продления разрешения на хранение и ношение оружия, за месяц до истечения срока действия указанного разрешения и продолжал незаконно хранить карабин и патроны к нему до момента их изъятия сотрудниками полиции — 1 июля 2015 г.

Поскольку ответственность за нарушение гражданином установленных сроков продления (перерегистрации) разрешений на хранение и ношение оружия предусмотрена ч. 1 ст. 20.11 КоАП РФ, совершенное Б. деяние не является уголовно наказуемым, а имеет признаки административного правонарушения.

В соответствии с разъяснениями, данными в п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 “О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств”, в случаях, когда допущенное лицом административное правонарушение, в том числе несвоевременная регистрация и перерегистрация оружия, содержит также признаки уголовно наказуемого деяния, то это лицо может быть привлечено лишь к административной ответственности.

При таких обстоятельствах президиум Челябинского областного суда приговор в отношении Б. отменил на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием в его действиях состава преступления и признал за Б. право на реабилитацию.

2. Заявитель был лишен права обжалования отказа прокурора в возбуждении производства по уголовному делу ввиду вновь открывшихся обстоятельств, поскольку суд необоснованно признал его заявление жалобой на решения должностного лица органов прокуратуры, связанные с рассмотрением обращений по поводу законности вступивших в законную силу судебных решений

*Постановление президиума
Ульяновского областного суда
от 4 февраля 2016 г.*

(Извлечение)

По приговору Димитровградского городского суда Ульяновской области от 15 декабря 2004 г. К. осужден по ч. 3 ст. 30, п. “г” ч. 3 ст. 228¹ УК РФ к восьми годам лишения свободы.

К. обратился в прокуратуру с просьбой о возбуждении производства ввиду вновь открывшихся обстоятельств по уголовному делу, считая указанными обстоятельствами тот факт, что все опе-

ративные сотрудники, проводившие оперативно-розыскные мероприятия по уголовному делу в отношении него, впоследствии были осуждены, в том числе и за преступления против государственной власти и против правосудия. Следовательно, все доказательства по уголовному делу, свидетельствующие о его виновности, являются недопустимыми доказательствами.

В ответах начальника управления прокуратуры Ульяновской области заявителю разъяснены положения ст. 413 УПК РФ и указано на отсутствие в его сообщении оснований для возобновления производства по уголовному делу ввиду вновь открывшихся обстоятельств.

Это решение К. обжаловал в суд в порядке ст. 125 УПК РФ.

По постановлению Ленинского районного суда г. Ульяновска от 26 марта 2015 г. (оставленному без изменения судом апелляционной инстанции) К. отказано в принятии к рассмотрению жалобы, поданной в порядке ст. 125 УПК РФ, о признании незаконными и необоснованными сообщений начальника управления прокуратуры Ульяновской области, связанных с отказом в возобновлении производства по уголовному делу в порядке главы 49 УПК РФ. Своё решение суд мотивировал тем, что в заявлениях в прокуратуру К. указывал на свое несогласие с приговором и в них отсутствуют ссылки на новые или вновь открывшиеся обстоятельства, не известные суду на момент вынесения решения.

По постановлению заместителя Председателя Верховного Суда РФ от 26 ноября 2015 г. кассационная жалоба К. вместе с материалом передана для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции.

В кассационной жалобе К. просил об отмене состоявшихся судебных решений, поскольку отказ в возбуждении производства по уголовному делу ввиду вновь открывшихся обстоятельств подлежит обжалованию в порядке ст. 125 УПК РФ.

Президиум Ульяновского областного суда 4 февраля 2016 г. кассационную жалобу удовлетворил, указав следующее.

При рассмотрении настоящего материала допущены существенные нарушения уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела.

Исходя из ч. 1 ст. 125 УПК РФ в суд могут быть обжалованы постановления дознавателя, следователя, руководителя следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела, а равно иные решения и действия (бездействие) дознавателя, следователя, руководителя следственного органа и прокурора, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию, в частности решение, принятое прокурором по вопросу о возбуждении производства ввиду вновь открывшихся обстоятельств.

Согласно ч. 4 ст. 7 УПК РФ постановление суда должно быть законным, обоснованным и мотивированным. Таким признается судебный акт, соответствующий требованиям уголовного и уголовно-процессуального закона, содержащий

основанные на материалах дела выводы суда по обстоятельствам, относящимся к предмету разрешаемых вопросов.

Принятое судом первой инстанции решение таковым не является.

В соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона в ходе предварительной подготовки к судебному заседанию суд должен выяснить, подсудна ли жалоба данному суду, подана ли она надлежащим лицом, имеется ли предмет обжалования согласно ст. 125 УПК РФ, содержит ли жалоба необходимые сведения для ее рассмотрения.

Как усматривается из поданной К. жалобы, по существу, в ней обжалуется отказ прокурора в возбуждении производства по делу ввиду вновь открывшихся обстоятельств, на наличии которых настаивает заявитель.

Согласно ст. 413 УПК РФ предметом проверки в порядке, установленном главой 49 УПК РФ, могут быть приговоры, постановления, определения всех судебных инстанций, вступившие в законную силу, в том числе и судебные акты, вынесенные в порядке разрешения вопросов, связанных с исполнением вступившего в законную силу приговора.

Судом первой инстанции при принятии решения не были учтены разъяснения, изложенные в п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 “О практике рас-

смотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации”, согласно которым в порядке, предусмотренном ст. 125 УПК РФ, подлежат обжалованию постановления прокурора об отказе в возбуждении производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств.

Кроме того, как неоднократно формулировал свою правовую позицию Конституционный Суд РФ, изложенную, в частности, в Определении от 18 ноября 2004 г. № 369-О, взаимосвязанные положения ст.ст. 19, 122, 123, 124, 415, 416 УПК РФ не могут рассматриваться как ограничивающие конституционные права и свободы участников уголовного судопроизводства, в том числе осужденного. Напротив, они представляют собой дополнительные гарантии для реализации осужденным конституционных прав на судебную защиту, не могут рассцениваться как препятствующие осужденному обжаловать отказ прокурора в возбуждении производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, если такой отказ не оформлен в виде постановления.

Таким образом, выводы судов первой и апелляционной инстанций противоречат положениям ст. 125 УПК РФ в ее конституционно-правовом смысле.

При таких обстоятельствах президиум Ульяновского областного суда отменил состоявшиеся судебные решения и передал материал на новое судебное рассмотрение.

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ № 4 (2016)²

ДИСЦИПЛИНАРНАЯ КОЛЛЕГИЯ

1. Решение о наложении на судью дисциплинарного взыскания не может быть принято по истечении шести месяцев со дня выявления дисциплинарного проступка, за исключением периода временной нетрудоспособности судьи, нахождения его в отпуске и времени проведения служебной проверки, и по истечении двух лет со дня совершения дисциплинарного проступка.

Дисциплинарная коллегия Верховного Суда РФ удовлетворила жалобу Ф. на решение квалификационной коллегии судей Волгоградской области о досрочном прекращении полномочий судьи за совершение дисциплинарного проступка, отметив следующее.

В соответствии с п. 1 ст. 12¹ Закона РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 “О статусе судей в Российской Федерации” решение о наложении на судью дисциплинарного взыскания не может быть принято по истечении шести месяцев со дня выявления дисциплинарного проступка, за исключением периода временной нетрудоспособности судьи, нахождения его в отпуске и времени проведения служебной проверки, и по истечении двух лет со дня совершения дисциплинарного проступка.

Из материалов дисциплинарного производства следует, что в связи с жалобой ОАО “Азовский завод стройматериалов” на действия судьи Ф. при рассмотрении гражданского дела по иску ООО “Глобус” к Л. на основании приказа председателя Волгоградского областного суда от 25 марта 2015 г. в районный суд г. Волгограда направлены судьи областного суда Б., О. и С. для

изучения практики применения законодательства при рассмотрении дел судьей Ф.

В этом же приказе председатель областного суда установил срок служебной проверки — с 27 по 31 марта 2015 г., а также срок представления заключения по ее итогам — к 3 апреля 2015 г.

Как усматривается из заключения судей Б. и О., изучавших практику применения судей Ф. законодательства при рассмотрении гражданских дел, и справки судьи С., анализировавшего применение Ф. законодательства при рассмотрении уголовных дел, проверки были проведены в установленный срок с составлением документов, отражающих их результаты.

Зафиксированные в заключении судей Б. и О. нарушения легли в основу представления председателя Волгоградского областного суда, а затем и выводов квалификационной коллегии судей Волгоградской области о наличии в действиях судьи Ф. дисциплинарного проступка.

Судей С. подобных нарушений в практике судьи Ф. при рассмотрении уголовных дел не обнаружено.

Исходя из смысла положений п. 1 ст. 12¹ Закона РФ “О статусе судей в Российской Федерации” днем выявления нарушений, расцененных квалификационной коллегией судей в качестве дисциплинарного проступка, является в данном

¹ Ленинским районным судом г. Ульяновска 26 февраля 2016 г. жалоба К. рассмотрена в порядке, предусмотренном ст. 125 УПК РФ, и оставлена без удовлетворения.

² Окончание. Начало см. в № 10, 2017 г.

случае 3 апреля 2015 г. — день, когда у председателя областного суда, ознакомившегося с результатами проведенных служебных проверок, появились достаточные основания для реализации своих полномочий в сфере дисциплинарной ответственности судей.

Согласно табелям учета рабочего времени и медицинским документам судья Ф. имел периоды временной нетрудоспособности: в апреле 2015 г. (после 3 апреля) — 7 дней, в июне 2015 г. — 2 дня, в августе 2015 г. — 5 дней, в сентябре 2015 г. — 4 дня. В мае 2015 г. он в течение 3 дней находился в отпуске, а в марте, июле и октябре 2015 г. периодов временной нетрудоспособности и нахождения в отпуске не имел.

С учетом указанного времени решение о наложении на судью Ф. дисциплинарного взыскания могло быть принято не позднее 26 октября 2015 г. К дисциплинарной ответственности он привлечен 4 декабря 2015 г., т.е. с нарушением установленного законом срока.

Мнение квалификационной коллегии судей о том, что шестимесячный срок привлечения судьи Ф. к дисциплинарной ответственности должен исчисляться с 22 апреля 2015 г., когда президиумом областного суда вынесено постановление по результатам обсуждения судебной деятельности судьи, противоречит материалам дисциплинарного производства, которые содержат данные о выявлении дисциплинарного проступка именно 3 апреля 2015 г.

Кроме того, в обжалуемом решении квалификационной коллегии судей содержатся ссылки на нарушения, допущенные судьей Ф. при вынесении решения по гражданскому делу по иску Г. к У., несмотря на то, что со дня его вынесения прошло более двух лет.

При таких обстоятельствах решение квалификационной коллегии судей о привлечении судьи Ф. к дисциплинарной ответственности не может быть признано законным и обоснованным.

Решение № ДК15-83

2. Лицо, в отношении которого уголовное преследование прекращено по реабилитирующим основаниям, не может быть судьей.

Дисциплинарная коллегия отказала в удовлетворении жалобы А. на решение квалификационной коллегии судей Волгоградской области о досрочном прекращении полномочий судьи за совершение дисциплинарного проступка, указав следующее.

Из представленных материалов усматривается, что 13 апреля 2015 г. органами предварительного следствия А. предъявлено обвинение в том числе в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 305 УК РФ (в ред. Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ), при следующих обстоятельствах.

В середине мая 2008 г. директор ООО «Недвижимость» Е. с целью приобретения путем обмана права на квартиру, принадлежащую на условиях социального найма умершему К., договорился с М. и Г. о способе реализации данных намерений.

Действуя во исполнение заранее разработанного и согласованного плана, 12 ноября 2008 г. Е. организовал представление в суд подготовленного и подписанного от имени Г. заявления с иском к К., муниципальному учреждению ЖКХ о расторжении с К. договора социального найма указанной квартиры и снятии его с регистрационного учета, мотивируя ссылкой на заведомо ложные сведения о том, что последний выехал и в квартире не проживает, в связи с чем расходы на содержание данного объекта недвижимости якобы несет один Г.

Получив указанное исковое заявление, судья А., используя предоставленные полномочия вопреки интересам осуществления правосудия, действуя из иной личной заинтересованности, выразившейся в нежелании рассматривать исковое заявление в установленном законом порядке, нарушая требования ст.ст. 55, 150, 157, 192, 193, 195, 230 ГПК РФ, а именно: без подготовки дела к судебному разбирательству, без фактического проведения судебного заседания и исследования обстоятельств гражданского дела, без протокола, осознавая общественную опасность своих действий, предвидя неизбежность наступления общественно опасных последствий и желая их наступления, вынес 2 декабря 2008 г. заведомо неправосудное заочное решение о расторжении с К. договора социального найма квартиры и снятии его с регистрационного учета.

На основании данного решения 15 января 2009 г. К. снят с регистрационного учета, а Е., действующий от имени Г. на основании нотариальной доверенности, 15 октября 2009 г. заключил договор социального найма данной квартиры с наймодателем.

Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам областного суда от 23 мая 2013 г. решение судьи А. отменено, в нем также указано на нарушения судьями А. норм материального и процессуального законов.

Весной 2009 года тот же директор ООО «Недвижимость» Е., обладая информацией о том, что в квартире, принадлежащей на условиях социального найма умершей Р., никто не проживает, решил приобрести право на данное имущество путем обмана.

С этой целью Е. подыскал ранее знакомую С., после чего они совместно 2 июня 2009 г. подготовили и подали в суд исковое заявление от имени последней о признании за ней права пользования на указанное жилое помещение и о ее регистрации в этой квартире, мотивировав его не соответствующими действительности сведениями о наличии родственных отношений между С. и Р., совместном длительном проживании в квартире по указанному адресу и ведении совместного хозяйства, внесении истцом коммунальных платежей и проведении ею текущего ремонта в жилом помещении.

Получив указанное исковое заявление, судья А., в нарушение требований ст.ст. 55, 113, 150, 157, 192, 193, 195, 230 ГПК РФ, а именно: без подготовки дела к судебному разбирательству, без фактического проведения судебного заседания и исследования обстоятельств гражданского дела, а также доказательств, без обеспечения участия сторон по делу, секретаря судебного заседания и ведения протокола судебного заседания, осознавая общественную опасность своих действий, предвидя неизбежность наступления общественно опасных последствий и желая их наступления, вынес 19 июня 2009 г. заведомо неправосудное решение о признании за С. права пользования жилым помещением и о ее регистрации в этой квартире.

На основании данного судебного решения С. была зарегистрирована в этой квартире.

Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам областного суда от 12 июля 2012 г. это решение отменено и указано на нарушения норм материального и процессуального законов.

В ходе ознакомления с материалами уголовного дела 30 июня 2015 г. обвиняемый А. подал письменное ходатайство о прекращении уголовного преследования по ч. 1 ст. 305 УК РФ по фак-

там вынесения 2 декабря 2008 г. и 19 июня 2009 г. заведомо неправосудных решений в связи с истечением сроков давности уголовного преследования.

Согласно постановлению от 30 июня 2015 г. уголовное преследование в отношении обвиняемого А. в части предъявленного ему обвинения в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 305 УК РФ (по указанным выше фактам), прекращено на основании п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ ввиду истечения сроков давности уголовного преследования.

В данном постановлении также указано, что фактические обстоятельства, вмененные в вину А., подтверждаются собранными в ходе предварительного следствия доказательствами, в том числе показаниями свидетелей, протоколами выемок, изученными гражданскими делами и иными доказательствами.

Впоследствии судья А. обжаловал постановление о частичном прекращении уголовного преследования в порядке, предусмотренном ст. 125 УПК РФ.

Его жалоба была предметом рассмотрения в судах первой и апелляционной инстанций, однако она оставлена без удовлетворения.

24 июля 2015 г. уголовное дело в отношении А., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 5 ст. 33 и ч. 4 ст. 159, ч. 1 ст. 305 УК РФ, передано в суд для рассмотрения по существу.

На момент рассмотрения дела по жалобе А. Дисциплинарной коллегией судебное разбирательство по уголовному делу не было закончено.

Дисциплинарная коллегия отметила в своем решении, что основные требования, предъявляемые к судье, неисполнение которых может привести к досрочному прекращению его полномочий, сформулированы в ст. 3 Закона РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 “О статусе судей в Российской Федерации”, согласно которой судья обязан неукоснительно соблюдать Конституцию Российской Федерации и другие законы; при исполнении своих полномочий, а также во внеслужебных отношениях должен избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти, достоинство судьи или вызвать сомнение в его объективности, справедливости и беспристрастности.

Грубое и систематическое несоблюдение судьей процессуальных норм права влечет искажение принципов судопроизводства, нарушение прав участников процесса, умаляет авторитет судебной власти, причиняет ущерб репутации судьи.

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 28 февраля 2008 г. № 3-П указал, что мера ответственности в виде досрочного прекращения полномочий судьи может быть применена к судье в исключительных случаях за существенное, виновное, несовместимое с высоким званием судьи нарушение приведенных выше положений.

Системный анализ норм Закона РФ “О статусе судей в Российской Федерации” позволяет сделать вывод, что полномочия судьи могут быть прекращены по различным основаниям и в порядке, установленном названным Законом.

В соответствии с указанным Законом в случае выявления факта назначения (избрания) на должность судьи лица, не соответствующего на момент назначения (избрания) требованиям, предусмотренным п. 1 ст. 4, соответствующая квалификационная коллегия судей в установлен-

ном федеральным законом порядке рассматривает вопрос о прекращении полномочий судьи.

Предусматривая необходимость прекращения полномочий судьи в случае выявления факта прекращения в отношении него уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям, следует полагать, что данные положения могут быть применены и в отношении действующего судьи, назначенного на должность с соблюдением требований, предусмотренных п. 1 ст. 4 Закона РФ “О статусе судей в Российской Федерации”.

Иное толкование норм данного Закона препятствует прекращению полномочий судьи, в отношении которого уголовное преследование прекращено по нереабилитирующим основаниям в процессе предварительного следствия или в ходе судебного разбирательства уголовного дела по существу (при отсутствии вступившего в законную силу обвинительного приговора), что нельзя признать соответствующим основным принципам осуществления правосудия в Российской Федерации лицом, совершившим действия, порочащие честь и достоинство судьи, умаляющие авторитет судебной власти.

Дисциплинарная коллегия также учитывает, что в постановлении о прекращении в отношении А. уголовного преследования по ч. 1 ст. 305 УК РФ (по двум эпизодам) ввиду истечения сроков давности речь идет об установлении в его действиях наличия признаков данных преступлений.

Решение № ДК16-11

РАЗЪЯСНЕНИЯ ПО ВОПРОСАМ, ВОЗНИКАЮЩИМ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

Вопрос 1. В чью пользу — арбитражного управляющего либо в пользу должника по делу о банкротстве — могут быть присуждены судебные расходы в случае удовлетворения требований арбитражного управляющего, оспоровшего в судебном порядке отказ соответствующего лица в предоставлении информации о должнике, его имуществе, контрагентах и обязательствах?

Ответ. В силу положений п. 4 ст. 20³ Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ “О несостоятельности (банкротстве)” (далее — Закон о банкротстве) при исполнении своих полномочий в процедурах банкротства арбитражный управляющий обязан действовать в интересах должника, кредиторов и общества.

В целях реализации своих полномочий на основании п. 1 ст. 20³ Закона о банкротстве арбитражный управляющий наделен правом запрашивать у соответствующих лиц ряд сведений, в том числе информацию о должнике, принадлежащем ему имуществе, контрагентах и обязательствах должника, а на лиц, обладающих такой информацией, возложена обязанность по ее предоставлению арбитражному управляющему.

Поскольку действия арбитражного управляющего, связанные с запросом указанных сведений, совершаются в интересах должника и кредиторов, для достижения целей соответствующей процедуры банкротства, осуществляемые в связи с этим арбитражным управляющим судебные расходы, в частности по уплате государственной пошлины при обращении в суд, на основании пп. 1 и 2 ст. 20⁷, п. 1 ст. 59 Закона о банкротстве по общему правилу должны производиться за счет средств должника как относящиеся к процедуре банкротства.

Исходя из изложенного, если расходы на уплату государственной пошлины и иные судебные расходы оп-

ланы из средств должника (например, перечислены на основании платежного поручения со счета должника), то при их распределении по правилам ст. 110 АПК РФ такие расходы должны присуждаться к возмещению в пользу должника и поступать в конкурсную массу.

Если судебные расходы оплачены из личных средств арбитражного управляющего и не компенсированы ему из средств должника, в интересах которого он действовал при обращении в суд, эти расходы могут быть присуждены в пользу арбитражного управляющего.

Вопрос 2. С какого момента в пользу лизингополучателя начисляются предусмотренные ст. 395 ГК РФ проценты при расторжении договора выкупного лизинга?

Ответ. Согласно п. 4 ст. 453 ГК РФ в случае, когда до расторжения договора одна из сторон, получив от другой стороны исполнение обязательства по договору, не исполнила свое обязательство либо предоставила другой стороне неравноценное исполнение, к отношениям сторон применяются правила об обязательствах вследствие неосновательного обогащения (глава 60), если иное не предусмотрено законом или договором либо не вытекает из существа обязательства.

Положениями п. 2 ст. 1107 ГК РФ установлено, что на сумму неосновательного денежного обогащения подлежат начислению проценты за пользование чужими средствами (ст. 395) с того времени, когда приобретатель узнал или должен был узнать о неосновательности получения или сбережения денежных средств.

Таким образом, начисление предусмотренных ст. 395 ГК РФ процентов при расторжении договора связано с моментом, в который стороне договора стало известно или должно было стать известно в обычных условиях гражданского оборота, что полученное ею от другой стороны исполнение является излишним.

Из п. 1 ст. 28 Федерального закона от 29 октября 1998 г. № 164-ФЗ “О финансовой аренде (лизинге)” и разъяснений Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ, данных в п. 2 постановления от 14 марта 2014 г. № 17 “Об отдельных вопросах, связанных с договором выкупного лизинга”, следует, что денежное обязательство лизингополучателя в договоре выкупного лизинга состоит в возмещении затрат лизингодателя, связанных с приобретением и передачей предмета лизинга лизингополучателю (возврат вложенного лизингодателем финансирования) и выплате причитающегося лизингодателю дохода (платы за финансирование).

Излишнее исполнение указанного денежного обязательства со стороны лизингополучателя возникает в том случае, когда внесенные им платежи в совокупности со стоимостью возвращенного предмета лизинга превысили сумму предоставленного лизингополучателю финансирования, причитающейся платы за финансирование, а также убытков и иных санкций, предусмотренных законом или договором.

Таким образом, лизингодатель должен узнать о получении им лизинговых платежей в сумме большей, чем его встречное предоставление, с момента, когда ему должна была стать известна стоимость возвращенного предмета лизинга.

Стоимость предмета лизинга определяется из суммы, вырученной лизингодателем от продажи предмета лизинга в разумный срок после получения предмета лизинга или в срок, предусмотренный соглашением лизингодателя и лизингополучателя, либо на основании отчета оценщика.

Следовательно, при начислении предусмотренных ст. 395 ГК РФ процентов в пользу лизингополучателя необходимо исходить из момента продажи предмета лизинга (истечения срока его реализации лизингодателем).

Вопрос 3. К компетенции какого суда — суда общей юрисдикции или арбитражного суда — относится рас-

смотрение иска юридического лица или индивидуального предпринимателя о взыскании с Российской Федерации в лице Федеральной службы судебных приставов вреда, причиненного в результате ненадлежащего исполнения судебным приставом-исполнителем исполнительного листа, выданного судом общей юрисдикции, должником по которому выступает физическое лицо?

Ответ. Общие правила разграничения компетенции судов общей юрисдикции и арбитражных судов по делам о возмещении убытков, причиненных актами государственных и иных органов, а также действиями должностных лиц, не соответствующими законодательству, приведены в п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 18 августа 1992 г. № 12/12 “О некоторых вопросах подведомственности дел судам и арбитражным судам”: если такие требования предъявлены гражданином, то они разрешаются в суде, а если требования предъявлены организацией или гражданином-предпринимателем — в арбитражном суде.

В то же время при рассмотрении иска о взыскании с Российской Федерации в лице Федеральной службы судебных приставов возмещения вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) судебного пристава-исполнителя в рамках исполнительного производства, возбужденного, в частности, на основании выданного судом общей юрисдикции или арбитражным судом исполнительного документа, необходимо учитывать следующее.

В п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 ноября 2015 г. № 50 “О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства” разъяснено, что требования, связанные с исполнением исполнительных документов и подлежащие рассмотрению в порядке искового производства, относятся к компетенции судов общей юрисдикции исходя из правил ст. 22 ГПК РФ и арбитражных судов, в том числе Суда по интеллектуальным правам, — в соответствии со ст.ст. 27, 28, 33 АПК РФ.

Согласно ч. 4 ст. 22 ГПК РФ при обращении в суд с заявлением, содержащим несколько связанных между собой требований, из которых одни подведомственны суду общей юрисдикции, другие — арбитражному суду, если разделение требований невозможно, дело подлежит рассмотрению и разрешению в суде общей юрисдикции.

По делам о возмещении вреда суд должен установить факт причинения вреда, вину причинителя вреда и причинно-следственную связь между незаконными действиями (бездействием) причинителя вреда и причинением вреда.

То обстоятельство, что действия (бездействие) судебного пристава-исполнителя не были признаны незаконными в отдельном судебном производстве, не является основанием для отказа в иске о возмещении вреда, причиненного этими действиями (бездействием), и их законность суд оценивает при рассмотрении иска о возмещении вреда (абз. 2 п. 82 постановления Пленума Верховного Суда РФ “О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства”).

Основными критериями разграничения предметной компетенции судов общей юрисдикции и арбитражных судов по требованию о признании незаконными действий (бездействия) судебного пристава-исполнителя являются не только субъектный состав или экономический характер спора, но и то, каким судом (общей юрисдикции или арбитражным) выдан исполнительный документ либо в каком суде (общей юрисдикции или арбитражном) возможно оспорить несудебный исполнительный документ, — чч. 2 и 3 ст. 128

Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ “Об исполнительном производстве”.

Поэтому если с иском о возмещении вреда, причиненного действиями (бездействием) судебного пристава-исполнителя в рамках исполнительного производства, возбужденного по выданному судом общей юрисдикции исполнительному документу, по которому должником выступает физическое лицо, обратился взыскатель — юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, то при рассмотрении данного имущественного спора оценку законности указанных действий должен дать суд общей юрисдикции.

Изложенный вывод основан на том, что к предметной компетенции арбитражных судов не отнесена проверка действий (бездействия) судебного пристава-исполнителя, совершенных в рамках исполнительного производства, возбужденного по выданному судом общей юрисдикции исполнительному документу (ст. 29 АПК РФ, чч. 2 и 3 ст. 128 Федерального закона “Об исполнительном производстве”).

Кроме того, при выяснении размера вреда, причиненного бездействием судебного пристава-исполнителя, суд обязан выяснить, не утрачена ли возможность принудительного исполнения исполнительного документа, выданного судом общей юрисдикции, самим должником — физическим лицом.

Таким образом, иск юридического лица или индивидуального предпринимателя о взыскании с Российской Федерации в лице Федеральной службы судебных приставов убытков, причиненных в результате действий (бездействия) судебного пристава-исполнителя в рамках исполнительного производства, возбужденного по выданному судом общей юрисдикции исполнительному документу, должником по которому выступает гражданин, подлежит рассмотрению и разрешению в суде общей юрисдикции.

Вопросы применения Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

Вопрос 4. Вправе ли судья рассмотреть по существу дело об административном правонарушении, за совершение которого предусматривается административное наказание в виде административного ареста, в отсутствие лица, привлекаемого к административной ответственности?

Ответ. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) связывает производство по делу об административном правонарушении, совершение которого влечет административное наказание в виде административного ареста, с необходимостью исполнения лицами, осуществляющими производство по делу, ряда специальных требований.

В соответствии с ч. 1 ст. 3.9 КоАП РФ административный арест как связанное с лишением лица свободы, а потому наиболее строго административное наказание, применяемое к гражданам, может быть назначен в исключительных случаях и только судьей.

Протокол об административном правонарушении, совершение которого влечет административный арест, передается на рассмотрение судьбе немедленно после его составления (ч. 2 ст. 28.8 КоАП РФ). Частью 4 ст. 29.6 КоАП РФ установлен сокращенный срок рассмотрения дела о таком административном правонарушении — в день получения протокола и других материалов дела, а в отношении лица, подвергнутого административному задержанию, — не позднее 48 часов с момента его задержания.

В силу ч. 3 ст. 25.1 КоАП РФ присутствие лица, привлекаемого к административной ответственности, при рассмотрении дела об административном право-

нарушении, влекущем административный арест, во всех случаях является необходимым.

Согласно позиции Конституционного Суда РФ, высказанной в Определениях от 21 мая 2015 г. № 1125-О, от 29 сентября 2015 г. № 1902-О, ч. 3 ст. 25.1 КоАП РФ создает для лица дополнительную гарантию полноценной реализации права на защиту при привлечении к ответственности за такие административные правонарушения, за которые предусмотрена возможность применения к нарушителю наиболее ограничительных по своему характеру мер административной ответственности.

Таким образом, принимая во внимание сокращенный срок рассмотрения дел об административных правонарушениях, совершение которых влечет административный арест, судья вправе приступить к рассмотрению дела по существу при совокупности следующих условий:

— лицо не явилось либо не было доставлено в судебное заседание;

— санкция статьи (части статьи) КоАП РФ, на основании которой возбуждено дело об административном правонарушении, предусматривает, помимо административного ареста, возможность назначения иного вида административного наказания;

— фактические обстоятельства дела не исключают возможности назначения административного наказания, не связанного с содержанием нарушителя в условиях изоляции от общества.

При этом судам надлежит учитывать, что по делу, рассматриваемому в отсутствие лица, привлекаемого к административной ответственности, последнему не может быть назначено административное наказание в виде административного ареста.

Если судья допускает возможность назначения лицу, в отношении которого ведется производство по делу, административного наказания в виде административного ареста (в том числе и в случае, когда санкция статьи (части статьи) КоАП РФ не устанавливает альтернативного административного наказания, не связанного с содержанием нарушителя в условиях изоляции от общества) и лицо не явилось либо не было доставлено в судебное заседание, протокол об административном правонарушении с другими материалами дела подлежит возвращению в орган, должностному лицу, которые составили протокол, в порядке, установленном п. 4 ч. 1 ст. 29.4 КоАП РФ, со стадии подготовки к рассмотрению дела.

Вопрос 5. Подлежит ли привлечению к административной ответственности по ч. 1 ст. 5.35¹ КоАП РФ лицо, допустившее до 15 июля 2016 г. неуплату алиментов в течение двух или более месяцев со дня возбуждения исполнительного производства?

Ответ. Частью 1 ст. 5.35¹ КоАП РФ предусмотрена административная ответственность родителей за неуплату без уважительных причин в нарушение решения суда или нотариально удостоверенного соглашения средств на содержание несовершеннолетних детей либо нетрудоспособных детей, достигших восемнадцатилетнего возраста, в течение двух и более месяцев со дня возбуждения исполнительного производства, если такие действия не содержат уголовно наказуемого деяния.

Указанная норма введена Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 326-ФЗ “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности” и вступила в силу с 15 июля 2016 г. До

этой даты административная ответственность за соответствующее деяние не была установлена.

В то же время ст. 157 УК РФ в редакции, действовавшей до 15 июля 2016 г., предусматривала уголовную ответственность за злостное уклонение от уплаты по решению суда средств на содержание детей.

С 15 июля 2016 г. установлена уголовная ответственность за неуплату без уважительных причин в нарушение решения суда или нотариально удостоверенного соглашения средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей, если это деяние совершено неоднократно, т.е. лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, в период, когда такое лицо считается подвергнутым административному наказанию.

Новое правовое регулирование направлено на уточнение диспозиции ст. 157 Кодекса, ранее (до 15 июля 2016 г.) охватывающей в том числе бездействие, связанное с систематическим уклонением от уплаты средств на содержание детей. При этом введение административной ответственности за неуплату без уважительных причин в нарушение решения суда или нотариально удостоверенного соглашения средств на содержание несовершеннолетних детей либо нетрудоспособных детей, достигших восемнадцатилетнего возраста, и ее разграничение с уголовной ответственностью осуществлено с сохранением уголовно-правовой защиты имущественных интересов детей и, следовательно, не может рассматриваться как ослабление мер правовой ответственности лиц, виновных в неуплате средств на содержание таких детей, а также не должно приводить к уклонению от ответственности виновных лиц.

Действие административного закона во времени регулируется ст. 1.7 КоАП РФ, в соответствии с которой лицо, совершившее административное правонарушение, подлежит ответственности на основании закона, действовавшего во время совершения административного правонарушения.

Поскольку способом совершения административного правонарушения является бездействие, выраженное в неуплате без уважительных причин в нарушение решения суда или нотариально удостоверенного соглашения средств на содержание несовершеннолетних детей либо нетрудоспособных детей, достигших восемнадцатилетнего возраста, в течение двух и более месяцев со дня возбуждения исполнительного производства, указанное правонарушение является длящимся и будет считаться оконченным с момента его выявления (обнаружения) либо добровольного прекращения лицом действий по неуплате средств на содержание детей.

Таким образом, в случае, если исполнительное производство было возбуждено до 15 июля 2016 г. и после этой даты выявлена неуплата средств на содержание несовершеннолетних детей либо нетрудоспособных детей, достигших восемнадцатилетнего возраста, длительностью более двух месяцев со дня возбуждения исполнительного производства, то такое лицо может быть привлечено к административной ответственности по ч. 1 ст. 5.35¹ КоАП РФ.

Вопрос 6. Образует ли объективную сторону состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 1¹ ст. 18.8 КоАП РФ, отсутствие в момент проведения государственного контроля (надзора) в сфере миграции у иностранного гражданина или лица без гражданства при себе документов, подтверждающих право на пребывание (проживание) в Российской Федерации?

Ответ. Нарушение иностранным гражданином или лицом без гражданства режима пребывания (проживания) в Российской Федерации, выразившееся в отсутствии документов, подтверждающих право на пребы-

вание (проживание) в Российской Федерации, или в случае утраты таких документов — в неподаче заявления об их утрате в соответствующий орган либо в уклонении от выезда из Российской Федерации по истечении определенного срока пребывания, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния, в соответствии с ч. 1¹ ст. 18.8 КоАП РФ влечет наложение административного штрафа в размере от двух тысяч до пяти тысяч рублей с административным выдворением за пределы Российской Федерации.

Правовое положение иностранных граждан в Российской Федерации регулируется Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ “О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации”.

Согласно п. 1 ст. 2 этого Закона законно находящийся в Российской Федерации иностранный гражданин — лицо, имеющее действительный вид на жительство, либо разрешение на временное проживание, либо визу и (или) миграционную карту, либо иные предусмотренные федеральным законом или международным договором Российской Федерации документы, подтверждающие право иностранного гражданина на пребывание (проживание) в Российской Федерации.

Нормативными правовыми актами определен порядок выдачи компетентными государственными органами иностранным гражданам или лицам без гражданства документов, подтверждающих право на пребывание (проживание) в Российской Федерации.

Так, в соответствии с п. 10 Правил использования миграционной карты, утвержденных постановлением Правительства РФ от 16 августа 2004 г. № 413 “О миграционной карте”, миграционная карта находится у иностранного гражданина в течение срока его пребывания в Российской Федерации.

Отсутствие в момент проведения государственного контроля (надзора) в сфере миграции у иностранного гражданина или лица без гражданства при себе действительных документов, подтверждающих право на пребывание (проживание) в Российской Федерации, не образует объективную сторону состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 1¹ ст. 18.8 КоАП РФ, если имеются сведения о том, что такие документы выдавались в предусмотренном законодательством порядке компетентными государственными органами иностранному гражданину или лицу без гражданства, не утрачены и сохраняют свое действие.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ СВЕДЕНИЯ

Из Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за второй квартал 2013 года (раздел II “Практика рассмотрения дел по спорам, возникающим из социальных, трудовых и пенсионных правоотношений”) отзывается пример номер 3 (определение № 20-КГ13-10).

ПРАКТИКА МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРНЫХ ОРГАНОВ

В силу п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 “О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации” “толкование международного договора должно осуществляться в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. (раздел 3; ст.ст. 3—33). Согласно п. “b” ч. 3 ст. 31 Венской конвенции при толковании международного договора наряду с его контек-

стом должна учитываться последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования”.

Практика международных (межгосударственных) органов, контролирующая исполнение государствами международно-правовых обязательств в сфере защиты прав и свобод человека, которые предусматриваются в международном договоре, устанавливает соглашение участников такого договора в отношении его применения.

В целях эффективной защиты прав и свобод человека судам необходимо при рассмотрении административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, уголовных и иных дел учитывать правовые позиции, сформулированные указанными договорными органами.

Практика Европейского Суда по правам человека

В сфере административных правоотношений

Оказание (неоказание) надлежащей медицинской помощи лишенным свободы лицам

Постановление Европейского Суда по правам человека (далее также — Европейский Суд, Суд) по жалобе № 21566/13 “Сергей Денисов против Российской Федерации” (вынесено 8 октября 2015 г., вступило в силу 14 марта 2016 г.).

Заявитель жалуется на то, что власти не предприняли мер для защиты его здоровья и благополучия и не предоставили ему надлежащую медицинскую помощь в нарушение ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее также — Конвенция).

Суд отметил, что заявитель жаловался на ненадлежащую медицинскую помощь в отношении в том числе следующих заболеваний: ВИЧ-инфекции, гепатита С. Проведя оценку свидетельских показаний, Суд не убедился в том, что медицинское обслуживание, предоставленное заявителю, было ненадлежащего качества (п. 58 постановления).

“[О]тносительно качества медицинской помощи, предоставляемой заявителю для лечения ВИЧ-инфекции, Суд отме[тил], что 16 августа 2012 года [в]ластям стало известно о том, что заявитель страдает от ВИЧ-инфекции... после освидетельствования врачебной комиссией на момент поступления в следственный изолятор... На следующий день заявителю был выписан рецепт на прием комбинации высокоактивных антиретровирусных препаратов... которые он получал на регулярной основе на протяжении всего периода содержания под стражей... Власти Российской Федерации разработали и начали проведение антиретровирусной терапии в соответствии с указаниями Всемирной организации здравоохранения, действующими в период рассматриваемых событий, а также национальными правовыми требованиями” (п. 59 постановления).

Европейский Суд установил, что “заявитель проходил регулярный осмотр на предмет ВИЧ-инфекции. Представляется, что его лечение было успешным, поскольку анализы, проводимые на регулярной основе, выявили небольшой, но постоянный рост количества лимфоцитов...” (п. 60 постановления).

“Заявитель указал на один случай бездействия в отношении лечения его ВИЧ-инфекции, а именно, что в момент ареста 13 августа 2012 года у него отобрали лекарственные средства для лечения ВИЧ-инфекции. Власти оспорили это утверждение. Суд отме[тил], что в материалах дела отсутствуют доказательства, свидетельствующие, что сотрудники полиции действительно изъяли у заявителя принадлежащие ему препараты в момент ареста. Тем не менее, даже если предположить,

что действительно имел место трехдневный перерыв в антиретровирусной терапии в период с 13 августа 2012 года, дня ареста заявителя, по 16 августа 2012 года, когда тюремные врачи предписали ему новый режим приема препаратов, отсутствуют доказательства, что это оказало негативное влияние на состояние здоровья заявителя и привело к неэффективности общего медицинского обслуживания, полученного в условиях содержания под стражей. Суд [подчеркнул], что медицинская документация убедительно демонстрирует, что состояние здоровья заявителя не ухудшилось за период его нахождения под стражей и что его ВИЧ-инфекция не прогрессировала... Суд, таким образом, не [смог] прийти к заключению, что лечение, полученное в отношении ВИЧ-инфекции заявителя, было ненадлежащим” (п. 61 постановления).

“Возвращаясь к жалобам заявителя, касающимся его страданий из-за гепатита С (ВГС), ни заявитель, ни [в]ласти Российской Федерации не представили подробных сведений в отношении указанной жалобы. Копии медицинских документов, представленных [в]ласти Российской Федерации, не содержат какой-либо информации по данному вопросу. Таким образом, представляется, что заявитель не получал никакого лечения в отношении гепатита С. Однако, учитывая агрессивный характер антиретровирусной терапии и повышенный риск токсичности лекарственных средств и взаимодействия между некоторыми препаратами антиретровирусной терапии и препаратами для лечения ВГС, как указывается в директивах Всемирной организации здравоохранения, действующих в рассматриваемый период времени... Суд [пришел к выводу], что решение органов власти Российской Федерации не назначать лечение в отношении гепатита С не представляется необоснованным. Суд также [учел] тот факт, что заявитель просто перечислил гепатит С в числе одного из своих заболеваний и не представил дополнительных доводов, которые могли бы указать, что российские власти проигнорировали этот диагноз или отказались принять меры по жалобам заявителя в этом отношении” (п. 62 постановления).

Суд пришел к выводу о том, что внутригосударственные органы власти обеспечили заявителю полноценное, эффективное и прозрачное медицинское обслуживание в течение всего периода содержания под стражей. Таким образом, отсутствует нарушение ст. 3 Конвенции (п. 66 постановления).

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 32917/13 “Халваш против Российской Федерации” (вынесено 15 декабря 2015 г., вступило в силу 2 мая 2016 г.).

Заявитель утверждал, что в его распоряжении не было эффективного средства правовой защиты в отношении нарушения его прав на защиту от жесткого обращения с ним в соответствии со ст. 13 Конвенции.

Европейский Суд установил, что “...при принятии решения по жалобе о нарушениях внутригосударственных норм, регулирующих оказание медицинской помощи заключенным, администрация мест заключения не обладала достаточно независимой позицией для удовлетворения требований статьи 35 Конвенции... даже несмотря на то, что проверка надзирающим прокурором играет важную роль в обеспечении адекватной медицинской помощи в течение срока лишения свободы, жалоба прокурору далека от требований к эффективному средству правовой защиты” (п. 50 постановления).

Оценив гражданский иск о компенсации на основании положений Гражданского кодекса РФ об обязательствах вследствие причинения вреда, Суд пришел к выводу, что “...такой иск не мог привести к предостав-

лению каких-либо мер компенсации, кроме денежной компенсации убытков, и не мог прекратить ситуацию, в которой имеет место длежащее нарушение, такое как неадекватное оказание медицинской помощи... [Рассматриваемое] средство правовой защиты не предусматривало возможности благоприятного исхода, в частности, потому, что размер присуждаемой компенсации зависит от установления виновности властей, что крайне маловероятно с учетом того, что национальные правовые нормы предусматривают применение определенных критериев, например, определенных условий содержания под стражей или уровень медицинской помощи" (п. 50 постановления).

Суд заключил, что "...предложенные властями средства правовой защиты не являл[и]сь эффективным средством правовой защиты, которое могло бы быть использовано для предотвращения предполагаемых нарушений или их продолжения с предоставлением заявителю надлежащего и достаточного возмещения в связи с его жалобами в соответствии со статьей 3 Конвенции" (п. 51 постановления).

Таким образом, Суд отклонил возражение властей о исчерпании внутригосударственных средств правовой защиты и пришел к выводу, что "...заявитель не располагал эффективным внутренним средством правовой защиты в отношении своей жалобы, что является нарушением статьи 13 Конвенции" (п. 52 постановления).

Заявитель также жаловался на то, что власти не приняли никаких мер для защиты его здоровья и благополучия и не предоставили ему надлежащую медицинскую помощь в нарушение ст. 3 Конвенции.

Европейский Суд отметил, что "...врачебные комиссии в своих заключениях, а также врачи следственных изоляторов и больниц следственных изоляторов в своих заключениях и справках, представленных властями, опирались на полную историю болезни заявителя, результаты проведенных ими самими медицинских освидетельствований и осмотров заявителя, которые составляют основную часть процесса оценки состояния здоровья" (п. 62 постановления).

Суд установил, что "...представленные заявителем заключения не содержат никаких ссылок на объективные данные. Суд вынужден отклонить довод заявителя, основанный исключительно на данных спорных медицинских заключений, в частности о необходимости проведения срочной операции на головном мозге и/или длительного стационарного лечения в специализированном медицинском учреждении, а также в части особой опасности отбывания наказания в северном регионе для его здоровья" (п. 63 постановления).

Европейский Суд также отметил, что "...во время нахождения заявителя под стражей за изменениями в состоянии его здоровья пристально следили несколько врачей-специалистов, в том числе невролог. Администрации мест заключения выполнили требования о ведении медицинской карты и немедленном ее направлении в каждое учреждение, где заявитель содержался под стражей. Соответственно, медицинский персонал сразу узнавал о наличии у заявителя проблем со здоровьем и в случае необходимости мог надлежащим образом на них реагировать... В соответствии с рекомендациями врачей мест содержания под стражей заявителя без существенных задержек переводили в специализированные медицинские учреждения для проведения полного обследования" (п. 64 постановления).

Суд подчеркнул, что "...медицинский персонал мест содержания под стражей выполнял различные медицинские манипуляции, в том числе особо сложные и с применением новейшего оборудования, следил за развитием заболевания заявителя, назначал необходимое лечение лекарственными препаратами и по мере необходимости корректировал лечение... [В]торичное

заболевание заявителя... было немедленно взято под наблюдение и успешно вылечено... [Н]ет никаких объективных данных, свидетельствующих о значительном ухудшении состояния здоровья заявителя за годы его содержания под стражей, которые можно было бы вменить в вину властям как халатность или непредоставление заявителю надлежащей медицинской помощи" (п. 65 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что "...российские власти обеспечили оказание заявителю надлежащей медицинской помощи в соответствии с требованиями статьи 3 Конвенции... Таким образом, нарушения статьи 3 Конвенции допущено не было" (пп. 68—69 постановления).

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 32863/13 "Литвинов против Российской Федерации" (вынесено 22 марта 2016 г., вступило в силу 22 июня 2016 г.).

Заявитель жаловался на то, что власти не приняли никаких мер для защиты его здоровья и благополучия, не оказав ему надлежащей медицинской помощи в ходе его содержания под стражей в нарушение ст. 3 Конвенции.

В отношении нарушения ст. 3 Конвенции Суд отметил, что "...до задержания заявитель страдал различными сердечно-сосудистыми заболеваниями и заболеваниями почек, перенес инсульт, закрытую черепно-мозговую травму и инфаркт миокарда. Некоторые заболевания уже прогрессировали в дальнейшие стадии. Органам власти стало известно о плохом состоянии его здоровья сразу после его поступления в пенитенциарное учреждение" (п. 90 постановления).

Европейский Суд также установил, что "...заявитель не представил никаких конкретных заявлений в отношении того, что случаи невыдачи лекарственных средств являлись длительными или что они влияли на состояние здоровья заявителя. Более того... заявитель также способствовал прерыванию режима приема лекарственных препаратов и, таким образом, возникновению возможных недостатков в лечении, в некоторых случаях отказываясь принимать лекарственные препараты или отказываясь от внутривенных вливаний и медицинских обследований" (п. 91 постановления).

Суд подчеркнул, что "...лечение сердечных заболеваний заявителя... привело к успешным результатам... Заявитель был в разумные сроки излечен от вторичных заболеваний... Его хронические заболевания не проявляли заметных признаков развития" (п. 93 постановления).

Европейский Суд отметил, что "...заявитель во время содержания под стражей находился под пристальным медицинским наблюдением. Органы власти обратили внимание на его серьезные сердечные заболевания в первые дни после его задержания... Вскоре после этого тюремный врач рекомендовал стационарное лечение, и заявитель был переведен в тюремную больницу... После проведения различных клинических тестов в больнице заявителю было назначено и проведено медикаментозное лечение. Его регулярно госпитализировали в тюремные больницы и медицинские части... Врачи-специалисты осуществляли мониторинг эффективности лечения заявителя и корректировали лечение по мере необходимости... органы власти разрешили приглашенным врачам посещать заявителя во время его содержания под стражей и фиксировали их заключения относительно режима лечения заявителя в медицинской карте для учета тюремными врачами" (п. 94 постановления).

Таким образом, принимая во внимание вышеупомянутые соображения, Европейский Суд не усмотрел нарушения ст. 3 Конвенции.

См. также поступившее в Верховный Суд РФ постановление Европейского Суда по жалобе № 2763/13 “Хайлетдинов против Российской Федерации” (вынесено 12 января 2016 г., вступило в силу 6 июня 2016 г.), содержащее констатацию нарушения положений ст. 3 Конвенции в части не оказания надлежащей медицинской помощи лишенным свободы лицам.

Право лишенного свободы лица на уважение личной и семейной жизни

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 32917/13 “Видиш против Российской Федерации” (вынесено 15 марта 2016 г., вступило в силу 15 июня 2016 г.).

Заявитель жаловался в том числе на то, что требование об оплате использования помещений для долгосрочных семейных свиданий в лечебно-исправительном учреждении нарушало ст. 8 Конвенции.

Европейский Суд отметил, что “...обязательной частью права заключенного на уважение его семейной жизни является предоставление ему властями возможности или, по необходимости, оказание ему помощи в поддержании контакта с близкими родственниками, так как при содержании под стражей заключенный продолжает пользоваться всеми основными правами и свободами, за исключением права на свободу... [В]мешательство в право заключенного на уважение его семейной жизни не должно обязательно приводить к запрету свиданий с родственниками, но может заключаться в других мерах, принятых администрацией тюрьмы... [О]граничения частоты и продолжительности свиданий с родственниками, надзор за такими свиданиями и применение к заключенному особых условий посещения являются вмешательством в право заявителей, предусмотренное статьей 8 Конвенции” (п. 35 постановления).

Суд также подчеркнул, что “...в настоящем деле имеет место дополнительное финансовое ограничение, согласно которому осуществление законного права заявителя на долгосрочное свидание с родственниками зависело от его способности оплатить такое посещение... [Т]ак как указанная мера вынудила заявителя сократить продолжительность разрешенного свидания с родственниками, она привела к вмешательству в его право на уважение семейной жизни, что привело к нарушению статьи 8 [Конвенции]” (п. 36 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что “...[в] то время как ни заявитель, ни его дочери не запросили особых условий посещения или дополнительного оборудования помещения для свиданий, от них потребовали оплатить заработную плату персонала учреждения и сборы за обслуживание, что не может рассматриваться в качестве “дополнительных услуг”. Так как в российском законодательстве не имеется основания для перекладывания стоимости основных услуг на посещающих членов семьи, рассматриваемое ограничение, по-видимому, является незаконной инициативой администрации лечебно-исправительного учреждения... Соответственно, имело место нарушение статьи 8 Конвенции по причине незаконного ограничения свиданий с родственниками” (пп. 38, 40 постановления).

Право на уважение личной жизни в аспекте защиты персональных данных лица

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 40378/06 “У.У. против Российской Федерации” (вынесено 23 февраля 2016 г., вступило в силу 4 июля 2016 г.).

Заявитель жаловалась, ссылаясь на ст. 8 Конвенции, на то, что региональный комитет здравоохранения осу-

ществил сбор и исследование медицинских документов заявителя и ее детей и направил рецензию, содержащую результаты такого исследования, в Минздрав России без соответствующего согласия заявителя.

Европейский Суд отметил, что “...раскрытие клиникой — без согласия пациента — медицинских документов, содержащих личную и конфиденциальную информацию о пациенте, Службе социального страхования, и, соответственно, более широкому кругу государственных служащих, представляет собой вмешательство в право пациента на уважение частной жизни... [п]редоставление медицинскими организациями информации о состоянии здоровья пациента в распоряжение органов прокуратуры и работодателя пациента, а также совершение органом, уполномоченным на осуществление контроля за качеством медицинской помощи, действий по сбору информации о здоровье пациента также представляет вмешательство в право на уважение частной жизни” (п. 39 постановления).

Суд подчеркнул, что “...[п]о мнению национальных судов, гарантия недопущения разглашения конфиденциальной медицинской информации без согласия пациента не распространяется на ситуации, аналогичные ситуации заявителя... Во-первых, такая гарантия не применяется в отношении раскрытия информации Комитетом Министерству [здравоохранения Российской Федерации], поскольку последнее является контрольным органом в структуре государственной системы здравоохранения. Во-вторых, такая гарантия применяется лишь в отношении раскрытия самой медицинской документации пациента, но не раскрытия полученной из нее информации” (п. 53 постановления).

Европейский Суд обратил внимание на то, что “...выводы национальных судов о том, что действия Комитета по сбору, изучению и раскрытию Министерству [здравоохранения Российской Федерации] информации о состоянии здоровья заявителя не могут рассматриваться в качестве нарушения требования о соблюдении конфиденциальности медицинской информации, основаны на общем обязательстве Комитета по предоставлению в Министерство подробной запрошенной им информации. Однако подобные выводы национальных судов не подкреплены какими-либо отсылками к нормам соответствующего внутреннего законодательства” (п. 55 постановления).

Суд пришел к выводу о том, что “...несмотря на наличие у заявителя формальной возможности для оспаривания в суде действий Комитета, тем не менее, заявителю не была обеспечена минимальная степень защиты от произвола со стороны властей. Спорные действия не могут рассматриваться в качестве предсказуемого применения соответствующего законодательства Российской Федерации... вмешательство в право заявителя на уважение частной жизни не было “предусмотрено законом” по смыслу пункта 2 статьи 8 Конвенции” (пп. 58—59 постановления).

Условия содержания в местах лишения свободы

В Верховный Суд РФ поступил ряд постановлений Европейского Суда по правам человека, содержащих констатацию нарушения Российской Федерацией положений ст. 3 Конвенции в части необеспечения надлежащих условий содержания в местах лишения свободы: по жалобе № 4963/06 по делу “Курушин против Российской Федерации” (вынесено 15 октября 2015 г.); по жалобе № 36814/06 “Чукаев против Российской Федерации” (вынесено 5 ноября 2015 г., вступило в силу 5 февраля 2016 г.); по жалобе № 32036/10 “Бутко против Российской Федерации” (вынесено 12 ноября 2015 г., вступило в силу 12 февраля 2016 г.); по жалобе № 16179/14 “Бутрин против Российской Федерации” (вынесено 22 марта 2016 г., вступило в силу 22 июня

2016 г.); по жалобе № 38758/05 “Морозов против Российской Федерации” (вынесено 12 ноября 2015 г., вступило в силу 12 февраля 2016 г.); по жалобе № 48416/09 “Коркин против Российской Федерации” (вынесено 12 ноября 2015 г., вступило в силу 2 мая 2016 г.); по жалобам № 36101/11, 36831/11, 52683/12, 63745/12, 59337/13, 67679/13, 67943/13, 77397/13, 3251/14, 9694/14, 13257/14 и 19016/14 “Аристов и другие против Российской Федерации” (вынесено 30 июня 2016 г.); по жалобе № 32917/13 “Видиш против Российской Федерации” (вынесено 15 марта 2016 г., вступило в силу 15 июня 2016 г.).

Цензура переписки заявителя с Европейским Судом по правам человека

В Верховный Суд РФ также поступил ряд постановлений Европейского Суда по правам человека, содержащих констатацию нарушения Российской Федерацией положений ст.ст. 8 и 34 Конвенции в части цензуры переписки заявителя с Европейским Судом по правам человека: по жалобе № 36814/06 “Чукаев против Российской Федерации” (вынесено 5 ноября 2015 г., вступило в силу 5 февраля 2016 г.); по жалобе № 32917/13 “Видиш против Российской Федерации” (вынесено 15 марта 2016 г., вступило в силу 15 июня 2016 г.).

Неисполнение (несвоевременное исполнение) судебных постановлений

Решение Европейского Суда по правам человека по жалобе № 24324/05 “Владимир Николаевич Смагилов против Российской Федерации” (вынесено и вступило в силу 13 ноября 2014 г.).

Заявитель жаловался на нарушение ст. 6 Конвенции в связи с тем, что российские власти не смогли помочь ему добиться исполнения решения суда, вынесенного против частной компании, а также в связи с тем, что он был лишен доступа к правосудию в рамках спора о компенсации ущерба, причиненного отказом судьи применить в гражданском процессе обеспечительные меры.

В отношении предполагаемой неспособности властей помочь заявителю добиться исполнения судебного решения, вынесенного против частной компании, Европейский Суд установил, что “...во время рассматриваемых событий заявитель считал статью 1069 [Гражданского кодекса Российской Федерации] доступным и эффективным средством правовой защиты в своем деле. В 2007 году он предпринял попытку возбудить соответствующее гражданское судопроизводство в отношении Казначейства Российской Федерации и Управления Службы судебных приставов, которая оказалась безрезультатной из-за того, что заявитель не выполнил разумные процессуальные требования российского законодательства, не сформулировав свои иски-вые требования к ответчикам и не указав их почтовые адреса. В замечаниях сторон нет никаких свидетельств того, что заявитель устранил или попытался устранить указанные недостатки, несмотря на то, что российские суды предоставили ему такую возможность, и, таким образом, заявитель не выполнил своего обязательства оценить степень защиты его прав национальной правовой системы... [В] рассматриваемом деле отсутствие результата не может быть истолковано как доказательство недоступности или неэффективности данного средства правовой защиты” (п. 43 решения).

Суд подчеркнул, что “...указанное властями внутригосударственное средство правовой защиты¹ имеет четкие правовые основания в рамках внутригосударст-

венного права и является достаточно неизменным с точки зрения законодательства и процессуальных норм... [Ч]етким основанием для указанного властями средства правовой защиты является статья 1069 Гражданского кодекса. Положения данной статьи с достаточной степенью определенности предусматривают перечень прав на возмещение ущерба (ущерба, причиненного в результате действий, бездействия или законных актов органов государственной власти или их должностными лицами), соответствующую компенсацию (возмещение ущерба), основания для получения компенсации (незаконность актов, действий или бездействия), а также перечень государственных учреждений, ответственных за выплату компенсаций (Федеральное казначейство или его областные или местные управления). Более того, общие положения статьи 1064 части 1 Гражданского кодекса указывают на обязательное полное возмещение соответствующего ущерба. Часть 2 статьи 1064 и статья 1069 Гражданского кодекса в совокупности определяют распределение бремени доказательства, при котором истец должен доказать незаконность действия (бездействия), а ответчик — отсутствие своей вины” (п. 44 решения).

Европейский Суд пришел к выводу о том, что “...статья 1069 представляет собой средство правовой защиты, которое является достаточным для возмещения ущерба в отношении соответствующих жалоб, и что в свете существующей российской судебной практики данное средство правовой защиты может обеспечить разумные шансы на благоприятный результат... [В] своих замечаниях власти указали ряд соответствующих примеров из российской судебной практики по делам физических и юридических лиц, которые прибегли к статье 1069 как средству правовой защиты в российских судах общей юрисдикции и арбитражных судах. Заявитель в своих замечаниях оспорил наличие такой судебной практики, однако не представил никаких доказательств обратного. Соответственно, Европейский Суд приходит к выводу о том, что позиция властей в достаточной степени основана на соответствующей судебной практике на национальном уровне... [Д]оступность и эффективность статьи 1069 подтверждается авторитетным толкованием Конституционным Судом соответствующих положений национального законодательства, а также рекомендациями судов высшей инстанции российской судебной системы... [В]ласти в своем заявлении о неисчерпани средств правовой защиты представили доказательства наличия доступного и эффективного внутригосударственного средства правовой защиты (гражданский иск о возмещении ущерба, поданный в соответствии со статьей 1069 Гражданского кодекса) в отношении предполагаемого отказа российских властей помочь заявителю добиться исполнения судебного решения, вынесенного против частного лица” (пп. 45—48 решения).

В отношении вопроса об использовании заявителем доступного и эффективного внутригосударственного средства правовой защиты Суд заключил, что “...в настоящем деле два разных гражданских процесса преследовали совершенно разные цели — признание действий судебного пристава-исполнителя неправомерными и получение денежного возмещения ущерба соответственно. Если бы заявителю было отказано в удовлетворении иска о признании, его шансы на получение денежной компенсации существенно снизились бы, однако в настоящем деле районный суд, напротив, своим определением признал незаконность бездействия судебного пристава на основании принципа *res judicata* в отношении иска по статье 1069... [З]аявитель не исчерпал доступные и эффективные внутригосударственные средства правовой защиты в отношении своей жалобы на нарушение статьи 6 Конвенции в связи с

¹Возможность подачи гражданского иска о возмещении ущерба в соответствии со ст. 1069 ГК РФ.

предполагаемым отказом российских властей помочь ему добиться исполнения судебного решения, вынесенного против частного лица. Следовательно данная жалоба должна быть признана неприемлемой в соответствии с пунктом 1 статьи 35 Конвенции” (пп. 51—52 решения).

В отношении жалоб заявителя на отказ в доступе к правосудию Европейский Суд отметил, что “...действие пункта 1 статьи 6 распространяется на “разногласия” (споры) по вопросам “гражданских прав”, которые могут считаться, по крайней мере, на спорных основаниях, признанными в рамках национального права в независимости от того, защищены ли они также и в рамках Конвенции” (п. 54 решения).

Суд установил, что “...[и]з положений Гражданского кодекса и Гражданского процессуального кодекса следует, что российская законодательная система предусматривает законные основания для подачи иска о возмещении ущерба, причиненного физическому лицу в результате незаконных действий или бездействия национальных органов государственной власти или их должностными лицами, в том числе судами и судьями. Данный вывод подтверждается толкованием Конституционным Судом положений, касающихся возмещения вреда, причиненного в результате незаконных действий или бездействия судей или судов” (п. 56 решения).

Суд также указал, что “...[в] настоящем деле нет никаких доказательств того, что действия судьи по отказу в применении обеспечительных мер, которых добивался заявитель, выходили за пределы его полномочий или были незаконны. Напротив, отказ может рассматриваться как разумное осуществление судьей своего права усмотрения, характерного для осуществления правосудия и соответствующего применимым положениям национального законодательства... [Д]анный подход российского законодательства соответствует требованиям статьи 6 Конвенции о независимом и беспристрастном суде. Юридическая независимость не предполагает наличие иммунитета к вынесению неверных решений, однако требует от судьи принятия решений в соответствии с имеющимися у него сведениями, собственным убеждением, разумными соображениями и без опасений быть наказанным. Возможность подачи гражданского иска о возмещении вреда, причиненного в результате законного и обоснованного определения по вопросу применения обеспечительных мер, неизбежно привела бы к ограничению усмотрения судьи. Надлежащим средством правовой защиты для стороны производства является стандартный механизм обжалования. В связи с этим Европейский Суд отмечает, что заявитель не обжаловал соответствующее определение суда... даже несмотря на то, что в соответствии с российским процессуальным правом у него такая возможность была” (пп. 58—59 решения).

Европейский Суд подчеркнул, что “...гражданский иск заявителя к Судебному департаменту является не чем иным, как попыткой обойти стандартную процедуру исполнения решения суда и соответственно привлечь государство к ответственности за долги частного лица. В рамках указанного производства заявитель явно добивался взыскания присужденной ему судом компенсации; однако исполнения решения он добивался не от должника, который отказался выплачивать компенсацию, а от судьи, который посчитал применение ограничений до окончательного определения гражданских прав необоснованным... [Г]ражданский иск имел опосредованное отношение к фактически желаемому результату и, таким образом, не может считаться действительно существующим серьезным спором” (п. 60 решения).

Европейский Суд пришел к выводу о том, что “...требование заявителя о возбуждении гражданского производства по вопросу возмещения ущерба, предположи-

тельно причиненного в результате законного отказа судьи применить обеспечительные меры, не соответствует стандартам Конвенции о действительно существующем и серьезном споре по вопросу гражданских прав... [Ж]алоба на отказ в доступе к правосудию в рамках данного производства не соответствует *ratione materiae* положениям статьи 6 Конвенции и должна быть признана неприемлемой в соответствии с подпунктом “а” пункта 3 статьи 35 Конвенции” (п. 61 решения).

В Верховный Суд Российской Федерации также поступило постановление по жалобе № 2686/06 “Калугина против Российской Федерации” (вынесено 21 июня 2016 г.), содержащее констатацию нарушения Российской Федерацией положений пункта 1 статьи 6 и/или статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции в части неисполнения судебных постановлений.

В сфере рассмотрения дел об административных правонарушениях

Право на юридическую помощь защитника

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 46998/08 “Михайлова против Российской Федерации” (вынесено 19 ноября 2015 г., вступило в силу 2 мая 2016 г.).

Заявитель жаловалась на нарушение ст. 6 Конвенции в связи с непредоставлением ей бесплатной юридической помощи в ходе производства по ее делу об административном правонарушении.

Европейский Суд напомнил, что “...не будучи абсолютным, право каждого обвиняемого в совершении уголовного преступления на эффективную защиту посредством адвоката, назначенного властями, если это необходимо, является одной из основ справедливого судебного разбирательства” (п. 77 постановления).

“Право на получение бесплатной юридической помощи, предусмотренное подпунктом “с” пункта 3 статьи 6 Конвенции, может быть реализовано при условии соблюдения двух условий. Во-первых, у заявителя должно быть недостаточно средств для оплаты юридических услуг. Во-вторых, предоставление юридической помощи осуществляется в интересах правосудия” (п. 78 постановления).

По мнению Европейского Суда, “...[д]ля установления необходимости предоставления юридической помощи в интересах правосудия в рамках внутригосударственного производства, Суд принимает во внимание несколько факторов. Для этого необходимо рассмотреть совокупность обстоятельств дела, в том числе с учетом серьезности правонарушения, степени суровости возможного наказания, степень сложности дела и личную ситуацию заявителя” (п. 79 постановления).

Европейский Суд постановил, что “...в случае возможного лишения свободы интересы правосудия, как правило, требуют услуг судебного представительства, причем если обвиняемый не в состоянии самостоятельно их оплатить, они должны быть предоставлены за счет бюджетных средств... Однако Конвенция не предусматривает какого-либо порога продолжительности такого лишения свободы. При этом изложенное выше не означает, что бюджетные средства не должны предоставляться для обеспечения судебного представительства в делах, не касающихся возможного лишения свободы” (п. 82 постановления).

“...Предоставление государством юридической помощи в делах, не относящихся к уголовному праву, может быть обязательным в соответствии с пунктом 1 статьи 6 в случае, если ее отсутствие препятствует эффективной реализации права на обращение в суд” (п. 84 постановления).

Привлечение заявителя к ответственности по ст. 19.3 КоАП РФ

Суд отметил, что "...заявителю было предъявлено обвинение в одном эпизоде неповиновения распоряжению сотрудников полиции. Можно утверждать, что предъявление такого обвинения требовало, в том числе, проверки законности распоряжения сотрудника полиции (с учетом других законодательных актов, таких как Закон "О собраниях" и Закон "О полиции"), либо правового заключения по вопросу реализации заявителем своего права на свободу собраний и выражение мнения... Суд согласен с тем, что утверждения заявителя, представленные в национальных судах, были содержательными, однако для разрешения вопроса о предоставлении юридической помощи этого недостаточно. В любом случае, знание или незнание заявителем юриспруденции не имело и не могло иметь значения, поскольку законодательством исключалась какая-либо возможность предоставления юридической помощи. Что касается личной ситуации заявителя, то Суд отмечает, что заявитель была пенсионером и не имела юридического или другого соответствующего образования" (п. 91 постановления).

Суд пришел к выводу о том, что "...наказание было в достаточной мере суровым для того, чтобы прийти к выводу о необходимости предоставления заявителю бесплатной правовой помощи "в интересах правосудия"" (п. 92 постановления).

Суд напомнил, что "...подпункт "с" пункта 3 статьи 6 предоставляет Высоким Договаривающимся Сторонам выбор средств для обеспечения соблюдения права на получение юридической помощи в своих судебных системах, задача Суда — лишь определить, соответствует ли выбранный ими способ требованиям справедливого разбирательства... Однако заявитель была лишена как возможности воспользоваться юридической помощью во время судебных разбирательств, так и возможности получить юридическую помощь другим способом, например, в виде юридической консультации либо помощи/представительства до судебного слушания или во время составления апелляционной жалобы, либо всего перечисленного вместе взятого... И, наконец, вопрос о том, могло ли апелляционное или любое дальнейшее производство по делу рассматриваться в качестве средства правовой защиты в отношении непредоставления юридической помощи с учетом сферы действия пересмотра и практических механизмов его реализации, не стоит... В действительности, в рамках этих производств бесплатная юридическая помощь тоже не была предусмотрена" (п. 94 постановления).

Суд установил наличие нарушения п. 1 и подп. "с" п. 3 ст. 6 Конвенции (п. 95 постановления).

Привлечение заявителя к ответственности по ст. 20.2 КоАП РФ

"Что касается степени суровости предусмотренного законом наказания, то Суд отмечает, что во время рассматриваемых событий единственным предусмотренным наказанием было наложение штрафа в размере 1000 рублей (28 евро), что является относительно небольшой суммой даже применительно к национальным условиям" (п. 96 постановления).

Европейский Суд обратил внимание на то, что "...дело касалось одного эпизода, в отношении которого были определены достаточно ясные правовые признаки, в том числе состав правонарушения. В то же время Суд отмечает, что при предъявлении обвинений необходимо было установить применимые нормы и действия, в отношении которых статьей 20.2 КоАП¹

предусмотрено наказание, а также оценить их с учетом и на основании других законодательных актов, таких как Закон "О собраниях"... и, в конечном итоге, с учетом правовых соображений относительно реализации обвиняемой своего права на свободу собраний и/или свободу выражения мнения... Вполне возможно, что эта задача могла помочь определить степень сложности дела, для чего у заявителя не было необходимых знаний или юридического образования" (п. 97 постановления).

Суд подчеркнул, что "...производство в отношении заявителя было непосредственно связано с реализацией ее основных свобод, гарантированных статьями 10 и 11 Конвенции. Соответственно, нельзя утверждать, что заявитель рисковал немногим" (п. 99 постановления).

Суд установил, что "...заявитель была лишена как возможности воспользоваться юридической помощью во время судебных разбирательств, так и возможности получить юридическую помощь другим способом, например, в виде юридической консультации либо помощи/представительства до судебного слушания или во время составления апелляционной жалобы, либо всего перечисленного вместе взятого" (п. 100 постановления).

Суд указал, что "...в целях соблюдения требований статьи 6 Конвенции, при рассмотрении вопроса о юридической помощи следует в первую очередь провести на национальном уровне оценку соответствующих фактических обстоятельств и правовых признаков (такие как проверка имущественного положения и "интересы правосудия"), особенно в случаях, аналогичных настоящему делу, где в ходе национального производства затрагиваются основные права и свободы, гарантированные Конвенцией. Однако в силу положений российского законодательства, такая оценка на национальном уровне не проводилась" (п. 101 постановления).

С учетом исследованных обстоятельств Суд пришел к выводу, что "...интересы правосудия" в конкретных обстоятельствах настоящего дела требовали предоставления бесплатной юридической помощи. Следовательно, имело место нарушение пункта 1 и подпункта "с" пункта 3 статьи 6 Конвенции" (п. 102 постановления).

Административное выдворение

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобам № 40081/14, 40088/14 и 40127/14 "Л.М. и другие против Российской Федерации" (вынесено 15 октября 2015 г., вступило в силу 14 марта 2016 г.).

Заявители, в частности, утверждали, что их возвращение в Сирию нарушит их права, гарантированные ст.ст. 2 и 3 Конвенции, и что их содержание в специальном учреждении временного содержания иностранных граждан (далее — специальное учреждение, центр временного содержания иностранных граждан) в России нарушало ст.ст. 3 и 5 Конвенции.

Европейский Суд отметил, что "...внутригосударственные суды ограничились установлением того, что нахождение заявителей на территории России является незаконным... [Р]айонный суд и... областной суд не стали подробно рассматривать угрозы, на которые ссылались заявители, и множество международных и национальных источников, описывающих текущую ситуацию в Сирии... [В]виду абсолютного характера статьи 3 невозможно сравнить наличие угрозы жестокого обращения и оснований для выдворения... Подход судов в настоящем деле вызывает особое сожаление, поскольку в стране существует практика, согласно которой внутригосударственные суды, в том числе Верховный [С]уд [Российской Федерации], при рассмотрении административных правонарушений в области иммиграции принимают во внимание и придают

¹Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях.

существенное значение аргументам истцов о существовании серьезной угрозы жестокого обращения. В результате постановление о выдворении может быть отменено” (п. 115 постановления).

Европейский Суд обратил внимание на то, что “...общая ситуация насилия, как правило, сама по себе не приводит к нарушению статьи 3 в случае выдворения...; однако он никогда не исключает вероятность того, что общая ситуация насилия в стране назначения является настолько напряженной, что создает реальную опасность того, что выдворение заявителя в эту страну обязательно повлечет нарушение статьи 3 Конвенции. Тем не менее Суд принимает такой подход только в самых тяжелых случаях общего насилия, где существует реальная угроза жестокого обращения попросту в силу того, что по возвращении лицо станет объектом этого насилия (п. 119 постановления).

Европейский Суд установил, что “...заявители родом из г. Алеппо и г. Дамаска, где идут особо жестокие сражения. [Один из заявителей] рассказал об убийстве его родственников вооруженными ополченцами, которые захватили район, в котором он жил. Он также сказал, что он боялся, что его тоже убьют. [Другой заявитель] имеет палестинское происхождение и не имеет гражданства. Согласно УВКБ ООН¹, “почти все области, в которых проживает большое количество беженцев из Палестины, непосредственно затронуты конфликтом”. УВКБ ООН считает, что данная группа людей нуждается в международной защите. Суд также отмечает, что заявителями являются молодые люди, которые, по мнению “Хьюман Райтс Вотч”², особенно подвержены угрозе содержания под стражей и жестокого обращения” (п. 124 постановления).

Суд пришел к выводу о том, что “...заявители обоснованно утверждают, что их возврат в Сирию нарушит статьи 2 и/или 3 Конвенции. Власти не представили никаких доводов или информации, которая могла бы опровергнуть эти утверждения. Также... [власти] не сослались на какие-либо особые обстоятельства, которые обеспечивали бы заявителям защиту в случае возврата в Сирию” (п. 125 постановления).

Европейский Суд напомнил, рассматривая представленные жалобы в части предполагаемого нарушения п. 4 ст. 5 Конвенции, что “с момента вынесения постановления по делу “Азимов против России”, которое касалось аналогичной жалобы..., он установил нарушение пункта 4 статьи 5 в ряде дел против России ввиду отсутствия в национальном законодательстве положения, которое позволило бы заявителю возбудить процедуру судебного пересмотра его содержания в специальном учреждении в ожидании выдворения... В деле “Ким против России” власти признали нарушение пункта 4 статьи 5 и, учитывая повторяющийся характер нарушения, Суд указал, что власти России должны “обеспечить в своей правовой системе наличие механизма, посредством которого лица могли бы возбуждать производство с целью рассмотрения законности их содержания в специальном учреждении до административного выдворения, в свете событий в производстве по вопросу их административного выдворения” (п. 141 постановления).

Суд установил, что “...заявители в настоящем деле не имели в своем распоряжении процедуру для судебного пересмотра законности их содержания в специальном учреждении. Таким образом... имело место нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции в отношении каждого из трех заявителей” (п. 142 постановления).

¹Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев.

²*Human Rights Watch*. Неправительственная организация, осуществляющая мониторинг, расследование и документирование нарушений прав человека.

Рассматривая вопрос о соблюдении требований подп. “f” п. 1 ст. 5 Конвенции, Европейский Суд вновь напомнил, что “...[л]юбое лишение свободы в соответствии с подпунктом “f” пункта 1 статьи 5 может быть оправданным только в ходе производства по делу о депортации или экстрадиции. Если это производство не осуществляется с должной тщательностью, лишение свободы перестает быть приемлемым по смыслу подпункта “f” пункта 1 статьи 5... [Л]ишение свободы в соответствии с подпунктом “f” пункта 1 статьи 5 должно отвечать материально-правовым и процессуальным нормам внутригосударственного законодательства. Однако соблюдения норм национального законодательства недостаточно: пункт 1 статьи 5 требует, чтобы любое лишение свободы учитывало цель защиты лица от произвола. Понятие “произвол”, содержащееся в пункте 1 статьи 5 Конвенции, не ограничивается несоблюдением норм национального права, вследствие чего лишение свободы может являться правоммерным в рамках национального законодательства, но при этом быть произвольным и, следовательно, противоречащим требованиям Конвенции. Чтобы содержание под стражей, осуществляющееся на основании подпункта “f” пункта 1 статьи 5 Конвенции, нельзя было назвать произвольным, оно должно осуществляться добросовестно; при этом оно должно быть тесно связано с тем основанием для заключения под стражу, на которое ссылаются власти; место и условия содержания под стражей должны быть приемлемыми; продолжительность содержания под стражей не должна превышать срока, разумно необходимого для достижения преследуемой цели” (п. 146 постановления).

Суд пришел к выводу, что “изначальное постановление о помещении заявителей в специальное учреждение соответствовало букве национального закона. Кроме того, ввиду коротких доводов заявителей относительно ситуации в Сирии, представленных в ходе судебных слушаний, можно обоснованно сказать, что в течение первоначального периода содержания в специальном учреждении в отношении заявителей принимались меры с целью выдворения, поскольку, судя по всему, на данном этапе власти все еще выясняли, возможно ли осуществить их выдворение” (п. 147 постановления).

Европейский Суд, однако, подчеркнул, что “...в апелляционных жалобах, поданных в... областной суд, заявители четко указали, со ссылкой на соответствующие российские источники, что выдворение в Сирию невозможно... 27 мая 2014 года областной суд оставил без изменения постановления о выдворении и помещении в специальное учреждение, не рассмотрев доводы относительно возможности выдворения. Отдельным определением областной суд отказал в ходатайстве [одному из заявителей] об отмене наказания в виде выдворения, сославшись лишь на административное правонарушение, которое тот совершил... В июне 2014 года Федеральная служба судебных приставов попросила тот же суд приостановить исполнение постановлений о выдворении, указав, что выдворение не может быть осуществлено. Суд вновь отказал, сославшись на отсутствие правовых оснований для отсрочки выдворения... В результате, несмотря на наличие достаточного количества материалов, указывающих на то, что не следует принимать никаких мер с целью выдворения, содержание заявителей в специальном учреждении было санкционировано. [Двое заявителей] до сих пор содержатся в специальном учреждении, в то время как [третий заявитель] сбежал и находится на свободе с августа 2014 года. Таким образом, при обстоятельствах настоящего дела Суд пришел к выводу о том, что нельзя сказать, что после 27 мая 2014 года заявители являлись лицами “в отношении которых принимались меры с целью их выдворения или экстради-

ции”. Следовательно, их содержание в специальном учреждении после этой даты не было приемлемым согласно оговорке к праву на свободу, содержащейся в подпункте “f” пункта 1 статьи 5 Конвенции” (п. 148 постановления).

В сфере гражданско-правовых отношений

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 40025/10 “Лагунов против Российской Федерации” (вынесено 1 марта 2016 г.).

Заявитель жаловался на то, что он не мог получить компенсацию за содержание под стражей, которое он считал незаконным.

Европейский Суд установил: “...национальные суды признали, что сотрудники милиции задержали заявителя в отсутствие “обоснованного подозрения” в том, что он совершил преступление... Таким образом, лишение свободы не представляло собой какое-либо из исключений относительно права на свободу, перечисленных в подпунктах (a) — (f) пункта 1 статьи 5. Поскольку его задержание нарушало пункт 1 статьи 5, в деле применим пункт 5 статьи 5” (п. 16 постановления).

Европейский Суд ранее уже устанавливал, что “...российское гражданское право ограничивает ответственность за незаконное содержание под стражей определенными процессуальными формами лишения свободы, к которым относятся, в частности, заключение под стражу в рамках уголовного судопроизводства и содержание под стражей после вынесения постановления в рамках административного производства, но не задержание¹... В настоящем деле, как и в деле “Махмудов против России”, заявитель был подвергнут задержанию, а его требование о компенсации было отклонено со ссылкой на то же положение... При таких обстоятельствах Суд не видит каких-либо оснований для иного заключения по настоящему делу” (п. 17 постановления).

Следовательно, было допущено нарушение п. 5 ст. 5 Конвенции.

В сфере гражданского, административного судопроизводства, а также судопроизводства в арбитражных судах Российской Федерации

Участие лишённого свободы лица в судебном разбирательстве по гражданскому делу

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобам № 27236/05, 44223/05, 53304/07, 40232/11, 60052/11, 76438/11, 14919/12, 19929/12, 42389/12, 57043/12 и 67481/12 “Евдокимов и другие против Российской Федерации” (вынесено 16 февраля 2016 г., вступило в силу 16 мая 2016 г.).

Заявители жаловались, в частности, на то, что им было отказано в возможности лично явиться в суд в гражданском процессе, сторонами которого они, будучи лишёнными свободы, являлись. По мнению заявителей, было нарушено их право на справедливое разбирательство дела согласно п. 1 ст. 6 Конвенции.

Европейский Суд повторил, что “...статья 6 Конвенции гарантирует не право личного присутствия на заседании гражданского суда, а закрепляет более общее право на эффективное участие в судебном разбирательстве и равные условия с противоположной стороной. Пункт 1 статьи 6 Конвенции оставляет за Государством свободный выбор средств, позволяющих гарантировать участникам судебных разбирательств данные права... Таким образом, вопросы личного присутствия в суде, формы судопроизводства — устная или письменная, а также защиты правовых интересов в суде тесно связаны

и должны быть рассмотрены в контексте гарантии “справедливого судебного разбирательства” по статье 6. Суд должен установить, была ли предоставлена заявителю, участнику гражданского судопроизводства, разумная возможность узнавать и комментировать доводы или доказательства, предоставленные другой стороной, и представлять свое дело в условиях, не ставящих его в невыгодное положение по отношению к своим оппонентам” (п. 22 постановления).

“Что касается формы судебного разбирательства, [далее продолжил Европейский Суд], право на “публичное разбирательство” согласно пункту 1 статьи 6 истолковано в установленной прецедентной практике Суда как включающее в себя право на “устное слушание”. Тем не менее, обязательство проведения заседания, предусмотренное этой статьей Конвенции, не является абсолютным. Устное слушание может и не быть необходимым в исключительных обстоятельствах дела, например, в случаях, когда оно не поднимает фактических или правовых вопросов, которые не могут быть надлежащим образом разрешены на основании материалов дела и письменных доводов сторон... Также при условии, что устное слушание было проведено в суде первой инстанции, на апелляционном уровне, на котором непроведение такого слушания может быть оправдано особыми характеристиками производства, о котором идет речь, применяются менее строгие требования. Таким образом, судебные разбирательства о предоставлении права на обжалование и судебные разбирательства, относящиеся только к правовым, а не к фактическим вопросам, могут соответствовать требованиям статьи 6, даже если лицо, подавшее жалобу, не имело возможности быть лично выслушанным судом апелляционной или кассационной инстанции” (п. 23 постановления).

Суд согласился, что “...в связи с очевидными трудностями, сопряженными с переводом заключенных из одного места содержания под стражей в другое, представление интересов заключенного заявителя адвокатом не являлось бы нарушением принципа “справедливого судебного разбирательства”, при условии, что ходатайство не было основано на личном опыте заявителя” (п. 24 постановления).

Однако, по мнению Европейского Суда, “...личное участие участника судебных разбирательств считалось необходимым с точки зрения статьи 6 в делах, когда характер и образ жизни заинтересованного лица были непосредственно связаны с предметом дела или когда решение затрагивало поведение и опыт этого лица. Таким образом, Суд признал нарушение статьи 6 в делах, в которых характер гражданского спора обосновывал личное присутствие истца в суде, независимо от того, были ли его интересы представлены на слушании дела²” (п. 25 постановления).

²См., например, *иски о взыскании компенсации за неудовлетворительные условия содержания под стражей*: постановление Европейского Суда от 14 марта 2013 г. по делу “*Инсанов против Азербайджана*”; постановление Европейского Суда от 22 декабря 2009 г. по делу “*Скоробогатых против России*”; постановление Европейского Суда от 17 декабря 2009 г. по делу “*Шилберс против России*”; см. также постановление Европейского Суда от 12 июня 2012 г. по делу “*Грязнов против России*”; постановление Европейского Суда от 10 мая 2007 г. по делу “*Ковалев против России*” по жалобе заявителя на жестокое обращение со стороны полиции; постановление Европейского Суда от 4 марта 2010 г. по делу “*Мохов против России*”; постановление Европейского Суда от 29 октября 1991 г. по делу “*Хелмерс против Швеции*”, иск на клевету; постановление Европейского Суда от 15 октября 2009 г. по делу “*Сокур против России*” и постановление Европейского Суда по делу “*Точ против Турции*”, п. 48, спор о сумме компенсации неимущественного вреда, причиненного в результате незаконного содержания под стражей и судебного преследования.

¹См. постановление Суда по делу “Махмудов против России”, п. 104.

Суд повторил, что "...правовая помощь в гражданском разбирательстве не является обязательной. Только в случаях, когда стороне судебного разбирательства не предоставляется справедливой разбирательство дела без предоставления правовой помощи, со ссылкой на все факты и обстоятельства дела, статья 6 будет требовать оказания правовой помощи, включая участие адвоката... Помимо этого, в случаях, когда ходатайство заявителя о явке в суд было отклонено и ему не была предоставлена возможность предоставления правовой помощи, национальные суды должны, во всяком случае, предоставить заявителю достаточное время с тем, чтобы он решил вопрос, связанный с представлением его интересов. Национальные суды, в частности, должны проверить, приняв во внимание время, уже проведенное заявителем в заключении, имеет ли до сих пор заявитель в своем распоряжении представителя, готового представлять его интересы в национальных судах, и если да, имел ли он возможность связаться с ним и поручить ему свое дело" (п. 26 постановления).

Суд отметил, что "...правила российского гражданского судопроизводства требуют проведения судами устного слушания во всех категориях дел без исключения... Это не позволяет российским судам рассматривать даже мелкие иски или споры технического характера без проведения слушания, как это могут делать суды других юрисдикций. Во всех случаях, когда проводится устное слушание, стороны имеют право участвовать и делать заявления в суде. Любая сторона может, как правило, отказаться от этого права по своему собственному желанию, и это не будет нарушением принципа беспристрастного слушания согласно статье 6 Конвенции, если добровольный отказ был определенно установлен" (п. 30 постановления).

Суд признал, что "...отсутствие законодательства, регулирующего участие заключенных в слушаниях, не может быть достаточным основанием для лишения их права предстать перед судом... Как ни одно из положений национального права не должно толковаться и применяться несовместимым с обязательствами государства согласно Конвенции образом..., так и пробел в национальном праве не может быть оправданием для неприменения стандартов Конвенции" (п. 31 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что "...национальные суды обязаны сразу, как только им стало известно, что одна из сторон судебного процесса находится в местах лишения свободы и не имеет возможности присутствовать на слушании независимо от его или ее желания, проверить до начала рассмотрения существа жалобы, требует ли характер дела личных показаний стороны, заключенной в колонии, и выразила ли она желание присутствовать в суде. Если национальные суды рассматривают дело, пренебрегая участием стороны судебного процесса, по мнению Суда, они должны представить особые причины, почему они посчитали, что отсутствие стороны на слушании не отразится в целом на справедливости разбирательства. Они должны рассмотреть все доводы за и против проведения слушания в отсутствие одной из сторон, принимая во внимание, в частности, прецедентную практику Суда в аналогичных судебных делах и характер спорных вопросов, заблаговременно уведомить сторону, находящуюся в местах лишения свободы, о своем решении по делу и основаниях для этого решения... Решение должно быть сообщено стороне судебного процесса заблаговременно с тем, чтобы она имела достаточно времени для определения дальнейших действий для защиты своих прав" (п. 36 постановления).

"Анализ, который Суд предполагает найти в решениях национальных судов, должен выходить за рамки ссылок на неточности в законе, которые сделали не-

возможной явку стороны, находящейся в местах лишения свободы. Он должен основываться на четко выраженных причинах за и против присутствия стороны, находящейся в местах лишения свободы, истолкованных в свете требований Конвенции и всех относящихся к делу факторов, например, характера спора и затронутых гражданских прав" (п. 38 постановления).

Европейский Суд отметил, что "...[о]собая форма процессуальных мер предоставления заключенному эффективной возможности участия зависит от многих условий, самым важным является вопрос, обращается ли иск к его или ее личному опыту и, соответственно, нужно ли суду заслушивать устные доказательства непосредственно от него или от нее. Национальным судам надлежит найти конкретные практические решения в соответствии с требованием справедливости судебного разбирательства с учетом местонахождения, доступного технического оснащения в здании суда и в месте содержания заключенного, доступности юридической помощи и других элементов, относящихся к делу. Рассмотрев все эти вопросы, национальные суды должны заблаговременно и соответствующим образом сообщить результат заключенному, чтобы он имел достаточно времени и средств для решения вопроса о способах защиты своих прав" (п. 41 постановления).

По мнению Европейского Суда, "...[е]сли иск, главным образом, основывается на личном опыте заключенного, его устные замечания в суде будут "играть важную роль в [его или ее] представлении дела и будут фактически единственным способом обеспечения состязательного судопроизводства"... Только давая показания лично, заключенный мог обосновать свои жалобы и ответить на вопросы судей при их наличии. В таких обстоятельствах верным решением будет проведение судебного разбирательства в месте заключения истца или использование видеосвязи" (п. 42 постановления).

В отношении использования видеосвязи или системы видеоконференц-связи Европейский Суд обратил внимание на то, что "...такая форма участия в судебном процессе предназначена, среди прочего, для того, чтобы уменьшить промедление при перевозке заключенных и, таким образом, облегчить и ускорить судебный процесс... Обращение к таким средствам не является, как таковое, несовместимым с понятием справедливого и публичного слушания дела, но оно должно осуществляться так, чтобы заключенный мог следить за ходом судебного процесса, видеть присутствующих и слушать сказанное, а также участвовать и быть заслушанным другими сторонами, судьей и свидетелями беспрепятственно" (п. 43 постановления).

Суд подчеркнул, что "...[п]роведение судебного заседания вне зала суда, напротив, является времязатратной процедурой. При этом проведение судебного заседания, например, в месте отбывания наказания, куда, по общему правилу, не имеет доступа общественность, сопровождается возможностью нарушения принципа публичности судебного разбирательства. В таких случаях государство обязано принять компенсационные меры для обеспечения возможности уведомления общественности и СМИ о месте проведения слушания и предоставления им фактического доступа" (п. 44 постановления).

Европейский Суд исходит из позиции, что "...[с]бор доказательств по поручению также отвечает требованиям справедливого судебного разбирательства. Право заслушать заключенного может быть поручено судье или суду, находящемуся рядом с местом отбывания наказания. В сочетании с контролем судьи первой инстанции на всем протяжении судебного процесса, в целях обеспечения информированности заключенного о доводах противоположной стороны и возможности в полной мере и должным образом отве-

чать на них, допрос заключенного вне зала суда не будет противоречить принципу справедливого судебного разбирательства” (п. 45 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, “...когда национальный суд решает, что для заключенного было столь важно лично давать показания, его или ее право на справедливое судебное разбирательство может быть гарантировано посредством определенной формы представления интересов. Законодательство РФ об оказании бесплатной юридической помощи устанавливает принцип получения бесплатной юридической помощи, основанный на доходе стороны судебного разбирательства и характере спора, участником которого он является... Перечень видов споров является исчерпывающим и не включает, например, иск с требованием компенсации вреда за унижающие достоинство условия содержания под стражей. В делах, содержащих иск такого типа, Суд не был убежден на основании доступной информации в том, что российская система правовой помощи предоставила заявителям надлежащую защиту их прав... Если заключенный не может позволить себе квалифицированное судебное представительство своих интересов, он имеет право назначить своим представителем в судебном разбирательстве родственника, друга или знакомого... В этом случае национальные суды должны, во-первых, удостовериться имел ли заключенный достаточно времени, чтобы найти лицо, готовое представлять его в суде, и поручить ему ведение дела, и, во-вторых, удостовериться, что шансы заключенного на справедливое слушание дела не нарушены из-за непрофессионального представления его интересов” (п. 46 постановления).

Суд отметил, что “...во всех случаях, когда национальные суды делают выбор в пользу процессуальных мер, направленных на устранение помехи, которая была причиной неявки заключенного в зал суда, они должны проверить, будет ли выбранное решение учитывать право отсутствующей стороны на эффективное представление его дела в суде и не поставит ли оно его в невыгодное положение по отношению к его оппоненту. Суду предстоит вынести решение по вопросу, были ли меры, принятые для обеспечения полноценной возможности участия заключенного в судебном процессе, достаточными и был ли судебный процесс в целом справедливым в значении статьи 6 Конвенции” (п. 47 постановления).

Европейский Суд установил, что “...[н]ациональные суды отказали заявителям в удовлетворении ходатайства о присутствии в суде, ссылаясь на отсутствие правовой нормы, требующей их присутствия в обязательном порядке... [С]сылка на технические основания без обращения к существенному вопросу о том, требует ли характер спора как таковой, чтобы сторона лично явилась в суд, несовместима с должным соблюдением принципа справедливого судебного заседания, так как заявитель не должен быть обременен в результате несостоятельности законодателя обеспечить в особых обстоятельствах сторон, находящихся в местах лишения свободы, явку в суд в гражданском процессе. Вопреки заявлению [в]ластей о том, что заявители могли эффективно представить свое дело в судах, так как они были должным образом извещены обо всех слушаниях, одного только извещения заявителей о дате проведения слушания было недостаточно в ситуации, когда современное состояние национального законодательства фактически мешает им явиться в суд” (п. 50 постановления).

Европейский Суд отметил, что “...[в] распоряжении национальных судов имелся ряд других возможностей для обеспечения явки заявителей в зал суда, которые были упомянуты в прецедентной практике Конституционного Суда Российской Федерации. Как оказалось, национальные суды вовсе не использовали эти

возможности... Суд на[шел] особенно поразительным то, что национальные суды не только не рассмотрели каждое дело в индивидуальном порядке, но и пренебрегли возможностями, определенно указанными Конституционным Судом для обеспечения заявителей процессуальными правами в подобных обстоятельствах” (п. 51 постановления).

Суд заключил, что “...(i) должным образом не оценив характер гражданских исков, поданных заявителями, с тем, чтобы принять решение о том, являлась ли их явка обязательной, а также вместо этого акцентировать внимание на недостатках национального права, и (ii) не рассмотрев соответствующие процессуальные действия, представляющие заявителям возможность быть заслушанными в суде, национальные суды лишили заявителей возможности эффективно представлять свои дела в суде и не выполнили свое обязательство по обеспечению принципа справедливого судебного разбирательства закрепленного в статье 6 Конвенции” (п. 52 постановления).

Вопросы судебного извещения

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобам № 2430/06, 1454/08, 11670/10 и 12938/12 “Ганькин и другие против Российской Федерации” (вынесено 31 мая 2016 г., вступило в силу 31 августа 2016 г.).

Заявители жаловались, что их право на справедливое судебное разбирательство дела согласно п. 1 ст. 6 Конвенции было нарушено в связи с отсутствием действий со стороны внутригосударственных судов по обеспечению их участия в судебных заседаниях по рассмотрению их кассационных жалоб, участниками которых они являлись.

Европейский Суд подчеркнул, что “...[в]нутригосударственные суды должны приложить обоснованные усилия для вызова сторон, участвующих в деле, на судебное слушание... Кроме того, стороны должны предпринять все необходимые меры для обеспечения эффективного получения корреспонденции, которая может быть направлена им внутригосударственными судами... Даже в случае, если стороны, участвующие в деле, не демонстрируют должного усердия, последствия, отнесенные на счет их поведения внутригосударственными судами, должны быть соизмеримы с серьезностью допущенных ошибок в контексте основополагающего принципа справедливого слушания дела” (п. 27 постановления).

Европейский Суд напомнил, что “...[с]татья 6 Конвенции не предусматривает особую форму вручения судебной корреспонденции... Кроме того, от внутригосударственных органов власти не требуется обеспечить идеально функционирующую почтовую систему... Однако общая концепция справедливого судебного разбирательства, фундаментальным принципом которой является состязательность судебного процесса..., гласит, что лицо, в отношении которого инициируется судебный процесс, должно быть извещено об этом... В случае если судебная документация, включая извещение о судебном заседании, надлежащим образом вручена участнику судебного процесса, он может быть лишен возможности самостоятельной защиты в суде” (п. 28 постановления).

Европейский Суд отметил, что “...правила российского гражданского судопроизводства требуют проведения судами устного слушания по всем категориям дел без исключения... Это не позволяет российским судам выносить решения даже по незначительным искам или спорам технического характера без проведения слушания. Принимая участие в устных слушаниях, стороны, участвующие в деле, имеют право делать устные заявления, избрать иной тип участия в слушании, например, назначив представителя, или ходатайство-

вать об отсрочке слушания. Для эффективной реализации этих прав стороны должны быть надлежащим образом заблаговременно уведомлены о времени и месте проведения слушания для того, чтобы располагать достаточным периодом времени для организации участия в судебном слушании по делу, назначить и проинструктировать представителя или проинформировать суд о своем решении не присутствовать на слушании. Право сторон, участвующих в деле, быть своевременно извещенными о предстоящем слушании представляет собой неотъемлемую часть права на эффективное участие в гражданском процессе, как это гарантировано ГПК РФ и статьей 6 Конвенции” (п. 33 постановления).

Европейский Суд напомнил, что “...выявление предпочтительных способов связи со сторонами, участвующими в деле, не является его задачей... внутригосударственные суды, которые располагают достоверной информацией о текущей ситуации, имеют возможность эффективно оценить ситуацию в свете фактических обстоятельств... таких как надежность местной почтовой службы, место нахождения сторон, участвующих в деле, а также техническая оснащенность. Также Европейский Суд не имеет возможности *абстрактно* оценить, какое влияние конкретные средства связи могли оказать на право сторон, участвующих в деле, на эффективное участие в гражданском споре... В подобных делах роль Европейского Суда заключается в том, чтобы установить, являются ли такая интерпретация и толкование процессуальных норм совместимыми с положениями Конвенции” (п. 35 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что “...российские суды располагают достаточной свободой избрания способов извещения... ГПК РФ не ограничивает суды в выборе определенных способов извещения, но при этом предусматривает необходимость предоставления доказательств получения извещения. Это означает, что независимо от выбранного способа уведомления сторон, участвующих в деле, внутригосударственные суды должны располагать доказательствами получения извещения адресатом... Необходимость предоставления доказательств получения сторонами соответствующих уведомлений должна стимулировать внутригосударственные суды удостоверяться в том, достаточно ли заблаговременно судебные извещения получены сторонами, участвующими в деле, либо, в случае необходимости, к принятию решения о переносе судебного заседания. Европейский Суд установил нарушение статьи 6 Конвенции во многих российских делах, в рамках которых внутригосударственные суды не проверяли наличие доказательств получения извещений и рассмотрение ограничивалось лишь общими утверждениями, что сторона, участвующая в деле, “надлежащим образом извещена”, не подтвердив данные утверждения никакими доказательствами доставки... Таким образом, внутригосударственные суды обязаны изучить доказательства уведомления сторон о предстоящем судебном заседании, которыми они располагают либо не располагают, а также внести соответствующие выводы в текст решения. Порядок рассмотрения данного вопроса национальными судами является ключевым в процессе изучения Европейским Судом других подобных дел” (п. 36 постановления).

Европейский Суд обратил внимание на то, что “...участники судебного процесса несут соответствующее обязательство предоставлять актуальные контактные данные и уведомлять об изменениях, которые могли произойти в ходе судебного разбирательства... В отличие от уголовных дел, внутригосударственные суды не несут ответственность за неотслеживание местонахождения отсутствующих сторон, участвующих в гражданском производстве... при условии, что стороны, участвующие в деле, располагают информацией о том,

что в их отношении проводится гражданское производство... В случае, если сторона, участвующая в деле, указала предпочтительный способ уведомления, который не предусматривает материального доказательства получения, суд не будет иметь возможности убедиться в том, была ли сторона надлежащим образом уведомлена о проведении слушаний, или проинформировать сторону о переносе рассмотрения дела в случае, если принято решение о переносе слушания. Таким образом, внутригосударственные суды должны убедиться в том, было ли от стороны, участвующей в деле, получено согласие на использование конкретных способов связи, а также в том, что для связи использовались актуальные контактные данные. Предоставление указанной информации национальными судами позволит Европейскому Суду делать выводы об объективных причинах несвоевременного получения или неполучения стороной, участвующей в деле, извещения, в том числе о возможном не проявлении должного усердия такой стороной” (п. 37 постановления).

Европейский Суд отметил, что “...[н]ациональным судам необходимо выявлять недостатки процедуры уведомления, прежде чем приступать к рассмотрению дела по существу. Анализ, который Европейский Суд ожидает увидеть в решениях внутригосударственных судов, не должен ограничиваться ссылками на факты отправки судебных извещений, а должен включать имеющиеся доказательства принятия мер по уведомлению стороны, участвующей в деле, с целью выявления факта того, была ли она достаточно заблаговременно извещена о предстоящем слушании... Ответ на данный вопрос позволит судам определить целесообразность переноса заседания до момента надлежащего извещения стороны... Суды не имеют права делать заключения о том, что сторона, участвующая в деле, отказалась от права личного присутствия, не убедившись в том, что такая сторона была уведомлена о наличии такого права и, следовательно, о рассматриваемом слушании...” Суд напомнил, что “при рассмотрении вопроса о своевременном извещении отсутствующей на заседании стороны, участвующей в деле, судам необходимо уделить особое внимание и обеспечить максимальную реализацию права рассмотрения дела такой стороны в суде, не ставя отсутствующую сторону в невыгодное положение *по отношению* к противникам. Это позволит Европейскому Суду рассмотреть вопрос на основании решений судов и определить, были ли слушания справедливыми в значении статьи 6 Конвенции” (п. 38 постановления).

С учетом изложенного Европейский Суд “...рассматривает любой выбранный способ связи внутригосударственных судов, который они считают надежным, на основании имеющихся доказательств о том, были ли стороны, являющиеся участниками дела, надлежащим образом уведомлены о предстоящем слушании. Европейский Суд, на основании приведенных аргументов внутригосударственных судов, примет решение, была ли сторонам, участвующим в деле, предоставлена возможность эффективно участвовать в рассмотрении своего дела” (п. 39 постановления).

Все заявители утверждали о своем отсутствии на кассационных слушаниях в рамках гражданского судопроизводства, сторонами которого они являлись. Европейский Суд отметил, что “...Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации в редакции, действовавшей на момент рассматриваемых событий, предусматривал проведение устных слушаний в судах кассационной инстанции, и что юрисдикция кассационных судов не ограничивалась вопросами права, но также распространялась на вопросы факта. Соответствующие суды были наделены полномочиями осуществлять пересмотр дела в полной мере, а также рассматривать дополнительные доказательства и доводы, ко-

торые не были рассмотрены в рамках слушаний в судах первой инстанции (см. статью 347 ГПК РФ)” (п. 40 постановления).

“Принимая во внимание большой объем дел для пересмотра, [продолжил Суд], гарантии справедливого слушания дела, изложенные в статье 6 Конвенции, включая, в частности, право делать устные заявления в суде, были не менее важны в процессе кассационных слушаний, чем в судах первой инстанции. Однако для того, чтобы указанные гарантии имели практический эффект, как того требует Конвенция, вместо того, чтобы оставаться теоретическим или иллюзорным правом, заявители должны быть извещены о проведении слушания таким образом, чтобы у них была возможность присутствовать на слушании в случае, если у них возникнет намерение реализовать свое право на участие в слушаниях, которое определено внутригосударственным правом” (п. 40 постановления).

Европейский Суд обратил внимание на то, что “...в соответствии с применимыми положениями российского законодательства, какие бы особые средства связи ни были избраны с целью извещения сторон, внутригосударственные суды должны были располагать доказательствами, свидетельствующими о том, что извещение было надлежащим образом вручено; в ином случае, слушание необходимо было отложить (см., в частности, статью 160 и пункт 2 статьи 167 ГПК РФ). Однако кассационные решения не содержат никаких доказательств получения заявителями судебных извещений или какого-либо анализа в отношении наличия/отсутствия необходимости переноса слушания до надлежащего уведомления заявителей. Кроме того, в указанных решениях нет упоминаний о характере законных требований заявителей, которые могли сделать их присутствие необязательным. Таким образом, по мнению Европейского Суда, доводы, представленные [в]ласти, не были проверены в рамках внутригосударственного судопроизводства и были озвучены на слушаниях в Европейском Суде впервые. Европейский Суд в данной связи также напоминает, что отсутствие или недостаток доводов в решениях внутригосударственных судов не может служить причиной получения *обратной силы* в рамках слушаний в Европейском Суде, так как Суд не имеет возможности действовать на уровне национальных судов, которые располагали соответствующими доказательствами. По этой причине Европейский Суд не может принять во внимание жалобы, которые [в]ласти государства-ответчика приводили впервые в рамках судебного производства в Суде” (п. 41 постановления).

С учетом исследованных обстоятельств дела Суд пришел к выводу, что “...факт того, что внутригосударственный суд не удостоверился в своевременном получении заявителем повестки, а в случае, если он ее не получал, в необходимости переноса слушания, сам по себе не имеет ничего общего с подлинным соблюдением принципа справедливого судебного разбирательства и позволяет Европейскому Суду прийти к выводу о нарушении пункта 1 статьи 6 Конвенции” (п. 42 постановления).

Отмена вступившего в законную силу судебного постановления

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобам № 5623/09, 12460/09, 33656/09 и 20758/10 “Трапезников и другие против Российской Федерации” (вынесено 5 апреля 2016 г., вступило в силу 5 июля 2016 г.).

Заявители жаловались на отмену в порядке надзорного производства в период с 2008 по 2012 год решений национальных судов, вынесенных в их пользу и считающихся окончательными и подлежащими исполнению в соответствии с внутригосударственным процес-

суальным законодательством. По мнению заявителей, отмена в порядке надзора вынесенных в их пользу окончательных решений не была оправдана обстоятельствами существенного и аргументированного характера, и, следовательно, был нарушен принцип правовой определенности. Они ссылались на ст. 6 Конвенции и ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции.

Европейский Суд упомянул правовую позицию, согласно которой “...[п]равовая определенность предполагает уважение принципа *res judicata*..., то есть принципа окончательности решений. Данный принцип подчеркивает, что ни одна из сторон не может требовать пересмотра окончательного и имеющего обязательную силу судебного решения исключительно в целях проведения повторного слушания и нового рассмотрения дела. Полномочия вышестоящего суда по пересмотру должны осуществляться в целях исправления судебных ошибок, последствий ненадлежащего отправления правосудия, а не в целях повторного рассмотрения дела по существу. Пересмотр не стоит рассматривать как скрытую апелляцию, и простая возможность существования двух взглядов на один предмет не может являться основанием для повторного рассмотрения. Отклонение от данного принципа оправдано только в тех случаях, если такую необходимость порождают обстоятельства существенного и аргументированного характера” (п. 23 постановления).

Европейский Суд установил, что “...[п]ересмотр в порядке надзора по делам заявителей осуществлялся в соответствии с положениями Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, действовавшими в период с 7 января 2008 года по 1 января 2012 года” (п. 29 постановления).

Суд пришел к выводу, что “...в рассматриваемой таким образом системе [обжалования] решения, вынесенные на уровне судов апелляционной инстанции, пусть и считающиеся обязательными и подлежащими исполнению по смыслу внутригосударственного процессуального законодательства, получили такую степень устойчивости, что выигравшая дело сторона не может ожидать, что другая сторона не прибегнет к данному средству уже после того, как проиграла дело в суде второй инстанции” (п. 33 постановления).

“...[Х]отя Суд принял решение не принимать данное средство правовой защиты во внимание в контексте правила шести месяцев..., он не может исключить, что его практическое действие, в определенных обстоятельствах, может соответствовать требованиям статьи 6 Конвенции” (п. 34 постановления).

По мнению Суда, “...в его задачи входит не решение абстрактных или теоретических вопросов относительно того, совместимо ли применимое национальное законодательство с Конвенцией или выполнили ли национальные власти требования национального законодательства... В делах по индивидуальным жалобам он должен в максимально возможной степени ограничиться, насколько это возможно, рассмотрением вопросов, поднятых в находящемся на рассмотрении деле, не упуская из виду общего контекста... Поэтому Суд считает, что вопрос, который он должен решить по настоящим жалобам, не состоит в том, является ли измененная в 2008 году процедура пересмотра в порядке надзора совместимой как таковая с Конвенцией, а в том, привели ли процедуры, примененные в обстоятельствах данных конкретных дел, к нарушению требований правовой определенности” (п. 35 постановления).

Исследовав обстоятельства дела, Европейский Суд отметил, что “...по всем четырем жалобам надзорные жалобы были поданы сторонами разбирательства (властями-ответчиками в делах “Трапезников против России” и “Бычков и другие против России” и физическими лицами в делах “Рябчиков против России” и “Мар-

кова против России”), а не должностным лицом, являющимся третьей стороной..., после того, как они воспользовались возможностью подачи апелляционной жалобы в суд второй инстанции... Данные жалобы были поданы в течение относительно коротких периодов времени и, в любом случае, в течение шестимесячного срока, установленного Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации... Президиумы отменили решения нижестоящих судов и, в деле “Рябчиков против России”, отклонили все требования заявителя и прекратили производство по делу. По делу “Маркова против России” было вынесено новое решение, в котором было частично удовлетворено встречное исковое заявление ответчиков, а дела “Трапезников против России” и “Бычков и другие против России” были отправлены на повторное рассмотрение в суды нижестоящей инстанции. Впоследствии разбирательства продолжились в свете выводов [п]резидиумов в судах первой и второй инстанций, которые частично удовлетворили требования заявителя по делу Трапезникова и отклонили все требования заявителей по делу Бычкова и других. Заявители по делу “Бычков и другие”, а также по делу “Рябчиков против России” попытались, в свою очередь, подать надзорные жалобы на эти решения, но они оказались безрезультатными” (п. 36 постановления).

Суд установил, что “...[в]нутригосударственные решения, вынесенные в пользу заявителей, были отменены вышестоящими судами по жалобам ответчиков, поданных в течение относительно коротких периодов времени и, в любом случае, в те сроки, которые предусмотрены Гражданским процессуальным кодексом, на том основании, что они были вынесены вопреки законодательству либо являлись необоснованными... Производство по пересмотру в порядке надзора по данным делам не длилось бесконечно и не сопровождалось какими-либо недостатками, выявленными Судом в его существовавшей ранее прецедентной практике... В результате, пересмотр в порядке надзора, применявшийся в конкретных обстоятельствах данных дел, не являлся несовместимым с принципом правовой определенности, закрепленным в Конвенции. По мнению Суда, он представлял собой следующее логическое звено в цепочке национальных средств правовой защиты, имеющихся в распоряжении сторон, а не дополнительным средством для возобновления производства по делу” (п. 37 постановления).

Европейский Суд обратил внимание на следующее: “...жалобы заявителей на то, что отмена внутригосударственных судебных решений, вынесенных в их пользу, не была оправдана обстоятельствами существенного и непреодолимого характера, равносильная сопоставлению правильности применения национальными судами внутригосударственного процессуального законодательства. Суд напоминает, что национальные суды имеют больше возможностей для того, чтобы толковать и применять нормы материального и процессуального права, а соответствующие решения, вынесенные на национальном уровне, не содержат явно произвольной аргументации... В этой связи Суд отмечает, что отмена окончательных внутригосударственных судебных решений, вынесенных в пользу заявителей, являлась оправданной по жалобам “Трапезников против России” и “Бычков и другие против России” в силу необходимости обеспечить единообразное применение национальной судебной практики применительно к законодательству, регулируемому права конкретной социальной категории на получение социальных выплат. Те же соображения в равной степени относятся и к жалобам “Рябчиков против России” и “Маркова против России”, в которых ретроспективное применение внутригосударственного законодательства приве-

ло к тому, что ответчики были лишены своих имущественных прав” (п. 38 постановления).

Суд не усмотрел нарушения принципа правовой определенности в связи с применением по делам заявителей процедуры пересмотра в порядке надзора (п. 39 постановления).

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 10775/09 “Светлана Васильева против Российской Федерации” (вынесено 5 апреля 2016 г., вступило в силу 5 июля 2016 г.).

Ссылаясь на ст. 6 Конвенции и ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции, заявительница жаловалась на то, что в результате отмены вступившего в силу решения, вынесенного в ее пользу районным судом и оставленного в силе областным судом, ей грозила опасность лишиться принадлежащей ей собственности.

Европейский Суд установил, что на момент вынесения вышеуказанного постановления заявительница была по-прежнему зарегистрирована в качестве владельца спорного дома в Реестре прав на недвижимое имущество, но могла быть в любое время лишена своих прав в соответствии с постановлением президиума областного суда (п. 33 постановления).

Суд отметил, что “...вопрос о реальной собственности на спорный дом не был разрешен в рамках уголовного процесса... [Р]ассмотрение данного вопроса имело место в районном суде после иска [б]анка о возмещении [третьему лицу] дополнительных убытков... [Р]айонный суд установил, что именно заявительница, а не [третье лицо], являлась настоящим владельцем дома. Данное решение было оставлено в силе областным судом, рассмотревшим его в кассационном порядке, и вступило в законную силу. Однако [позже] оба решения были отменены [п]резидиумом областного суда, который посчитал, что реальным владельцем дома являлось именно [третье лицо], а не заявительница, и, соответственно, распорядился о его продаже. При этом президиум сослался на часть приговора районного суда, которое было отменено областным судом, рассмотревшим дело в апелляционном порядке, проигнорировав при этом все разбирательства после отмены данного решения, в рамках которых национальные суды двух инстанций пришли к противоположным выводам” (п. 35 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что “...постановление областного суда... представляло собой незаконное вмешательство в право заявительницы на беспрепятственное пользование ее имуществом, вопреки требованиям статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции” (п. 36 постановления).

См. также поступившие в Верховный Суд РФ постановления Европейского Суда, содержащие констатацию нарушения положений п. 1 ст. 6 Конвенции, ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции в связи с отменой вступивших в законную силу судебных постановлений: по жалобам № 12100/05, 5744/07 и 28425/07 “Кузьмин и другие против Российской Федерации” (вынесено 14 июня 2016 г.); по жалобам № 41337/04, 26332/05, 34812/05, 469/06 и 11092/07 “Парчиев и другие против Российской Федерации” (вынесено 12 июля 2016 г.); по жалобам № 36775/05, 35376/06 и 30165/08 “Коровина и другие против Российской Федерации” (вынесено 12 июля 2016 г.).

Право лица на разумные сроки судебного разбирательства по гражданскому делу

В Верховный Суд РФ также поступил ряд постановлений Европейского Суда по правам человека, содержащих констатацию нарушения Российской Федерацией положений п. 1 ст. 6 Конвенции в части обеспечения права лица на разумные сроки судебного разбирательства по гражданскому делу: по жалобам

№ 5076/05, 25573/05, 30076/05, 41335/05, 1399/06, 36533/06, 45149/06, 9564/07, 14928/07 и 44630/08 “Кузнецов и другие против Российской Федерации” (вынесено 21 июля 2016 г.); по жалобам № 42139/05, 4014/06, 6331/06, 41170/06, 43842/06 и 22926/07 “Воронина и другие против Российской Федерации” (вынесено 21 июля 2016 г.); по жалобам № 4174/06, 9796/06, 13663/06, 26675/06, 36696/06, 10117/07, 4475/08, 30062/08, 40607/08, 56239/08, 61152/08 и 4633/09 “Мальцев и другие против Российской Федерации” (вынесено 21 июля 2016 г.); по жалобам № 23975/06 и 5211/07 “Гречкин и Смирнова против Российской Федерации” (вынесено 21 июля 2016 г.).

В сфере уголовных и уголовно-процессуальных правоотношений

Обеспечение права на защиту

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 36814/06 “Чукаев против Российской Федерации” (вынесено 5 ноября 2015 г., вступило в силу 5 февраля 2016 г.).

Заявитель утверждал, в частности, что после задержания ему не был предоставлен адвокат, было вынесено постановление об уплате им судебных издержек, и он не имел возможности допросить свидетелей, дающих показания против него.

Отсутствие правовой помощи после задержания

Суд повторил, что, “...не являясь абсолютным, предусмотренное подпунктом (с) пункта 3 статьи 6 право каждого обвиняемого в совершении уголовного преступления на эффективную защиту посредством помощи адвоката, назначенного властями, если это необходимо, является одной из основ справедливого судебного разбирательства... В каждом случае вопрос состоит в том, приводило ли ограничение права на помощь адвоката, с учетом всех судебных разбирательств, к лишению обвиняемого права на справедливое слушание дела” (п. 95 постановления).

При этом, по мнению Европейского Суда, “...[т]ребования подпункта (с) пункта 3 статьи 6 Конвенции также могут применяться до передачи дела в суд в случае, когда справедливость судебного разбирательства может быть серьезно ограничена посредством первоначального несоблюдения указанных требований” (п. 96 постановления).

Суд также обратил внимание на “...важность этапа расследования с точки зрения подготовки уголовного производства, так как доказательства, полученные на этом этапе, определяют рамки, в которых дело будет рассматриваться судом. В то же время, на данном этапе производства обвиняемый часто находится в особенно уязвимом положении, что усугубляется тем фактом, что уголовно-процессуальное законодательство становится все более сложным, особенно в отношении правил сбора и использования доказательств. В большинстве случаев эта определенная уязвимость может быть должным образом компенсирована только участием адвоката, чьей задачей является, среди прочего, обеспечение соблюдения права обвиняемого не свидетельствовать против себя самого. Это право фактически предполагает, что сторона обвинения стремится доказать свою версию по уголовному делу против обвиняемого, не прибегая к доказательствам, полученным путем подавления и принуждения вопреки воли обвиняемого” (п. 97 постановления).

Поэтому, продолжает Европейский Суд, “...для того чтобы право на справедливое судебное разбирательство оставалось достаточно “практическим и эффективным”, пункт 1 статьи 6, как правило, требует предоставления адвоката уже на первом допросе полиции, если в свете определенных обстоятельств нет не-

опровержимых доводов в пользу ограничения этого права. И даже если особые обстоятельства могут позволить обоснованно отказать в доступе к услугам адвоката, подобные ограничения — независимо от причин — не могут незаконно ущемлять права обвиняемого, гарантируемые статьей 6 Конвенции. В случаях, когда инкриминирующие заявления, сделанные в ходе допроса без присутствия адвоката, используются для признания подсудимого виновным, правам подсудимого на защиту по существу наносится непоправимый ущерб” (п. 98 постановления).

Суд установил, что “...когда допрос заявителя был назначен на 6 июня 2006 года, его адвокат, Ор., присутствовал, но заявитель отказался давать показания и не предоставил других комментариев” (п. 102 постановления).

“Более того, когда районный суд рассматривал дело заявителя, он принял протокол задержания в качестве доказательства, указывающего на то, что заявитель был задержан после того, как “свидетели и очевидцы указали, что заявитель совершил преступление”... Районный суд не принял во внимание показания заявителя, содержащиеся в протоколе его задержания, в качестве отдельных показаний в отношении обвинений... Дополнительно, заявитель не утверждал во внутрисударственных судах или в Суде, что давал показания — ни сразу после задержания, ни после — без правовой помощи или под давлением. Ни он, ни его назначенный защитник не стремились к исключению показаний, содержащихся в протоколе задержания, из доказательств; кроме того, заявитель не объяснил ни в своих замечаниях, ни в своей первоначальной жалобе в Суд, каким образом и были ли такие показания приняты во внимание районным судом при признании его виновным, или повлияли ли они на общую справедливость судебного разбирательства в его отношении” (п. 103 постановления).

Европейский Суд отметил, что “...[з]аявитель жаловался только на то, что его отпечатки пальцев и ладоней были взяты в отсутствие адвоката. Тем не менее, в любом случае районный суд не принял заключение судебно-медицинской экспертизы об отпечатках пальцев заявителя в качестве доказательства, и заключение судебно-медицинской экспертизы об отпечатках ладоней заявителя являлось на суде оправдательным доказательством” (п. 104 постановления).

С учетом исследованных обстоятельств Суд пришел к выводу о том, что “...право заявителя на адвоката при задержании не было ограничено и отсутствие адвоката в момент задержания заявителя не ограничивало общую справедливость судебного разбирательства в отношении заявителя” (п. 105 постановления).

Компенсация судебных издержек на представительство на третьем этапе разбирательства по пересмотру в порядке надзора

Суд отметил, что “...заявитель был представлен адвокатами Ор., М., и И. в ходе судебного разбирательства первой инстанции и в ходе обжалования... а также адвокатом К. на третьем этапе разбирательства по пересмотру в порядке надзора” (п. 114 постановления).

Суд также обратил внимание на то, что “...[в]ласти покрыли расходы на юридическую помощь заявителю в ходе судебных разбирательств. Они добивались компенсации платы в пользу К. в отношении третьего этапа разбирательства по пересмотру в порядке надзора; затребованная сумма (30 евро), по мнению Европейского Суда, не ка[залась] чрезмерной” (п. 115 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что “...[в] любом случае, заявитель мог заявить о полном или частичном отказе от оплаты судебных издержек на основании бедности... В связи с этим Суд считает приемлемым, в соответствии с Конвенцией, что бремя доказывания

недостаточности средств должно нести лицо, которое заявляет о такой недостаточности... Тем не менее, заявитель не представил финансовых или других документов в поддержку своего требования об освобождении от оплаты за основании несостоятельности и не сослался на невозможность получения таких документов” (п. 116 постановления).

Суд установил, что “...заявитель пользовался бесплатной правовой помощью в ходе судебных разбирательств и не заявил об отказе от возмещения платы в пользу К., и принимая во внимание сумму судебных издержек, постановление о возмещении расходов, Европейский Суд пришел к выводу об отсутствии негативного влияния на общую справедливость судебных разбирательств в отношении заявителя” (п. 117 постановления).

Соответственно, по мнению Суда, не было допущено нарушения подп. (с) п. 3 и п. 1 ст. 6 на основании возмещения судебных издержек заявителем (п. 118 постановления).

Отсутствие свидетеля

Суд вновь отметил, что “...подпункт (d) пункта 3 статьи 6 закрепляет принцип, суть которого сводится к следующему: до того как обвиняемый может быть осужден, на публичном заседании в его присутствии должны быть представлены все доказательства против него, с тем чтобы соблюсти принцип состязательности. Исключения из этого принципа возможны, если они не нарушают права на защиту, которые требуют, чтобы подсудимому была предоставлена достаточная и надлежащая возможность оспорить показания свидетеля и произвести его допрос либо на момент дачи показаний, либо на более поздней стадии судебного разбирательства” (п. 123 постановления).

Европейский Суд также повторил, что “...существуют два требования, основанные на этом принципе. Во-первых, должна иметься веская причина для неявки свидетеля. Во-вторых, если обвинение основывается только или главным образом на показаниях человека, которого заявитель не мог допросить либо на этапе расследования, либо на этапе рассмотрения дела в суде, права защиты ограничены в той степени, которая несовместима с гарантиями, предусмотренными [с]татьей 6... Если приговор основан исключительно или главным образом на показаниях отсутствующих свидетелей, Суд в каждом случае рассматривает вопрос о том, имеются ли уравнивающие факторы, включая меры, обеспечивающие справедливую и надлежащую оценку достоверности такого доказательства” (п. 124 постановления).

Суд установил, что “...сторона обвинения дважды вызывала Б. для присутствия на слушании в качестве свидетеля. Он не явился, так как был тяжело болен и не мог говорить. При этом Суд принимает заболевание в качестве основания для отсутствия в соответствии с внутригосударственным законодательством. С учетом вышесказанного и на основании представленных материалов Суд посчитал, что подтвержденное плохое состояние здоровья Б. оказывало на него значительное негативное влияние и являлось веской причиной для неявки в суд” (п. 125 постановления).

“Заявитель утверждал, что, признавая его виновным, районный суд опирался только на досудебные показания Б., не принимая во внимание показания других свидетелей. Тем не менее, [продолжил Европейский Суд,] свидетель О., который покупал у заявителя наркотики вместе с Б. в декабре 2003 года, рассказал о сделке и заявитель допросил его в суде. Кроме того, согласно протоколу судебного заседания, точность которого заявитель не оспаривал, заявитель не имел возражений в отношении принятия досудебных показаний О. в качестве доказательства. В этом отношении Суд отметил, что досудебные показания О. и Б.

являлись идентичными. В частности, в ходе предварительного расследования они оба указали, что встречались с заявителем в г. Астрахани в ноябре 2003 года, что он продал им героин в декабре 2003 года и что они перевезли героин в г. Воронеж. Дополнительно к этому, районный суд также выслушал показания шестерых полицейских, которые организовали и приняли участие в операции под прикрытием и указали на участие заявителя в продаже наркотиков. Заявитель мог допросить всех их в суде и не отверг их показания в своих замечаниях в Суд. Районный суд также принял предварительные показания двоих отсутствующих полицейских и троих отсутствующих понятых, а также значительный объем документальных и вещественных доказательств” (п. 126 постановления).

Таким образом, не было допущено нарушения п. 1 и подп. (d) п. 3 ст. 6 Конвенции в отношении отсутствия свидетеля Б. на судебном разбирательстве в отношении заявителя.

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 40852/05 “Шлычков против Российской Федерации” (вынесено 9 февраля 2016 г., вступило в силу 9 мая 2016 г.).

Заявитель жаловался в том числе на нарушение ст. 6 Конвенции в связи с тем, что он был осужден на основании признательных показаний, полученных под принуждением в отсутствие адвоката.

Европейский Суд напомнил, что “...в его обязанности в принципе не входит определение того, могут ли определенные виды доказательств (например, доказательства, полученные незаконно с точки зрения национального законодательства) являться допустимыми. Суду предстоит ответить на вопрос, было ли все разбирательство, в том числе способ получения доказательств, справедливым. Данный вопрос предполагает оценку законности, а в случае нарушения другого гарантированного Конвенцией права — оценку характера установленного нарушения” (п. 80 постановления).

Европейский Суд вновь отметил, что “...[п]раво не давать показания и право не свидетельствовать против себя являются общепризнанными международными стандартами, которые лежат в основе понятия справедливого разбирательства, предусмотренного статьей 6 Конвенции. Смысл этих прав заключается в том числе в обеспечении защиты подозреваемых от любых проявлений незаконного принуждения со стороны властей; таким образом их соблюдение помогает избежать судебных ошибок и способствует реализации целей статьи 6 Конвенции. Право не свидетельствовать против самого себя, в частности, предполагает, что сторона обвинения в уголовном деле стремится доказать свою версию по делу против обвиняемого, не прибегая к доказательствам, полученным путем принуждения или подавления воли обвиняемого” (п. 81 постановления).

“Признательные показания, полученные в нарушение статьи 3, по определению считаются недостоверными. Кроме того, в уголовном производстве они зачастую становятся непосредственным поводом для жестокого обращения. Использование таких показаний для признания человека виновным несовместимо с гарантиями, предусмотренными статьей 6 Конвенции” (п. 82 постановления).

Суд установил, что “...явка с повинной, которую заявитель написал в отсутствие адвоката в качестве свидетельства против самого себя после задержания и заключения под стражу, являлась одним из доказательств стороны обвинения во время разбирательства по уголовному делу. Областной суд признал данные показания неприемлемыми, однако сослался на них

при признании заявителя виновным и вынесении ему приговора” (п. 84 постановления).

Суд обратил внимание на утверждения властей, что “...заявитель отказался от своих процессуальных прав, и ссылались на его письменные показания от 19 марта 2004 года. В этой связи Суд напомнил, что отказ от прав, гарантированных Конвенцией — в той мере, в которой это допустимо, — не должен противоречить каким-либо важным общественным интересам и должен быть выражен в однозначном виде и сопровождаться минимальными гарантиями, сопоставимыми со степенью значимости отказа. Учитывая обстоятельства настоящего дела, Суд не смог согласиться с утверждением властей об отказе заявителя от своих прав, так как письменные показания от 19 марта 2004 года были даны после написания явки с повинной 18 марта 2004 года. Более того, заявитель не может считаться отказавшимся от права не свидетельствовать против себя и в свете выводов Суда, в частности о жестоком обращении с заявителем в нарушение статьи 3 Конвенции” (п. 85 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что “...внутригосударственные суды приняли явку заявителя с повинной в качестве доказательства его вины, и что разбирательство по делу заявителя было несправедливым независимо от того, какую доказательную ценность имели эти показания, и от того, насколько решающую роль они сыграли в осуждении заявителя” (п. 86 постановления).

См. также приведенное выше постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 46998/08 “Михайлова против Российской Федерации” (вынесено 19 ноября 2015 г., вступило в силу 2 мая 2016 г.).

Отмена вступившего в законную силу оправдательного приговора

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 46926/09 “Бакрина против Российской Федерации” (вынесено и вступило в силу 17 мая 2016 г.).

Заявитель в основном жаловалась на то, что отмена окончательного оправдательного приговора нарушила ее права, предусмотренные п. 1 ст. 6 Конвенции.

Суд отметил, что “...возможность повторного рассмотрения уголовного дела как таковая совместима с Конвенцией, включая гарантии статьи 6 Конвенции, лишь в той мере, в какой фактический способ ее использования не подрывает саму сущность справедливого судебного разбирательства. Иными словами, полномочия по повторному рассмотрению уголовного дела должны осуществляться властями таким образом, чтобы в максимально возможной степени был соблюден справедливый баланс между интересами физического лица и необходимостью обеспечения эффективности системы уголовного судопроизводства” (п. 17 постановления).

Европейский Суд ранее указывал, что “...существенные недостатки судопроизводства, оправдывающие отмену окончательного и обязательного судебного решения, могут включать в себя судебные ошибки или серьезные нарушения судебной процедуры, злоупотребления полномочиями, явные ошибки в применении материального права или иные веские причины, вытекающие из интересов правосудия” (п. 18 постановления).

Европейский Суд установил, что “...18 февраля 2009 года [п]резидиум Верховного [с]уда [одного из субъектов Российской Федерации] отменил оправдательный приговор в отношении заявителя по трем причинам: 1) по мнению суда надзорной инстанции, все представленные доказательства были собраны в пределах сроков, установленных законом, 2) нижестоящие суды, изучив все доказательства в ходе слуша-

ний, не упомянули их в своих решениях, а лишь указали причины для отклонения обвинений, и 3) формальное предъявление обвинений заявителю с нарушением сроков, установленных законом, в любом случае не могло бы повлечь за собой оправдание” (п. 19 постановления).

“Принимая во внимание сво[ю] прецедентн[ую] [практику] применительно к статье 6 Конвенции, а также все имеющиеся материалы дела и доводы сторон, Суд не [посчитал] возможным сделать вывод о том, что вышеупомянутые причины представляют собой существенные недостатки судопроизводства, оправдывающие отмену окончательных и обязательных решений...” (п. 20 постановления).

См. также постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 63833/09 “Грузда против Российской Федерации” (вынесено 5 апреля 2016 г.).

Право лица на разумные сроки судебного разбирательства по уголовному делу

В Верховный Суд РФ также поступил ряд постановлений Европейского Суда по правам человека, содержащих констатацию нарушения Российской Федерацией положений ст. 6 Конвенции в части нарушения права на разумные сроки судебного разбирательства по уголовному делу: по жалобе № 40288/06 “Наимджон Якубов против Российской Федерации” (вынесено 12 ноября 2015 г., вступило в силу 12 февраля 2016 г.); по жалобам № 24787/05, 25245/07, 22334/08, 23795/08, 41202/08 и 4045/09 “Хайбуллаева и другие против Российской Федерации” (вынесено 21 июля 2016 г.); по жалобам № 20213/05, 4482/06, 43519/06, 49045/06, 11213/07, 12688/07, 42174/07 и 39347/08 “Ван и другие против Российской Федерации” (вынесено 21 июля 2016 г.); по жалобам № 4721/06, 6991/06, 10576/06, 32026/06, 48683/06, 1615/07, 5798/07, 27732/07 и 28193/07 “Кочиев и другие против Российской Федерации” (вынесено 21 июля 2016 г.).

Право лица на содержание под стражей в соответствии с законом

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 6277/06 “Любушкин против Российской Федерации” (вынесено 22 октября 2015 г., вступило в силу 14 марта 2016 г.).

Заявитель жаловался на то, что его содержание под стражей на период следствия превысило максимально допустимый законодательством срок в двенадцать месяцев. Он ссылаясь на п. 1 ст. 5 Конвенции.

Европейский Суд установил, что “...заявитель содержался под стражей в период следствия не более шестнадцати с половиной месяцев. В этом отношении Суд отме[тил], что вопрос о соответствии этого периода процедуре, предусмотренной законом, был рассмотрен Верховным Судом Российской Федерации, который в ответ на жалобы заявителя постановил, что в его случае максимально возможный период содержания под стражей, ввиду тяжести предъявленных обвинений, составлял восемнадцать месяцев. Суд не усмотр[ел] ничего в доводах заявителя, чтобы прийти к иному заключению. Суд также отме[тил], что заявитель не утверждал, что суды вышли за рамки своих полномочий или действовали недобросовестно при продлении срока содержания заявителя под стражей в период следствия, или же что они пренебрегли попыткой применить соответствующее законодательство правильно. При таких обстоятельствах Суд [пришел к выводу], что содержание заявителя под стражей в течение указанного периода было законным” (п. 43 постановления).

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 48416/09 “Коркин против Российской Федерации” (вынесено 12 ноября 2015 г., вступило в силу 2 мая 2016 г.).

Заявитель жаловался, что с 20 марта по 10 апреля 2009 г. он содержался под стражей без постановления суда.

Европейский Суд принял во внимание аргумент властей о том, что “...содержание заявителя под стражей с 20 марта по 10 апреля 2009 г. было санкционировано приговором по делу. [Суд] признал, что текст решения был подготовлен внутригосударственным судом к 20 марта 2009 г. и содержал санкцию суда на заключение заявителя под стражу до вступления приговора по его делу в силу. Однако Суд не [упустил] из виду, что судья предпочел огласить заявителю решение, касающееся его содержания под стражей, только 10 апреля 2009 г., то есть с задержкой более чем на 20 дней. Учитывая такой промежуток времени, Суд не [смог согласиться] с тем, что бездействие со стороны судьи не оказало воздействие на ситуацию заявителя. Более двадцати дней заявитель находился в состоянии неопределенности касательно правовой основы своего содержания под стражей. По мнению Суда, такая задержка сообщения заявителю сведений, касающихся его содержания под стражей, представляла собой санкцию, действующую задним числом, которую Суд [почитал] несовместимой с “правом лица на личную неприкосновенность”, поскольку она непременно запятана произволом. Возможность томления узника под стражей в отсутствие судебного решения, подкрепленного конкретными основаниями, и без установления конкретных сроков была бы равносильна пренебрежению статьей 5 Конвенции, положением, в котором содержание под стражей считается исключительным случаем отступления от права на свободу, допустимым только в четко оговоренных и строго определенных случаях” (п. 82 постановления).

Суд также отметил, что “...[в]ласти не опирались на какое-либо особое положение внутригосударственного права, которое позволяло бы судье задерживать оглашение его или ее решения о заключении под стражу соответствующему лицу” (п. 82 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу о нарушении п. 1 ст. 5 Конвенции вследствие содержания заявителя под стражей в период с 20 марта по 10 апреля 2009 г.

См. также поступившие в Верховный Суд Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 2281/06 “Александр Андреев против Российской Федерации” (вынесено 23 февраля 2016 г., вступило в силу 23 мая 2016 г.) и № 35413/07 “Карпова против Российской Федерации” (вынесено 12 января 2016 г.).

Право лица на разумные сроки содержания под стражей в ожидании приговора

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 21566/13 “Сергей Денисов против Российской Федерации” (вынесено 8 октября 2015 г., вступило в силу 14 марта 2016 г.).

Заявитель жаловался на нарушение его права на рассмотрение дела в разумный срок и утверждал, что постановления о заключении его под стражу не были достаточно обоснованными. Заявитель сослался на п. 3 ст. 5 Конвенции.

Европейский Суд отметил, что “...содержание заявителя под стражей началось с момента его задержания 13 августа 2012 года и завершилось 7 августа 2013 года, когда он был освобожден под подписку о невыезде... Таким образом, рассматриваемый период составляет чуть менее 12 месяцев” (п. 74 постановления).

Суд установил, что “...[к]роме тяжести предъявленных заявителю обвинений, судебные власти приняли во внимание информацию, касающуюся его поведения. В частности, они установили, что его уголовное дело свидетельствовало о его особой склонности к совершению нового преступления, попытки скрыться от правосудия или оказать влияние на свидетелей” (п. 77 постановления).

Что касается опасности совершения заявителем нового преступления, Суд отметил, что “...заявитель был задержан вскоре после своего освобождения, отбыв наказание за аналогичное преступление по незаконному обороту наркотиков. Суд напом[нил], что прежние судимости заявителя могли составить основание для обоснованного опасения, что обвиняемый может совершить новое преступление. Судья может принять во внимание серьезность последствий уголовных преступлений, если существует вопрос о принятии во внимание опасности повторного совершения таких преступлений, в целях принятия решения о возможности освобождения рассматриваемого лица... В настоящем деле российские суды... [указали] в своих постановлениях на серьезность и повторяющийся характер рассматриваемых уголовных преступлений, и Суд соглас[ился] с их решением придать особое значение этим аспектам уголовных преступлений, учитывая огромные сложности, с которыми сталкиваются национальные органы власти в Европе в процессе сбора информации, отслеживания, задержания и привлечения к суду за преступления, связанные с наркотиками... Суд, таким образом, [признал], что российские суды тщательным образом оценили риск совершения заявителем нового преступления. Данный факт создал сильную презумпцию против применения альтернативных мер пресечения в деле заявителя” (п. 78 постановления).

Европейский Суд обратил внимание также на то, что “...российские суды ссылались на вероятность того, что заявитель может скрыться от правосудия или прибегнуть к запугиванию свидетелей, в качестве дополнительных оснований, обеспечивающих его содержание под стражей. [При этом] Суд не упустил из виду, что доводы за и против освобождения не должны иметь общий характер и не должны быть абстрактными... Суд напом[нил], что российские суды не упомянули ни одного конкретного случая, когда заявитель попытался связаться, за пределами места рассмотрения дела, со свидетелем в ходе уголовного производства. Кроме того, отсутствуют доказательства того, что он когда-либо пытался скрыться от правосудия. В то же время Суд не упустил из виду тот факт, что досье преступника включает данные о его участии в незаконном обороте наркотиков и о том, что он вновь был обвинен в совершении еще одного эпизода подобного преступления. Суд отме[тил], что внутригосударственные суды обра[тили] внимание на короткий период времени, прошедший с момента предыдущего осуждения заявителя за незаконный оборот наркотиков и его новым задержанием. Суд также уч[ел] тот факт, что обвинения в отношении заявителя были позднее изменены и дополнены несколькими эпизодами торговли наркотиками, совершенной в составе организованной группы... В этих обстоятельствах Европейский Суд [признал], что российские суды могли обоснованно предположить наличие вероятности того, что в случае освобождения заявитель может скрыться от правосудия или воспрепятствовать производству по уголовному делу с учетом характера его предполагаемой преступной деятельности” (п. 79 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу о том, что “...имелись достаточные основания для дальнейшего содержания заявителя под стражей. Оценка “значимости и достаточности” таких оснований, однако, не мо-

жет быть отделена от фактической длительности предварительного заключения. Соответственно, остается выяснить, проявили ли судебные органы “надлежащую осмотрительность” при проведении судебного разбирательства” (п. 80 постановления).

Суд установил, что “...заявитель находился в предварительном заключении в течение двенадцати месяцев. В материалах дела, предоставленных Суду, отсутств[овали] сведения, демонстрирующие какой-либо существенный период бездеятельности со стороны обвинения или суда... В этом отношении Суд отме[тил], что расследование было в определенной степени сложным, в частности, с учетом общих затруднений при сборе доказательств преступления, связанного с оборотом наркотиков... Важным элементом оценки дела Судом [явился] тот факт, что почти через двенадцать месяцев содержания заявителя под стражей внутригосударственные суды сочли, что указанная мера больше не является необходимой, учитывая стадию уголовного производства и тот факт, что риски, первоначально принятые во внимание внутригосударственными судами, больше не могут оправдывать дальнейшее содержание под стражей. Суд отме[тил], что заявитель был освобожден из-под стражи на условиях альтернативной меры пресечения, под подписку о невыезде, сразу после завершения расследования, дело было передано в суд, и риск вмешательства заявителя в производство по делу был сведен к минимуму... В таких обстоятельствах нельзя [было] сказать, что компетентные внутригосударственные органы продемонстрировали отсутствие особой тщательности при проведении расследования по делу заявителя” (п. 82 постановления).

Соответственно, по настоящему делу не было допущено нарушения требований п. 3 ст. 5 Конвенции.

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 37311/08 “Роман Петров против Российской Федерации” (вынесено 12 декабря 2015 г., вступило в силу 12 марта 2016 г.).

Заявитель жаловался на чрезмерную продолжительность содержания под стражей в ходе предварительного следствия.

Европейский Суд напомнил, что в соответствии с его прецедентной практикой “вопрос о разумности срока содержания под стражей не может рассматриваться абстрактно. Вопрос о продлении срока содержания обвиняемого под стражей должен рассматриваться с учетом особенностей каждого отдельного дела. Непрерывное содержание под стражей может быть оправдано только в отдельных случаях, когда имеются явные признаки необходимости соблюдения общественных интересов, которые перевешивают необходимость соблюдения права отдельного человека на свободу даже с учетом презумпции его невиновности” (п. 55 постановления).

Суд готов был признать, что “...содержание заявителя под стражей на протяжении нескольких периодов с 27 июня 2007 по 28 марта 2008 года могло быть обусловлено высокой вероятностью побега заявителя или его вмешательства в отправление правосудия. Российские суды надлежащим образом изучили конкретные обстоятельства дела заявителя, в частности его проживание ранее в другом государстве, опыт работы в правоохранительных органах, и обосновали свои выводы тем, что заявитель мог скрыться от правосудия или вмешаться в его отправление” (п. 56 постановления).

Аналогичным образом Суд посчитал, что “...внутригосударственные органы власти привели значительные и достаточные основания при вынесении решения о содержании заявителя под стражей в период с 12 апреля по 5 июля 2010 года. В связи с этим Суд [отметил], что районный суд отменил меру пресечения в виде залога и заключил заявителя под стражу из-за его неоднократной неявки в суд, а также его попыток оказать

влияние на несовершеннолетнего потерпевшего по уголовному делу, возбужденному в отношении заявителя” (п. 57 постановления).

Суд пришел к выводу об отсутствии в настоящем деле нарушения п. 3 ст. 5 Конвенции.

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 40288/06 “Наимджон Якубов против Российской Федерации” (вынесено 12 ноября 2015 г., вступило в силу 12 февраля 2016 г.).

Заявитель жаловался на то, что срок его содержания под стражей в ходе предварительного следствия не соответствовал критерию “разумного срока”, установленному п. 3 ст. 5 Конвенции.

Европейский Суд отметил, что “...[в]нутригосударственные суды в настоящем деле... признали, что заявитель провел длительный период времени под стражей в рамках предварительного следствия, и посчитали возможным обеспечить его участие в судебном разбирательстве посредством освобождения под залог... Тем не менее, при установлении размера залога, внутригосударственные органы власти не представили никакого обоснования в отношении указанной суммы. Областной суд не осуществлял оценки достатка или активов заявителя в момент принятия решения, кроме того, он не осуществлял поиск информации или показаний, касающихся возможностей заявителя по выплате суммы залога... В данных обстоятельствах Суд не смог признать, что органы власти проявили необходимую заботу при установлении надлежащей суммы залога при вынесении решения о том, являлось ли его продолжительное содержание под стражей совершенно необходимым” (п. 65 постановления).

Суд пришел к выводу о нарушении п. 3 ст. 5 Конвенции.

В Верховный Суд РФ также поступил ряд постановлений Европейского Суда по правам человека, содержащих констатацию нарушения Российской Федерацией положений п. 3 ст. 5 Конвенции в части нарушения права лица на разумные сроки нахождения под стражей в ожидании приговора суда: по жалобе № 31691/10 “Истомин против Российской Федерации” (вынесено 15 октября 2015 г.); по жалобе № 6277/06 “Любушкин против Российской Федерации” (вынесено 22 октября 2015 г., вступило в силу 14 марта 2016 г.); по жалобе № 2763/13 “Хайлетдинов против Российской Федерации” (вынесено 12 января 2016 г., вступило в силу 6 июня 2016 г.); по жалобе № 48416/09 “Коркин против Российской Федерации” (вынесено 12 ноября 2015 г., вступило в силу 2 мая 2016 г.); по жалобам № 36101/11, 36831/11, 52683/12, 63745/12, 59337/13, 67679/13, 67943/13, 77397/13, 3251/14, 9694/14, 13257/14 и 19016/14 “Аристов и другие против Российской Федерации” (вынесено 30 июня 2016 г.); по жалобе № 8026/04 “Егорычев против Российской Федерации” (вынесено 17 мая 2016 г., вступило в силу 17 августа 2016 г.); по жалобе № 44815/10 “Шепель против Российской Федерации” (вынесено 24 мая 2016 г.); по жалобе № 8681/06 “Булин против Российской Федерации” (вынесено 29 марта 2016 г.).

Право лица на личное участие в судебном разбирательстве при рассмотрении жалобы на решение об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или решения о продлении сроков нахождения под стражей

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 40288/06 “Наимджон Якубов против Российской Федерации” (вынесено 12 ноября 2015 г., вступило в силу 12 февраля 2016 г.).

Заявитель жаловался в том числе на то, что просмотр срока его содержания под стражей в ходе пред-

варительного следствия, осуществленный областным судом 18 марта, 24 апреля и 24 июля 2008 г., не соответствовал требованиям, установленным п. 4 ст. 5 Конвенции.

Европейский Суд напомнил, что "...в силу пункта 4 статьи 5 Конвенции задержанные и заключенные под стражу имеют право на возбуждение производства по пересмотру судом процессуальных и материальных условий, существенных для "законности" — по смыслу пункта 1 статьи 5 — лишения их свободы... Хотя порядок, установленный пунктом 4 статьи 5, необязательно должен сопровождаться гарантиями, предусмотренными пунктом 1 статьи 6 Конвенции для уголовного или гражданского судопроизводства, он должен носить судебный характер и предоставлять гарантии, соответствующие рассматриваемому типу лишения свободы... В деле лица, заключение которого под стражу подпадает под действие подпункта "с" пункта 1 статьи 5 Конвенции, необходимо слушание дела в суде... Возможность для заключенного быть услышанным либо лично, либо посредством представителя является одной из фундаментальных гарантий процедуры, применяемой в делах о лишении свободы" (п. 73 постановления).

Обращаясь к обстоятельствам дела, Суд отметил, что, "...с одной стороны, целью слушания являлся пересмотр решения о продлении срока содержания заявителя под стражей в ходе предварительного следствия и, вероятно, что вопросы, которые ранее обсуждались в присутствии заявителя, не изменились, и что заявитель имел возможность описать личную ситуацию суду и направить доводы в пользу своего освобождения. Тем не менее Суд не может пренебречь тем фактом, что на слушании от 24 июля 2008 года суд кассационной инстанции впервые осуществлял пересмотр вопроса о невыплате заявителем суммы залога. По мнению Суда, в целях разрешения данного аспекта дела существенное значение имели личные доводы заявителя. Наконец, Суд принимает во внимание довод заявителя о том, что назначенный государством адвокат не встретился с заявителем до момента проведения слушания для обсуждения дела или для получения согласия заявителя на осуществление такого представительства" (п. 75 постановления).

Суд признал, что присутствие государственного защитника не было достаточно для соблюдения принципа равноправия сторон. Тот факт, что заявитель не смог принять участие в заседании суда кассационной инстанции 24 июля 2008 г., представляет собой нарушение п. 4 ст. 5 Конвенции (п. 76 постановления).

Право лица на оперативное рассмотрение жалобы на решение суда об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или на решение о продлении сроков нахождения под стражей

В Верховный Суд РФ поступил ряд постановлений Европейского Суда по правам человека, содержащих констатацию нарушения Российской Федерацией положений п. 4 ст. 5 Конвенции в части несоблюдения права лица на оперативное рассмотрение жалобы на решение суда об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или на решение о продлении сроков нахождения под стражей: по жалобе 6277/06 "**Любушкин против Российской Федерации**" (вынесено 22 октября 2015 г., вступило в силу 14 марта 2016 г.); по жалобе № 49848/10 "**Манеров против Российской Федерации**" (вынесено 5 января 2016 г., вступило в силу 5 апреля 2016 г.); по жалобе № 22631/04 "**Олюнин против Российской Федерации**" (вынесено 19 апреля 2016 г.).

Право лица не подвергаться жестокому обращению со стороны сотрудников правоохранительных органов. Право на эффективное расследование указанных случаев

В Верховный Суд РФ также поступил ряд постановлений Европейского Суда по правам человека, содержащих констатацию нарушения Российской Федерацией положений ст. 3 Конвенции в части несоблюдения права лица не подвергаться жестокому обращению со стороны сотрудников правоохранительных органов и/или права на эффективное расследование таких случаев: по жалобе № 630/08 "**Миникаев против Российской Федерации**" (вынесено 5 января 2016 г., вступило в силу 5 апреля 2016 г.); по жалобе № 40852/05 "**Шлычков против Российской Федерации**" (вынесено 9 февраля 2016 г., вступило в силу 9 мая 2016 г.); по жалобе № 2281/06 "**Александр Андреев против Российской Федерации**" (вынесено 23 февраля 2016 г., вступило в силу 23 мая 2016 г.); по жалобе № 27217/06 "**Зиновчик против Российской Федерации**" (вынесено 9 февраля 2016 г., вступило в силу 9 мая 2016 г.).

Неофициальный перевод текстов постановлений (решений) Европейского Суда по правам человека получен из аппарата Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суда по правам человека — заместителя Министра юстиции Российской Федерации.

*(Обзор утвержден Президиумом
Верховного Суда Российской Федерации
20 декабря 2016 г.)*

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО ДЕЛАМ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ СЕРВИТУТА НА ЗЕМЕЛЬНЫЙ УЧАСТОК

Верховным Судом РФ в соответствии со ст.ст. 2 и 7 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ "О Верховном Суде Российской Федерации", в целях обеспечения единообразного подхода к разрешению судами общей юрисдикции и арбитражными судами дел, связанных с установлением сервитута на земельный участок, проведено обобщение судебной практики.

Согласно ст. 216 ГК РФ сервитут, наряду с правом собственности, является вещным правом.

В п. 1 ст. 23 Земельного кодекса РФ (далее — ЗК РФ) указано на то, что сервитут устанавливается в соответствии с гражданским законодательством.

Правила и порядок предоставления и установления сервитута содержатся в ст.ст. 274—276 ГК РФ.

Пунктом 1 ст. 274 ГК РФ определено, что собственник недвижимого имущества (земельного участка, другой недвижимости) вправе требовать от собственника соседнего земельного участка, а в необходимых случаях — и от собственника другого земельного участка (соседнего участка) предоставления права ограниченного пользования соседним участком (сервитута).

Сервитут может устанавливаться для обеспечения прохода и проезда через соседний земельный участок, строительства, реконструкции и (или) эксплуатации линейных объектов, не препятствующих использованию земельного участка в соответствии с разрешенным использованием, а также других нужд собственника недвижимого имущества, которые не могут быть обеспечены без установления сервитута.

В силу п. 3 ст. 274 ГК РФ сервитут устанавливается по соглашению между лицом, требующим установления сервитута, и собственником соседнего участка и подлежит регистрации в порядке, установленном для регистрации прав на недвижимое имущество. В случае недостижения соглашения об установлении или условиях сервитута спор разрешается судом по иску лица, требующего установления сервитута.

Сервитут может быть прекращен ввиду отпадения оснований, по которым он был установлен, а также в случаях, когда земельный участок, принадлежащий гражданину или юридическому лицу, в результате обременения сервитутом не может использоваться в соответствии с целевым назначением участка (ст. 276 ГК РФ).

§ 1. Обращение в суд с иском об установлении сервитута

1. Действующее законодательство не содержит требования о соблюдении обязательного досудебного порядка урегулирования спора об установлении сервитута. Лицо, требующее установления сервитута, вправе обратиться в суд, если сторонами не достигнуто соглашения о сервитуте или его условиях.

Определением суда апелляционной инстанции было отменено определение районного суда о возвращении Г. к В. об установлении сервитута в связи с несоблюдением досудебного порядка урегулирования спора, установленного п. 3 ст. 274 ГК РФ.

Направляя материал для рассмотрения в суд первой инстанции со стадии принятия искового заявления, судебная коллегия по гражданским делам областного суда правомерно исходила из того, что под установленным федеральным законом претензионным либо иным досудебным порядком урегулирования спора следует понимать определенную процедуру урегулирования спора, когда федеральным законом предусмотрены конкретные действия, которые обязаны совершить стороны до передачи возникшего между ними спора на рассмотрение суда, и когда в результате таких действий спор может быть урегулирован.

Положениями п. 3 ст. 274 ГК РФ установлено, что в случае недостижения соглашения об установлении или условиях сервитута спор разрешается судом по иску лица, требующего установления сервитута.

Данная норма не устанавливает досудебный порядок урегулирования споров об установлении сервитута.

Таким образом, исходя из указанной нормы, достаточным основанием для обращения в суд лица, требующего установления сервитута, является недостижение сторонами соглашения об установлении или условиях сервитута, т.е. возникновение между ними спора.

С учетом специфики предъявляемого в суд требования об установлении сервитута или его условий как вещно-правового способа защиты по смыслу ч. 5 ст. 4 Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее — АПК РФ) направление дополнительно претензии в случае недостижения сторонами соглашения об установлении сервитута или его условиях не требуется.

2. При решении вопроса, какому суду — общей юрисдикции или арбитражному — надлежит рассматривать дело об установлении, изменении условий, прекращении сервитута, необходимо учитывать в совокупности субъектный состав участников спора и характер правоотношений.

Частью 3 ст. 22 ГПК РФ установлено, что суды рассматривают и разрешают дела, предусмотренные чч. 1 и 2 указанной статьи, за исключением экономических споров и других дел, отнесенных федеральным конституционным законом и федеральным законом к ведению арбитражных судов.

В соответствии с положениями чч. 1 и 2 ст. 27 АПК РФ арбитражному суду подведомственны дела по экономическим спорам и другие дела, связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности. Арбитражные суды разрешают экономические споры и рассматривают иные дела с участием организаций, являющихся юридическими лицами, граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица и имеющих статус индивидуального предпринимателя, приобретенный в установленном законом порядке, а в случаях, предусмотренных названным Кодексом и иными федеральными законами, — с участием Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов, должностных лиц, образований, не имеющих статуса юридического лица, и граждан, не имеющих статуса индивидуального предпринимателя.

Из приведенных норм права следует, что при решении вопроса, какому суду — общей юрисдикции или арбитражному — надлежит рассматривать спор, необходимо исходить из критериев субъектного состава участников спора и характера правоотношений, применяемых в совокупности. Одно обстоятельство, что сервитут испрашивается в отношении недвижимого имущества, которое может быть использовано для предпринимательской деятельности, в отсутствие у сторон спора статуса предпринимателей, или возникновение спора между индивидуальными предпринимателями в отношении объекта, не используемого для осуществления предпринимательской деятельности, не свидетельствует о том, что спор носит экономический характер и подлежит рассмотрению арбитражным судом.

Например, определением районного суда было прекращено на основании ст. 220, п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ производство по делу по иску И. к обществу об установлении сервитута. Суд исходил из того, что истец И. имеет статус индивидуального предпринимателя, при обращении с требованиями просил установить сервитут в отношении земельного участка с назначением “для производственных целей” для обеспечения доступа к принадлежащему истцу земельному участку, нежилым помещениям, расположенным в здании склада. Установив, что нужды истца как собственника объекта коммерческого назначения связаны с необходимостью обеспечения проезда транспортных средств для провоза товаров, приобретенных в связи с ведением предпринимательской деятельности, суд пришел к выводу, что спор носит экономический характер и с учетом субъектного состава подлежит разрешению арбитражным судом.

В другом деле суд апелляционной инстанции, отклоняя доводы жалобы об отсутствии компетенции у суда общей юрисдикции на рассмотрение дела по иску Ш. о прекращении сервитута, установленного ранее в отношении части принадлежащего ему земельного участка решением арбитражного суда, правомерно указал следующее.

Спор об отмене сервитута подлежит рассмотрению судом общей юрисдикции или арбитражным судом с учетом субъектного состава участников процесса и характера правоотношения вне зависимости от того, каким судом установлен сервитут. Поскольку собственник земельного участка утратил статус индивидуального предпринимателя, коллегия пришла к обоснованному выводу о том, что возникший спор должен быть рассмотрен судом общей юрисдикции.

3. Не может быть установлен сервитут для обеспечения прохода или проезда к самовольной постройке, в том числе к новому объекту, возникшему в результате самовольной реконструкции недвижимого имущества.

Общество обратилось в суд с иском к Л. об установлении бессрочного сервитута для обеспечения прохода и проезда через соседний земельный участок, принадлежащий ответчику, в целях обслуживания здания истца.

В ходе рассмотрения дела судом установлено, что объект, являющийся по техническому паспорту материальным складом, был полностью демонтирован. На месте прежнего здания без разрешения на строительство и разрешительной документации истцом возведен новый объект капитального строительства с иными техническими характеристиками, право собственности на который в установленном законом порядке истцом не оформлено.

С учетом положений ст.ст. 222, 274 ГК РФ суд пришел к правильному выводу о том, что истец как лицо, самовольно построившее новый объект, не приобрел право собственности на данную постройку и не вправе требовать от собственника соседнего земельного участка права ограниченного пользования названным участком (сервитута).

4. В отсутствие нормативного правового акта об установлении публичного сервитута собственник линейного объекта вправе обратиться к собственнику земельного участка, на котором расположен указанный объект, за установлением сервитута в целях эксплуатации и ремонта линейного объекта.

Общество — собственник газопровода — обратилось в суд с иском к лицу, в частной собственности которого находится земельный участок, за установлением сервитута в целях эксплуатации и ремонта данного газопровода, расположенного на названном земельном участке.

Арбитражный суд первой инстанции в удовлетворении иска отказал, указав, что газопровод предназначен для обслуживания жилого дома и общество вправе использовать земельный участок в целях эксплуатации и ремонта данного газопровода на основании публичного сервитута.

При этом суд исходил из того, что положения ст. 274 ГК РФ допускают установление сервитута в интересах одного лица, которое использует чужой участок в своих интересах. В подп. 2 п. 3 ст. 23 ЗК РФ предусмотрено, что для использования земельного участка в целях ремонта коммунальных, инженерных, электрических и других линий и сетей, а также объектов транспортной инфраструктуры могут устанавливаться публичные сервитуты.

Арбитражный суд округа не согласился с таким выводом суда первой инстанции, обратив внимание на особенности и отличие порядка установления и содержания публичного сервитута и сервитута, устанавливаемого по правилам гражданского законодательства.

Согласно п. 2 ст. 23 ЗК РФ публичный сервитут устанавливается законом или иным нормативным правовым актом Российской Федерации, нормативным правовым актом субъекта Российской Федерации, нормативным правовым актом органа местного самоуправления в случаях, если это необходимо для обеспечения интересов государства, местного самоуправления или местного населения, без изъятия земельных участков. Установление публичного сервитута осуществляется с учетом результатов общественных слушаний.

В данном случае собственник линейного объекта испрашивал сервитут в целях эксплуатации и ремонта газопровода, обратившись к собственнику земельного участка в порядке ст. 274 ГК РФ, которой, в частности, разрешается установление сервитута для эксплуатации линейных объектов.

Сами по себе положения подп. 2 п. 3 ст. 23 ЗК РФ, допускающие принятие нормативного акта об установлении публичного сервитута в целях эксплуатации

и ремонта линейных объектов, не являются основанием для отказа в удовлетворении заявленного требования.

В связи с указанным суд округа направил дело на новое рассмотрение.

5. С требованием об установлении сервитута вправе обратиться собственник земельного участка, на котором расположен принадлежащий иному лицу линейный объект, возведенный после возникновения частной собственности на указанный земельный участок.

Собственник земельного участка, на котором расположены опоры линии электропередачи, обратился к собственнику линейного объекта с предложением о заключении соглашения о сервитуте, в котором бы определялся порядок пользования участком (порядок и время доступа, прохода и проезда через участок) в целях эксплуатации размещенных опор, а также размер платы за сервитут.

Собственник линейного объекта в заключении соглашения отказал, что явилось основанием для обращения истца (предпринимателя) в арбитражный суд.

В обоснование своего требования истец указывал на то, что размещение опор осуществлено после приватизации земельного участка без его согласия. Собственник линейного объекта уклоняется от заключения соглашения о сервитуте. Кроме того, истец сослался на то, что ранее судом ему отказано в удовлетворении предъявленных на основании ст.ст. 301 и 304 ГК РФ требований о демонтаже спорных опор.

Суд первой инстанции в удовлетворении иска отказал, поскольку по смыслу п. 1 ст. 274 ГК РФ право требовать установления ограниченного права имеет лицо, в чьих интересах ограничивается чужое вещное право, т.е. в данном случае — собственник опор линии электропередачи.

Постановлением апелляционного суда решение оставлено без изменения.

Суд кассационной инстанции судебные акты отменил, направил дело на новое рассмотрение в целях определения условий сервитута, указав, что ст. 274 ГК РФ не ограничивает право собственника земельного участка обратиться к собственнику линейного объекта, возведенного после возникновения частной собственности на указанный земельный участок, с требованием об установлении сервитута в случае недостижения согласия о его установлении или условиях соглашения. При этом суд должен разрешить возникший спор по иску заинтересованного лица, требующего установления сервитута, принимая во внимание, что выбор способа защиты права лежит на лице, которое полагает, что его право нарушено. В данном деле правообладатель земельного участка в обоснование своего искового требования сослался на то, что собственник линейного объекта осуществил его строительство на участке истца и, фактически пользуясь земельным участком, уклонялся от заключения соглашения, формализующего порядок, способ и время пользования земельным участком, а также устанавливающего обязанность по внесению соответствующей платы в определенном размере. Кроме того, вступившими в законную силу судебными актами предпринимателю отказано в удовлетворении негаторного и виндикационного исков.

6. Если основания, по которым установлен сервитут, отпали, с требованием о прекращении сервитута вправе обратиться в суд как собственник земельного участка, обремененного сервитутом, так и собственник земельного участка, для обеспечения использования которого установлен сервитут.

Вступившим в законную силу решением суда установлен сервитут, обременяющий земельный участок, принадлежащий предпринимателю. В последующем общество — собственник участка, для обеспечения ис-

пользования которого установлен сервитут, предъявило требование о прекращении сервитута.

Арбитражный суд первой инстанции счел, что формулировка п. 1 ст. 276 ГК РФ не позволяет собственнику вещи, для использования которой установлен сервитут, обращаться с требованием о прекращении сервитута, поскольку в силу названной нормы такое право принадлежит только собственнику земельного участка, обремененного сервитутом. Такие выводы поддержал суд апелляционной инстанции.

Арбитражный суд округа судебные акты отменил, обратив внимание на следующее. Как установлено п. 1 ст. 276 ГК РФ, по требованию собственника земельного участка, обремененного сервитутом, сервитут может быть прекращен ввиду отпадения оснований, по которым он был установлен. Однако такая формулировка не означает, что сервитут не может быть прекращен по требованию собственника земельного участка, для обеспечения использования которого установлен сервитут, в случае, когда объективно потребность в использовании чужого земельного участка отпала.

Направляя дело на новое рассмотрение, окружной суд указал на необходимость оценить доводы и доказательства, представленные обществом в обоснование требования о прекращении сервитута.

§ 2. Условия установления сервитута

7. Сервитут может быть установлен только в случае отсутствия у собственника земельного участка (объекта недвижимости) иной возможности реализовать свое право пользования принадлежащим ему участком (объектом).

Истец А. обратился в суд к Б. с требованием об установлении сервитута, так как через земельный участок, находящийся в собственности ответчика, проходит дорога, ведущая в том числе к участку истца. При этом к земельному участку А. имеется иная дорога, но состояние хуже, а протяженность больше по сравнению с дорогой, проходящей через земельный участок ответчика.

Поскольку представленными доказательствами, в том числе заключением землеустроительной экспертизы, была подтверждена возможность прохода и проезда к земельному участку истца без использования земельного участка ответчика, а положения п. 1 ст. 274 ГК РФ допускают установление сервитута для обеспечения прохода и проезда через соседний земельный участок только в том случае, когда такие нужды собственника земельного участка (иной недвижимости) не могут быть установлены без установления сервитута, суд пришел к правомерному выводу об отсутствии оснований для удовлетворения заявленного требования.

В другом деле судом было установлено, что истец и ответчик являются собственниками соседних земельных участков.

К участку истца имеется проезд со стороны дороги общего пользования, однако из-за возведения им объекта с выходом за пределы параметров разрешенного строительства незастроенной части участка оказалось недостаточно для проезда автотранспорта, а также спецтехники, на участок истца. Вследствие этого истец обратился к собственнику соседнего участка о предоставлении ему права проезда через участок ответчика.

Установив, что невозможность проезда на участок истца не связана с какими-либо объективными причинами, а вызвана исключительно действиями самого истца, судебная коллегия пришла к выводу об отсутствии оснований для установления испрашиваемого сервитута.

В деле, рассмотренном арбитражным судом, предприниматель, являясь собственником здания, используемого в целях организации общественного питания, и арендатором земельного участка, необходимого для эксплуатации указанного здания, обратился к обществу

— собственнику соседнего земельного участка — с иском об установлении права ограниченного пользования (сервитута) земельным участком для беспрепятственного круглосуточного проезда (в рабочие, выходные и праздничные дни) автотранспортных средств сотрудников, арендаторов, посетителей, клиентов предпринимателя к зданию.

С учетом заключения эксперта суд первой инстанции заявленное требование удовлетворил, признав, что испрашиваемый предпринимателем сервитут обеспечивает наиболее оптимальным способом проезд к его зданию. Соответствующий способ является наиболее удобным и наименее обременительным для предпринимателя. Кроме того, на земельном участке общества уже проложена дорога, которая может быть использована для проезда к зданию предпринимателя.

Отменяя решение суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции обратил внимание на то, что заключение эксперта содержит информацию об альтернативных путях подъезда к зданию истца. Из материалов дела следует, что доступ (проезд) к зданию предпринимателя имеется со стороны улиц, относящихся к дорогам общего пользования. То обстоятельство, что истцу удобнее организовать проезд транспорта, в том числе в целях погрузочно-разгрузочных и других работ, к своему зданию со стороны земельного участка ответчика, не является основанием для установления сервитута (п. 1 ст. 274 ГК РФ).

Арбитражный суд округа согласился с судом апелляционной инстанции, указав, что сервитут подлежит установлению в той ситуации, когда собственник лишен объективной возможности обеспечить проход (проезд) к своему зданию иным способом без установления сервитута.

8. Не подлежит установлению сервитут, если его условиями собственник земельного участка лишается возможности использовать свой участок в соответствии с разрешенным использованием.

Общество обратилось в арбитражный суд с иском к предпринимателю об установлении бессрочного сервитута, ссылаясь на то, что по территории земельного участка, принадлежащего на праве собственности ответчику, проходят подземные сети канализации, необходимые обществу для обеспечения отвода сточных вод.

При рассмотрении спора судами установлено, что участки истца и ответчика смежные, образованы при разделе одного участка, на котором находились объекты недвижимости, приватизированные разными лицами. После раздела и приватизации земельных участков собственниками объектов недвижимости на земельном участке предпринимателя оказались расположены часть инженерных сетей канализации и канализационно-насосная станция, используемые обществом в целях обслуживания принадлежащих ему объектов недвижимости и земельного участка под ними.

Судами также установлено, что предприниматель неоднократно обращался к обществу с предложением о переносе названных станции и части инженерных сетей, а также о распределении расходов на соответствующие работы.

Кроме того, из заключения эксперта следовало, что технически возможно перемещение инженерных сетей и насосной станции со спорного участка на земельный участок общества в целях обеспечения потребностей последнего по отводу сточных вод. Использование же обществом указанных объектов при их нахождении на участке предпринимателя приводит к существенному ограничению в использовании предпринимателем своего участка и здания, расположенного на нем.

С учетом представленных сторонами доводов и доказательств суды, установив, что нужды истца могут быть обеспечены без установления бессрочного серви-

туда и ограничения прав ответчика на пользование принадлежащим ему земельным участком, а истребуемый истцом сервитут по существу лишит собственника земельного участка возможности использовать свой участок в соответствии с разрешенным использованием, отказали обществу в удовлетворении требования.

9. При наличии нескольких вариантов прохода (проезда) к земельному участку через соседний земельный участок суду следует исходить из необходимости обеспечить баланс интересов сторон и установить сервитут на условиях, наименее обременительных для собственника земельного участка, в отношении которого устанавливается сервитут.

Т. обратился в суд с требованиями к обществу об установлении сервитута, так как проезда к принадлежащему ему земельному участку иначе как через находящийся в аренде у ответчика муниципальный земельный участок не имеется. По результатам проведенной экспертизы установлены три возможных варианта проезда к земельному участку истца. Т. просил установить сервитут по первому варианту.

Представитель ответчика в судебном заседании, не возражая против установления сервитута, указывал, что вариант сервитута, на котором настаивает истец, является наиболее обременительным, поскольку для его реализации необходимо произвести демонтаж части объектов, расположенных на участке ответчика, такой вариант приведет к невозможности возвести ряд иных объектов, запланированных ответчиком. Кроме того, предложенный истцом вариант не является безопасным для посетителей ответчика. Сам ответчик полагал наиболее оптимальным установление сервитута по второму варианту, предложенному экспертом.

Удовлетворяя исковые требования в части установления сервитута, суд, исходя из представленных в материалы дела доказательств и руководствуясь положениями ст. 274 ГК РФ, пришел к выводу о доказанности наличия у истца необходимости в установлении права ограниченного пользования земельным участком ответчика, поскольку иным способом он лишен возможности доступа к своему земельному участку и использования его по назначению. При определении условий осуществления сервитута суд исходил из разумного баланса интересов сторон спора с тем, чтобы ограниченное вещное право, обеспечивая только необходимые нужды истца, не создавало существенных неудобств для собственника обремененного земельного участка. Судом был установлен сервитут по второму варианту исследования эксперта, являющемуся наименее обременительным для общества.

В другом деле арбитражный суд, устанавливая сервитут на условиях одного из предложенных экспертом вариантов, исходил из того, что выбранный вариант прохода к земельному участку проложен в основном по муниципальной грунтовой дороге, лишь частично — через соседний земельный участок, обременяемый сервитутом. Приведенные истцом доводы и доказательства о необходимости несения им дополнительных затрат для прохода (проезда) по такому варианту к своему участку не были поддержаны судом как свидетельствующие о наличии достаточных оснований для иного варианта установления сервитута на условиях, более обременительных для собственника соседнего участка.

Арбитражный суд указал, что при наличии нескольких реальных вариантов прохода (проезда) к земельному участку сервитут должен быть прежде всего наименее обременительным для собственника земельного участка, в отношении которого устанавливается сервитут.

10. Удовлетворяя исковые требования об установлении сервитута, суд должен определить все условия, на которых он устанавливается, а именно: сведения о зе-

мельных участках, для обеспечения использования которого установлен сервитут и который обременен сервитутом, содержание сервитута, вид сервитута, сферу действия, срок, условия о плате, виды работ, если сервитут устанавливается для проведения ремонтных и иных работ, и прочее.

Решением районного суда, оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам краевого суда, удовлетворены исковые требования истцов к Территориальному управлению Росимущества и Минобороны России о предоставлении права ограниченного пользования земельным участком (сервитута).

Определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ состоявшегося по делу судебные акты были отменены, а дело — направлено в суд первой инстанции для нового рассмотрения.

При этом Судебная коллегия, в частности, исходила из того, что суд, пришедший к выводу о необходимости установления сервитута, должен определить все условия сервитута, в том числе маршрут проезда и прохода, который не только соответствовал бы интересам истца, но и был наименее обременительным для собственника обслуживаемого земельного участка. При необходимости разрешения судом вопросов, касающихся отдельных условий сервитута и возможных вариантов его установления, которые требуют специальных знаний (например, в области организации дорожного движения, оценочной деятельности), суд в соответствии с положениями ст. 79 ГПК РФ может назначить проведение экспертизы.

Положениями ст. 131 ГК РФ и нормами ст.ст. 2, 12, 27 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ “О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним” (далее — Закон о регистрации прав) предусмотрено, что сервитут подлежит государственной регистрации в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним.

Основанием для государственной регистрации сервитута при наличии спора между собственником недвижимости и лицом, претендующим на получение права ограниченного пользования этим имуществом, является решение суда, принятое в соответствии с п. 3 ст. 274 ГК РФ. По этой причине в резолютивной части соответствующего судебного акта должны быть приведены все условия, на которых суд устанавливает сервитут.

Названные выше требования закона судами выполнены не были.

Устанавливая сервитут, суд не указал, является ли рассматриваемый случай исключительным, а предоставление такого права истцам — единственным способом обеспечения основных потребностей как собственников недвижимости.

Кроме того, в соответствии с п. 3 ст. 274 ГК РФ при рассмотрении иска следовало определить, имеется ли у истцов возможность доступа к своему имуществу, не прибегая к правовым средствам, предусмотренным указанными нормами права о сервитуте, однако судами этого сделано не было.

Ограничившись формальным указанием на то, что проезд к принадлежащим истцам жилым помещениям и местам общего пользования возможен только через спорный участок, суды, в нарушение положений ст. 67 ГПК РФ, не дали оценки проведенному в рамках рассмотрения данного дела экспертному заключению, согласно которому технически возможны иные варианты прокладки новой дороги, ведущей к коттеджному городку, где расположены жилые дома истцов.

Не содержали материалы дела и доказательства, свидетельствующих о том, что дорога, являющаяся предметом сервитута, фактически пригодна для движения и маневрирования автомобильного транспорта.

Отсутствовало указание на срок действия сервитута, а также не определен предусмотренный п. 5 ст. 274 ГК РФ, п. 6 ст. 23 ЗК РФ размер платежей, подлежащих внесению собственнику обремененного земельного участка.

Таким образом, судами не были соблюдены требования, предъявляемые к рассмотрению данной категории дел, в результате чего фактически возникший спор не разрешен по существу.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 11 октября 2016 г. № 18-КГ16-113)

11. Отсутствие в Едином государственном реестре недвижимости (до 1 января 2017 г. — в государственном кадастре недвижимости) сведений о части земельного участка, обременяемого сервитутом, не препятствует государственной регистрации сервитута, кроме случаев, установленных законом.

Некоммерческое партнерство и общество заключили соглашение о сервитуте, условиями которого предусматривалось право прохода по земельному участку общества. Соглашение содержало указание на сферу действия сервитута, ограничения в использовании участка во времени и пространстве.

Некоммерческое партнерство обратилось с заявлением о регистрации сервитута в орган, осуществляющий государственную регистрацию прав, в чем ему было отказано, поскольку сведения о части земельного участка, обременяемого сервитутом, не содержатся в государственном кадастре недвижимости. Заявителю было рекомендовано обратиться за проведением кадастровых работ, определить координаты характерных точек границ части земельного участка, в отношении которой устанавливается право ограниченного пользования, поставить на кадастровый учет часть земельного участка, а затем обратиться за регистрацией сервитута.

Некоммерческое партнерство оспорило решение органа, осуществляющего государственную регистрацию прав, в арбитражный суд.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении заявления отказано. При этом суды исходили из следующего.

В соответствии с п. 2 ст. 27 Закона о регистрации прав, действовавшего на момент возникновения спорных отношений, в случае, если сервитут относится к части земельного участка или иного объекта недвижимости, к документам, в которых указываются содержание и сфера действия сервитута, прилагается кадастровый паспорт такого объекта недвижимости, на котором отмечена сфера действия сервитута, или кадастровая выписка о таком объекте недвижимости, содержащая внесенные в государственный кадастр недвижимости сведения о части такого объекта недвижимости, на которую распространяется сфера действия сервитута.

С учетом положений данной нормы суды признали, что сведения о части земельного участка, обременяемого сервитутом, должны содержаться в государственном кадастре недвижимости в любом случае.

Поскольку в отношении спорного участка сведений о его части в государственном кадастре недвижимости не содержалось, суды пришли к выводу о законности отказа органа, осуществляющего государственную регистрацию прав.

Постановлением окружного суда судебные акты отменены с указанием на то, что Закон о регистрации прав не содержит обязательного требования о кадастровом учете части земельного участка в случае заключения соглашения о сервитуте.

Такая обязанность содержится, в частности, в ст.ст. 39²⁵, 39²⁶ ЗК РФ применительно к земельным участкам, находящимся в государственной или муниципальной собственности, кроме случая заключения соглашения на срок менее 3 лет.

ципальной собственности, кроме случая заключения соглашения на срок менее 3 лет.

В остальных случаях, когда закон прямо не устанавливает обязанность поставить на кадастровый учет часть земельного участка, для государственной регистрации сервитута достаточно представления документов, отражающих сферу действия сервитута и его содержание, необходимых для внесения информации в публичный реестр. При этом сервитут — и как ограниченное вещное право, и как обременение недвижимого имущества — подлежит регистрации в отношении всего объекта недвижимого имущества (земельного участка, здания, сооружения), сведения о котором содержатся в государственном кадастре недвижимости и Едином государственном реестре прав на недвижимость (с 1 января 2017 г. — Единый государственный реестр недвижимости).

При этом лицо, в пользу которого зарегистрирован сервитут, осуществляет пользование чужим земельным участком на условиях, установленных соглашением.

§ 3. Плата за сервитут

12. Плата за сервитут определяется судом исходя из принципов разумности и соразмерности с учетом характера деятельности сторон, площади и срока установления сервитута и может иметь форму как единовременного платежа, так и периодических платежей.

Согласно п. 5 ст. 274 ГК РФ и п. 6 ст. 23 ЗК РФ собственник земельного участка, обремененного сервитутом, по общему правилу вправе требовать от лиц, в интересах которых установлен сервитут, соразмерную плату за пользование участком.

Если при рассмотрении дела усматриваются основания для предоставления права ограниченного пользования чужим земельным участком, судам необходимо в соответствии с приведенными положениями закона определить размер платежей, подлежащих внесению собственнику обременяемого земельного участка, что предполагает вынесение данного вопроса в круг обстоятельств, подлежащих доказыванию (ч. 2 ст. 56 ГПК РФ, ч. 2 ст. 65 АПК РФ), и при отсутствии соглашения собственника объекта недвижимости, обременяемого сервитутом, на безвозмездное пользование — возложение на истца обязанности по представлению доказательств обоснованности предлагаемого к установлению размера платы, в том числе путем назначения экспертизы. При несогласии с предложенным размером платы за сервитут ответчик вправе представить доказательства в обоснование своих возражений (ч. 1 ст. 56 ГПК РФ, ч. 1 ст. 65 АПК РФ).

Размер платы за сервитут должен быть соразмерен той материальной выгоде, которую приобретает собственник земельного участка в результате установления сервитута, компенсируя те ограничения, которые претерпевает собственник земельного участка, обремененного сервитутом.

В размер платы включаются разумные затраты, возникающие у собственника объекта недвижимости в связи с ограничением его права собственности или созданием условий для реализации собственником объекта недвижимости, для обеспечения использования которого сервитут установлен, права ограниченного пользования (например, связанных с необходимостью организации проезда через принадлежащий собственнику земельный участок, сносом или переносом ограждений, с соблюдением пропускного режима, поддержанием части участка в надлежащем состоянии), а также образовавшихся в связи с прекращением существующих обязательств собственника участка, обремененного сервитутом, перед третьими лицами.

При этом необходимо в том числе учитывать долю земельного участка, ограниченную сервитутом, в общей площади земельного участка; срок установления сервитута; объем ограничения пользо-

вания земельным участком и интенсивность его предполагаемого использования; характер неудобств, испытываемых собственником недвижимого имущества, обремененного сервитутом; степень влияния сервитута на возможность распоряжения земельным участком.

Принимая решение об определении характера платы за сервитут (единовременной выплате в полном объеме или периодических платежей в течение всего срока действия сервитута), в целях наибольшего соблюдения баланса интересов истца и ответчика необходимо учитывать не только содержание заявленных истцом требований, но и конкретные условия, и объем сервитута.

Например, общество обратилось в арбитражный суд с иском о признании недействительным сервитута для обеспечения проезда через соседний земельный участок, принадлежащий предпринимателю.

При рассмотрении спора предприниматель не возражал против обременения его имущества сервитутом на условиях, предложенных обществом, вместе с тем заявил требование об определении платы за пользование принадлежащим ему земельным участком.

Общество, предлагая плату в размере 2 тыс. рублей ежемесячно, полагало, что такая плата соразмерна ограничению права предпринимателя.

Ответчик, возражая против предложенного размера платы, указывал, что такой размер не учитывает расходы, которые необходимо понести предпринимателю для оборудования въезда автотранспортных средств общества на земельный участок, а также интенсивность движения автотранспортных средств истца и ответчика.

Арбитражный суд, оценив доводы истца и ответчика, с учетом заключения эксперта, установил плату за сервитут в размере 50 тыс. рублей, подлежащих уплате обществом предпринимателю единовременно, и 8 тыс. рублей, которые подлежат уплате ежемесячно не позднее 5-го числа каждого месяца.

При этом суд апелляционной инстанции исходил из следующего.

Согласно п. 5 ст. 274 ГК РФ, п. 6 ст. 23 ЗК РФ собственник земельного участка, обремененного сервитутом, вправе требовать соразмерную плату от лиц, в интересах которых установлен сервитут, если иное не предусмотрено федеральными законами.

Определяя размер платы, суд первой инстанции основывался на заключении эксперта, определившего размер той материальной выгоды, которую получает общество в связи с установлением сервитута. Также судом учтены интенсивность движения транспортных средств по земельному участку предпринимателя, площадь использования обремененного в результате установления сервитута участка, а также необходимость оборудовать предпринимателем отдельный въезд для автотранспортных средств общества.

13. Условиями сервитута может быть предусмотрен порядок изменения платы. Каждая из сторон вправе обратиться в суд с требованием об изменении размера платы (увеличении или уменьшении) в случае изменения объема ограничений прав собственника земельного участка, обремененного сервитутом.

Общество обратилось в арбитражный суд к предпринятию об установлении платы за право ограниченного пользования земельным участком в размере 3 тыс. рублей в месяц.

Стороны при заключении соглашения о сервитуте не смогли прийти к соглашению о размере платы и условиях ее изменения, что явилось основанием для обращения в арбитражный суд с соответствующим требованием.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций, пункт соглашения об установлении сервитута о плате был изложен в редакции, предложенной обществом: «Плата за сервитут составляет 1 тыс. рублей в месяц. Плата за пользование подлежит ежегодному изменению на размер уровня инфляции, установленного в федеральном законе о федеральном бюджете на очередной финансовый год, который применяется ежегодно по состоянию на начало очередного финансового года начиная с года, следующего за годом, в котором заключено настоящее соглашение».

Довод предприятия о незаконности условия об изменении размера платы был отклонен судами.

В другом деле предприниматель обратился с иском об изменении (увеличении) размера платы за сервитут, установленный соглашением, ссылаясь на то, что плата, которая была согласована сторонами, подлежит пересмотру, поскольку изменился характер и объем пользования его участком (увеличены интенсивность движения и грузоподъемность автотранспортных средств обладателя сервитута). Однако ответчик отказался от внесения изменений в договор.

Рассматривая спор, судебные инстанции, с учетом доводов и доказательств, приведенных сторонами, а также заключения эксперта об определении платы и о реальном использовании ответчиком земельного участка истца для проезда к своему объекту недвижимости, пришли к выводу о необходимости внесения изменений в условия соглашения о плате за сервитут и об увеличении ее размера с 3500 до 5000 руб. ежемесячно. При этом суды указали, что истец доказал увеличение объема ограничения его прав по сравнению с моментом заключения соглашения ввиду увеличения площади использования ответчиком земельного участка, количества автотранспортных средств, интенсивности движения.

(Обзор утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26 апреля 2017 г.)

ОБОБЩЕНИЕ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ ОБ ОСПАРИВАНИИ РЕШЕНИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЭКЗАМЕНАЦИОННЫХ И КОНФЛИКТНЫХ КОМИССИЙ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ В 2016 ГОДУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИТОГОВОЙ АТТЕСТАЦИИ ПО ПРОГРАММАМ СРЕДНЕГО ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ФОРМЕ ЕДИНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭКЗАМЕНА

Верховным Судом РФ совместно с верховными судами республик, краевыми, областными и равными им судами проведено обобщение судебной практики рассмотрения судами в 2016 году административных дел об оспаривании решений государственных экзамена-

ционных и конфликтных комиссий субъектов Российской Федерации при проведении государственной итоговой аттестации по программам среднего общего образования в форме единого государственного экзамена (далее — ЕГЭ).

Конституция Российской Федерации в ст. 43 гарантирует каждому право на образование.

В соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее — Закон об образовании) образование представляет собой единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов (п. 1 ст. 2).

Согласно чч. 2—4 ст. 10 Закона об образовании образование в Российской Федерации подразделяется на общее образование, профессиональное образование, дополнительное образование и профессиональное обучение, обеспечивающие возможность реализации права на образование в течение всей жизни (непрерывное образование).

Общее образование и профессиональное образование реализуются по уровням образования. В отношении общего образования установлены следующие уровни:

- 1) дошкольное образование;
- 2) начальное общее образование;
- 3) основное общее образование;
- 4) среднее общее образование.

Освоение имеющих государственную аккредитацию основных образовательных программ, в том числе среднего общего образования, завершается государственной итоговой аттестацией.

В силу ч. 4 ст. 59 Закона об образовании государственная итоговая аттестация (далее также — ГИА) проводится государственными экзаменационными комиссиями (далее — ГЭК) в целях определения соответствия результатов освоения обучающимися основных образовательных программ соответствующим требованиям федерального государственного образовательного стандарта или образовательного стандарта.

Порядок проведения ГИА по соответствующим образовательным программам различного уровня и в любых формах (включая требования к использованию средств обучения и воспитания, средств связи при проведении государственной итоговой аттестации, требования, предъявляемые к лицам, привлекаемым к проведению государственной итоговой аттестации, порядок подачи и рассмотрения апелляций, изменения и (или) аннулирования результатов государственной итоговой аттестации) определяется федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере образования (ч. 5 ст. 59 Закона об образовании).

В соответствии с указанным законоположением приказом Минобрнауки России от 26 декабря 2013 г. № 1400 утвержден Порядок проведения государственной итоговой аттестации по образовательным программам среднего общего образования (далее — Порядок).

Проведение ГИА согласно ч. 13 ст. 59 Закона об образовании и п. 7 Порядка возможно в нескольких формах:

а) в форме ЕГЭ с использованием контрольных измерительных материалов, представляющих собой комплексы заданий стандартизированной формы (далее также — КИМ);

б) в форме государственного выпускного экзамена с использованием текстов, тем, заданий, билетов;

в) в иной форме, устанавливаемой органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющими государственное управление в сфере образования.

Большинство обучающихся по образовательным программам среднего общего образования, освоивших образовательные программы среднего общего образования в очной, очно-заочной или заочной формах, а также лиц, освоивших образовательные программы среднего общего образования в форме семейного образования или самообразования и допущенных в текущем году к ГИА, проходят ГИА в форме ЕГЭ.

Как указал Конституционный Суд РФ в Определении от 16 декабря 2008 г. № 1088-О-О¹, ЕГЭ представляет собой общеустановленную форму объективной оценки качества подготовки лиц, освоивших образовательные программы среднего (полного) общего образования, с использованием заданий стандартизированной формы, выполнение которых позволяет определить уровень освоения ими федерального компонента государственного образовательного стандарта среднего (полного) общего образования.

В силу п. 1 ч. 9 ст. 59 Закона об образовании ГЭК для проведения ГИА по образовательным программам основного общего и среднего общего образования на территориях субъектов Российской Федерации создаются уполномоченными органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

Как следует из п. 18 Порядка, состав ГЭК субъекта Российской Федерации формируется из представителей органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющих государственное управление в сфере образования, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, реализующих переданные полномочия в сфере образования, органов местного самоуправления, организаций, осуществляющих образовательную деятельность, научных, общественных и иных организаций и объединений, а также представителей Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки (далее — Рособrnadzor).

Согласно пп. 19 и 20 Порядка общее руководство и координацию деятельности ГЭК субъекта Российской Федерации осуществляет ее председатель, утверждаемый Рособrnadzором; в случае временного отсутствия председателя его обязанности исполняет заместитель председателя ГЭК субъекта Российской Федерации, утверждаемый также Рособrnadzором.

К полномочиям председателя ГЭК относятся, в частности: организация формирования состава ГЭК; рассмотрение после каждого экзамена полученной информации о нарушениях, выявленных при проведении ГИА, принятие мер по противодействию нарушениям установленного порядка проведения ГИА, в том числе организация проведения проверок по фактам нарушения установленного порядка проведения ГИА; рассмотрение результатов проведения ГИА и принятие решения об утверждении, изменении и (или) аннулировании результатов ГИА; принятие решения о допуске (повторном допуске) к сдаче ГИА в случаях, установленных Порядком.

¹Определение Конституционного Суда РФ от 16 декабря 2008 г. № 1088-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Процевской Натальи Александровны на нарушение ее конституционных прав Федеральным законом «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об образовании» и Федеральный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» в части проведения единого государственного экзамена», постановлением Правительства Российской Федерации «Об организации эксперимента по введению единого государственного экзамена» и приказом Министерства образования и науки Российской Федерации».

К компетенции членов ГЭК относится, в частности, обеспечение соблюдения установленного порядка проведения ГИА, а в случае выявления нарушений указанного порядка принятия решения об удалении с экзамена обучающихся, выпускников прошлых лет, а также иных лиц, находящихся в пункте проведения экзаменов.

В соответствии с п. 36 Порядка пункты проведения экзаменов оборудуются стационарными и (или) переносными металлоискателями, средствами видеонаблюдения. Аудитории также оборудуются средствами видеонаблюдения. Материалы видеозаписи экзамена используются лицами, привлекаемыми к проведению ГИА, а также Рособрнадзором и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющими государственное управление в сфере образования, в целях обнаружения и выявления фактов нарушения порядка проведения ГИА.

Пунктами 44 и 45 Порядка установлены следующие правила проведения ГИА. В день проведения ГИА экзаменуемые рассаживаются за рабочие столы в соответствии с проведенным распределением. До начала экзамена организаторы проводят инструктаж указанных лиц, в том числе информируют о порядке проведения экзамена, правилах оформления экзаменационной работы, продолжительности экзамена, порядке подачи апелляций о нарушении установленного порядка проведения ГИА и о несогласии с выставленными баллами, о случаях удаления с экзамена, а также о времени и месте ознакомления с результатами ГИА. Организаторы выдают обучающимся, выпускникам прошлых лет экзаменационные материалы. Экзаменационные материалы для проведения ЕГЭ включают КИМ, бланки регистрации, бланки для ответов на задания экзаменационной работы.

Во время экзамена лица, сдающие экзамен, должны соблюдать установленный порядок проведения ГИА и следовать указаниям организаторов. Экзамен сдается экзаменуемыми самостоятельно, без помощи посторонних лиц. Во время экзамена на рабочем столе экзаменуемых помимо экзаменационных материалов находятся: гелевая, капиллярная ручка с чернилами черного цвета; документ, удостоверяющий личность; лекарства и питание (при необходимости); специальные технические средства для лиц, нуждающихся в них по состоянию здоровья и указанных в п. 37 Порядка; черновики (за исключением ЕГЭ по иностранным языкам (раздел “Говорение”)); средства обучения и воспитания.

Так, согласно приказу Минобрнауки России от 5 февраля 2016 г. № 72 “Об утверждении единого расписания и продолжительности проведения единого государственного экзамена на каждом учебному предмету, перечня средств обучения и воспитания, используемых при его проведении в 2016 году” при проведении ЕГЭ в 2016 году допускалось использование следующих средств обучения и воспитания: по математике — линейка; по физике — линейка и непрограммируемый калькулятор; по химии — непрограммируемый калькулятор; по географии — линейка, транспортир, непрограммируемый калькулятор.

Иные вещи обучающиеся, выпускники прошлых лет оставляют в специально выделенном месте для личных вещей обучающихся, выпускников прошлых лет в здании (комплексе зданий), где расположен пункт проведения экзаменов.

В день проведения экзамена (с момента входа в пункт проведения экзаменов и до окончания экзамена) в пункте проведения экзаменов запрещается обучающимся, выпускникам прошлых лет иметь при себе средства связи, электронно-вычислительную технику, фото-, аудио- и видеоаппаратуру, справочные материалы, письменные заметки и иные средства хранения

и передачи информации (далее также — запрещенные предметы).

Проведенное обобщение показало, что количество рассмотренных судами общей юрисдикции административных дел об оспаривании решений государственных экзаменационных и конфликтных комиссий субъектов Российской Федерации при проведении в 2016 году ГИА по программам среднего общего образования в форме ЕГЭ составляет 55 дел.

При этом 87% вынесенных судами первой инстанции решений не обжаловались.

Данная категория дел рассматривалась судами по правилам главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее — КАС РФ); при разрешении указанных административных дел суды руководствовались положениями Закона об образовании, а также Порядком.

Административными истцами по изученной категории дел являлись лица, проходившие ГИА в форме ЕГЭ, или законные представители данных лиц (в случае недостижения последними на момент подачи административных исковых заявлений по рассматриваемым делам совершеннолетия).

Большинство дел указанной категории связаны с оспариванием актов об удалении обучающихся из пунктов проведения экзаменов и решений ГЭК субъектов Российской Федерации об аннулировании результатов ГИА (об оспаривании решения конфликтной комиссии субъекта Российской Федерации было выявлено только одно административное дело, решение по которому не обжаловалось).

В совокупности с данными требованиями в административных исковых заявлениях ставились также вопросы об обязанности ГЭК субъекта Российской Федерации допустить лицо, подлежащее прохождению ГИА, к сдаче незачтенного экзамена в дополнительные сроки в текущем учебном году или о восстановлении результатов сданного экзамена. Последнее требование предъявлялось в ситуации, когда решение об аннулировании результатов ГИА принималось ГЭК субъекта Российской Федерации ввиду полученных и нашедших подтверждение данных о фактах нарушения порядка проведения ГИА со стороны обучающихся после утверждения результатов ГИА.

При удовлетворении административных исковых заявлений суд по требованию административных истцов, руководствуясь положениями ст. 188 КАС РФ, обращал судебные решения к немедленному исполнению в целях предоставления обучающимся возможности сдать ГИА в текущем учебном году в дополнительное время, предусмотренной пп. 28 и 33 Порядка.

Проведенный анализ судебной практики свидетельствует, что при рассмотрении данной категории дел положения Закона об образовании и Порядка, регламентирующие спорные правоотношения, в большинстве случаев применяются правильно. Вместе с тем необходимо обратить внимание на следующие вопросы, вызывающие затруднения в судебной практике.

Правила распределения бремени доказывания обстоятельств, имеющих значение для административного дела об оспаривании решений, действий (бездействия) органов, организаций и должностных лиц, наделенных государственными или иными публичными полномочиями, установлены чч. 2 и 3 ст. 62, чч. 9—11 ст. 226 КАС РФ.

Применительно к административным делам об оспаривании решений ГЭК субъекта Российской Федерации об удалении обучающихся с экзаменов и (или) аннулировании результатов ЕГЭ в связи с допущенными нарушениями правил прохождения ГИА, выразившимися в наличии у экзаменуемых предметов, нахождение которых при них во время проведения ГИА не допускается, данные требования КАС РФ предполага-

ют, что доказательствами, представленными административным ответчиком, должно подтверждаться наличие у экзаменуемого запрещенных предметов, указанных в абз. 12 п. 45 Порядка.

При этом суды правильно исходили из того, что на административных истцах лежит бремя доказывания факта нарушения их прав и в силу этого при заявлении соответствующих доводов на них может быть возложена обязанность доказать, что имевшиеся у обучающегося во время проведения ГИА спорные предметы являются предметами, разрешенными к использованию во время проведения ГИА и предусмотренными абз. 3—8 п. 45 Порядка.

Так, Верховный Суд Республики, пересматривая в апелляционном порядке решение городского суда Республики, отказал в удовлетворении административного искового заявления, поданного в интересах несовершеннолетней Ч., о признании незаконным решения ГЭК субъекта Российской Федерации об аннулировании результатов ЕГЭ по химии.

В процессе рассмотрения данного административного дела было установлено, что результаты ЕГЭ по химии, полученные Ч., были аннулированы ГЭК субъекта Российской Федерации на основании результатов видеонаблюдения федеральных инспекторов на официальном портале smotriego.ru за использование в период проведения ЕГЭ листа бумаги, расцененного ГЭК субъекта Российской Федерации в качестве справочного материала.

При этом административный истец не отрицал наличие у Ч. в период проведения ЕГЭ посторонней бумаги, но возражал против ее оценки в качестве справочного материала.

В ходе судебных заседаний по данному административному делу судами первой и апелляционной инстанций исследовалась видеозапись ЕГЭ по химии, из которой усматривалось, что Ч. в период проведения ГИА по химии два раза вытаскивала из кармана бумагу небольшого размера, держала ее в руках, клала рядом или под другой лист формата А4.

Однако суд первой инстанции посчитал, что данная видеозапись не является доказательством, достоверно свидетельствующим об использовании Ч. во время экзамена по химии справочного материала, и удовлетворил поданное в интересах Ч. административное исковое заявление.

Отменяя решение суда первой инстанции и отказывая в удовлетворении административного искового заявления, суд проверочной инстанции указал на непропорциональность выводов суда первой инстанции ввиду того, что материалами видеозаписи подтверждается наличие у Ч. в период проведения ЕГЭ по химии постороннего предмета — листа бумаги, что является нарушением правил проведения ГИА.

Однако проведенное обобщение выявило также случаи, когда суды ошибочно оценивали наличие у экзаменуемого лица во время проведения ГИА постороннего предмета как отсутствие нарушений установленных правил проведения ГИА со стороны данного лица.

Например, при проведении ЕГЭ по химии Г. была удалена с экзамена за использование справочного материала.

Рассматривая административное дело о признании незаконным акта об удалении Г. из пункта проведения экзаменов, а также решения ГЭК субъекта Российской Федерации об аннулировании результатов Г. по химии без права допуска к повторной сдаче ЕГЭ по химии в резервный день в текущем учебном году, районный суд Республики установил, что во время сдачи ЕГЭ по химии к Г. подошел представитель Рособнадзора, нашел на ее парте два листа со штампами для черновиков, списанных от руки экзаменационными заданиями без вариантов их решения, и изъясил их, посчитав справочными материалами. После этого был составлен акт об удалении Г. из пункта проведения экзаменов, и в дальнейшем принято решение

ГЭК субъекта Российской Федерации об аннулировании результатов ЕГЭ по химии Г. без права повторной сдачи ЕГЭ по химии в дополнительные сроки в текущем учебном году.

В ходе рассмотрения данного дела административный истец ссылался на то, что обнаруженные у Г. письменные заметки не представляют собой запрещенные к использованию в ходе проведения ЕГЭ материалы, а являются черновиками, иметь которые в двух экземплярах правила сдачи ЕГЭ, установленные Порядком, не запрещают. Наличие у Г. второго листа со штампами для черновиков обосновывалось тем, что данный лист остался у экзаменуемой с предыдущего экзамена и был принесен с собой на случай, если одного черновика ей не хватит.

По результатам рассмотрения данного административного дела районный суд Республики принял решение о признании незаконным акта об удалении Г. из пункта проведения экзаменов, а также решения ГЭК субъекта Российской Федерации об аннулировании результатов Г. по химии без права повторной сдачи ЕГЭ по химии в резервный день в текущем учебном году, а также о возложении на Министерство образования и науки Республики обязанности согласовать Г. место расположения пункта проведения экзамена по химии в форме ЕГЭ в резервный день.

Вместе с тем следует признать правильной практикой тех судов, которые на основании абз. 6 п. 44 Порядка исходили из того, что черновики выдаются организаторами ГИА экзаменуемым по мере необходимости и принесены с собой быть не могут.

В ряде случаев суды при вынесении решений об отпаривании решений ГЭК субъекта Российской Федерации об аннулировании результатов ГИА исходили из того, что административными ответчиками не доказаны факты нарушения порядка проведения ГИА со стороны обучающихся.

Городской суд Республики удовлетворил требование административного истца, поданное в интересах его несовершеннолетнего сына М., о признании незаконным акта об удалении М. с ЕГЭ по математике и решения ГЭК субъекта Российской Федерации об аннулировании результатов ЕГЭ по математике без права сдачи ЕГЭ по данному предмету в дополнительные сроки в текущем учебном году.

При рассмотрении административного дела судом было установлено, что в ходе проведения ЕГЭ по математике М. отпросился в санитарную комнату. Войдя в санитарную комнату, он увидел на полу мобильный телефон, в этот же момент к нему подошел один из членов ГЭК субъекта Российской Федерации, который попросил М. поднять с пола телефон, полагая, что телефон принадлежит М.

М. отказался это делать, утверждая, что телефон не его, после чего член ГЭК субъекта Российской Федерации сам поднял и забрал телефон, а в отношении М. был составлен акт об удалении с ЕГЭ, на основании которого в дальнейшем было принято решение ГЭК субъекта Российской Федерации об аннулировании результатов ЕГЭ по математике без права пересдачи данного экзамена в дополнительные сроки в текущем учебном году.

Удовлетворяя заявленные административным истцом требования, суд указал, что в судебном заседании установлено, что найденный мобильный телефон при его обнаружении у М. не находился, при этом каких-либо доказательств наличия у М. мобильного телефона и его использования административным ответчиком не представлено. Сам факт того, что на полу помещения в момент нахождения там М. обнаружен мобильный телефон, не является доказательством, что М. нарушил порядок проведения ГИА.

В других случаях суды правомерно исходили из того, что факт наличия у экзаменуемого в период ГИА

на территории пункта проведения экзаменов мобильного телефона является нарушением п. 45 Порядка.

В соответствии с требованиями КАС РФ (чч. 1 и 2 ст. 59, ч. 1 ст. 84) при рассмотрении административного дела об оспаривании решений государственных экзаменационных и конфликтных комиссий субъекта Российской Федерации при проведении ГИА суду надлежит непосредственно исследовать все имеющиеся доказательства по делу, в том числе материалы видеозаписи проведения ГИА.

Проведенное обобщение показало, что по всем административным делам изученной категории судами исследовались видеозаписи проведения ГИА (в случае их предоставления суду административным ответчиком).

На основании указанных материалов видеозаписей в ряде случаев суды отказывали в удовлетворении заявленных исковых требований об оспаривании решений ГЭК субъектов Российской Федерации, указывая на то, что материалами видеозаписи проведения ЕГЭ подтверждается факт наличия у экзаменуемого средств связи или иных запрещенных абз. 12 п. 45 Порядка предметов.

Так, районный суд города Б. отказал в удовлетворении административного искового заявления административного истца, действовавшего в интересах несовершеннолетнего М., о признании незаконным акта об удалении М. с ЕГЭ по общественнозначению.

Судом при рассмотрении данного административного дела, в частности, исследованы видеоматериалы, сделанные в ходе проведения ЕГЭ по общественнозначению, из которых следует, что во время данного экзамена М. достал из кармана пиджака письменную записку, спустя несколько секунд положил ее на парту под экзаменационные материалы, после чего она была обнаружена организатором пункта проведения экзамена Х. и продемонстрирована в объектив видеокамеры.

На основании собранных доказательств по делу, в том числе с учетом указанной видеозаписи, судом был сделан вывод о законности решения ГЭК субъекта Российской Федерации об удалении М. с ЕГЭ по общественнозначению ввиду допущенного М. нарушения порядка проведения ГИА.

При этом в соответствии с положениями пп. 45 и 71 Порядка для удаления обучающегося с экзамена и (или) аннулирования результатов ЕГЭ достаточно установить факт наличия у экзаменуемого запрещенного к использованию в период проведения ГИА предмета, независимо от его фактического использования данным обучающимся в период ЕГЭ.

Например, судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Республики, пересматривая в апелляционном порядке решение городского суда Республики, отказала в удовлетворении административных исковых требований законного представителя несовершеннолетней Ш. об оспаривании решения ГЭК субъекта Российской Федерации.

Данным решением ГЭК субъекта Российской Федерации был установлен факт нарушения Ш. правил проведения ЕГЭ, выразившийся в наличии у Ш. мобильного телефона, и отказано в допуске Ш. к сдаче экзамена в дополнительные сроки в текущем учебном году.

Оспаривая указанное решение ГЭК субъекта Российской Федерации, административный истец утверждал, что у Ш. во время проведения экзамена имелись наручные часы с функцией голосового будильника, не обладающие функцией приема и передачи информации, ошибочно принятые ГЭК субъекта Российской Федерации за мобильный телефон, которого она при себе не имела в период проведения ГИА.

Однако при просмотре видеозаписи хода экзамена судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Республики установила, что во время проведения

экзамена с места Ш. громко исходит звук и женским голосом звучит фраза: “Услуга не подключена. Чтобы подключить услугу “голосовая почта”, позвоните по телефону...”; при воспроизведении данной фразы Ш. резко встает с места, вынимает из-за пояса юбки техническое средство, отключает его, после чего следуют гудки прерывания связи.

На основании данной видеозаписи судом сделаны выводы о наличии у Ш. в период проведения экзамена мобильного устройства и, следовательно, о допущенном ею нарушении п. 45 Порядка независимо от того, использовала Ш. данное устройство или нет.

В передаче кассационной жалобы законного представителя Ш. на апелляционное определение судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Республики для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции судьей Верховного Суда Республики отклонено.

Решением районного суда города И., оставленным судом апелляционной инстанции без изменения, отказано в удовлетворении административного искового заявления, поданного в интересах несовершеннолетнего Л., о признании незаконным решения ГЭК субъекта Российской Федерации об аннулировании результата экзамена по общественнозначению.

В процессе судебного заседания было установлено, что результаты экзамена Л. по общественнозначению были аннулированы, поскольку по итогам просмотра видеозаписи хода данного экзамена выявлены допущенные Л. нарушения правил проведения ГИА: в ходе экзамена у Л. из-под пиджака выпали справочные материалы. При этом, по мнению административного истца, факт наличия у Л. справочных материалов не свидетельствует об их использовании Л. в ходе ЕГЭ по общественнозначению.

Отказывая в удовлетворении заявленных требований, суд указал, что наличие у Л. справочных материалов подтверждается собранными по делу доказательствами, в том числе не опровергаются административным истцом, следовательно, факт допущенных Л. нарушений правил проведения ГИА установлен и оснований для признания незаконным решения ГЭК субъекта Российской Федерации об аннулировании результата экзамена Л. по общественнозначению не имеется.

Однако в ряде случаев требования административных исковых заявлений о признании незаконными актов об удалении обучающихся из пунктов проведения экзаменов и решений ГЭК субъектов Российской Федерации об аннулировании результатов ГИА удовлетворялись со ссылкой на то, что обнаруженный у экзаменуемого запрещенный предмет в процессе ГИА не использовался, что следует признать ошибочным.

Так, например, наличие у экзаменуемого при себе в ходе ГИА в пункте проведения экзаменов неработающего телефона также является нарушением п. 45 Порядка.

В соответствии с абз. 16 п. 45 Порядка лица, допустившие нарушение установленного порядка проведения ГИА, удаляются с экзамена. Для этого организаторы, руководитель пункта проведения экзаменов или общественные наблюдатели приглашают членов ГЭК, которые на основании соответствующего акта удаляют лиц, нарушивших установленный порядок проведения ГИА, из пункта проведения экзаменов.

Как следует из ряда судебных решений, на основании данного положения некоторые административные истцы предъявляли требования о признании актов об удалении обучающихся с экзаменов и решений ГЭК субъекта Российской Федерации незаконными, полагая, что в случае отсутствия в акте об удалении обучающегося с экзамена подписей всех членов ГЭК субъекта Российской Федерации данный акт является приня-

тым в нарушение установленного Порядка и, соответственно, незаконным.

Вместе с тем согласно абз. 3 п. 40 Порядка в редакции приказа Минобрнауки России от 16 января 2015 г. № 9 “О внесении изменений в Порядок проведения государственной итоговой аттестации по образовательным программам среднего общего образования, утвержденный приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 26 декабря 2013 года № 1400” в день проведения экзамена в пункте проведения экзаменов присутствуют помимо иных лиц, перечисленных в абз. 3 п. 40 Порядка, не менее одного члена ГЭК субъекта Российской Федерации.

Соответственно, акт об удалении обучающегося с экзамена должен быть составлен и подписан всеми присутствующими в пункте проведения экзаменов членами ГЭК субъекта Российской Федерации.

Районный суд области Н. рассмотрел административное исковое заявление о признании незаконными акта об удалении участника ГИА Л. из пункта проведения экзаменов и решения ГЭК субъекта Российской Федерации об аннулировании результатов ГИА Л. по русскому языку, а также о недопущении Л. к сдаче экзамена в дополнительные сроки сдачи данного экзамена в текущем учеб-

ном году и возложении обязанности на ГЭК субъекта Российской Федерации допустить Л. к участию в ГИА в резервные дни основного периода сдачи ГИА по русскому языку в 2016 году.

Административный истец, обращаясь с указанными требованиями в защиту прав своего несовершеннолетнего сына Л., в числе прочего утверждал, что акт об удалении Л. из пункта проведения экзаменов является незаконным ввиду того, что был подписан только одним членом ГЭК субъекта Российской Федерации, что является грубым нарушением абз. 16 п. 45 Порядка.

Однако суд, отказывая в удовлетворении заявленных требований, отметил, что доводы административного истца основаны на неправильном толковании п. 45 Порядка и приведены без учета взаимосвязи указанного положения с требованиями абз. 3 п. 40 Порядка, согласно которым в день проведения экзамена в пункте проведения экзаменов присутствуют, в частности, руководитель и организаторы пункта проведения экзаменов и не менее одного члена ГЭК.

(Обзор утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 1 июня 2017 г.)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Серков П.П. (главный редактор), **Борисова Е.Е.**, **Горшков В.В.**, **Давыдов В.А.**, **Журавлева Е.М.**, **Момотов В.В.**, **Нечаев В.И.**, **Петрова Т.А.**, **Пчелинцева Л.М.**, **Рудаков С.В.**, **Свириденко О.М.**, **Хаменков В.Б.**, **Харламов А.С.**, **Хомчик В.В.**, **Шилохвост О.Ю.**

**Государственное учреждение —
издательство “Юридическая литература”**

Администрации Президента Российской Федерации

Адрес редакции: 121069, г. Москва, ул. Малая Никитская, д. 19, стр. 1.
Телефоны: 495-691-57-40, 495-690-44-00.

За справками по вопросам подписки и распространения обращаться по телефону 495-690-10-55.

E-mail: Yurizdat@gov.ru
<http://www.jurizdat.ru>

Подписано в печать 23.10.2017.
Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура “Таймс”. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 5,58. Уч.-изд. л. 7,73. Тираж 9333 экз. Заказ 8404.

Отпечатано в ООО “АЛАТЫРЬ”.
115114, г. Москва, пер. 2-й Кожевнический, д. 1, комн. 11.
Телефон: 8-926-153-58-94.
E-mail: alatisu02@gmail.com
